

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

MOSCOW UNIVERSITY PSYCHOLOGY BULLETIN

№ 4 • 2020 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Выходит с 1977 г. один раз в три месяца

Published since 1977 once in three months

СОДЕРЖАНИЕ

Психология практике — актуальные вызовы

- Свиридова Т.В., Лазуренко С.Б., Венгер А.Л., Фисенко А.П., Долгих А.Г.* Психологическая помощь детям с COVID-19 в «красной зоне» в ситуации болезни близких взрослых. 4
- Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю.* Принятие моральных решений во время пандемии COVID-19 22
- Шмелев А.Г.* Точность экспертной технологии обнаружения мошенничества на удаленных тестовых экзаменах (прокторинг) 44
- Володарская Е.А., Гасимов А.Ф.* Индивидуально-характерологические аспекты психологической культуры студентов дистанционной и очной форм обучения. 67

Теоретические и эмпирические исследования

<i>Толочек В.А.</i> Феномен «Компетенции»: Открытые вопросы	84
<i>Рикель А.М.</i> Социальные представления о гомосексуальности у разных поколений современных россиян	110
<i>Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В.</i> Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях	135
<i>Муромцева Т.С., Ковязина М.С.</i> Эквивалентность словесного и словогового вариантов теста дихотического прослушивания	168
<i>Виноградова М.Г., Ермушева А.А.</i> Структура категориальных связей телесных ощущений у пациентов с синдромом импульсивных экскораций	187
<i>Ковшова О.С., Киреева Т.И.</i> Клинико-психологическое сопровождение детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом.	204
<i>Симонова Н.Н., Мастренко А.С., Султанова Ф.Р., Губайдулина Л.М., Барабанищикова В.В.</i> Личностная надежность спасателей МЧС и их профессиональная успешность.	221
Благодарности рецензентам журнала	251
<i>Указатель статей</i> , опубликованных в «Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология» в 2020 г.	256

CONTENTS

Science in Practice — Current Challenges

<i>SViridova, T.V., Lazurenko, S.B., Venger, A.L., Fisenko, A.P., Dolgikh, A.G.</i> Psychological aid for children infected with COVID-19 in “Red zone” in the context of illness of close adults	4
<i>ENikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Boyko, O.M., Vorontsova, O.Yu., Kazmina, O.Yu.</i> Moral decision-making during the COVID-19 pandemic	22
<i>Shmelev, A.G.</i> Accuracy of expert fraud detection technology in remote test exams (proctoring)	44
<i>Volodarskaya, E.A., Gasimov, A.F.</i> Individual characteristic aspects of psychological culture of students of distance and full-time form of learning	67

Theoretical and Empirical Researches

<i>Tolochek, V.A.</i> The Competence Phenomenon: Open questions	84
<i>Rikel, A.M.</i> Social representations about homosexuality among different generations of modern Russians	110
<i>Kulikov, L.V., Malyonova, A.Yu., Potapova, Yu.V.</i> Subjective picture of motherhood in Russian and foreign studies.	135
<i>Muromtseva, T.S., Kovyazina, M.S.</i> The risks of information socialization as a manifestation crisis of modern childhood	168
<i>Vinogradova, M.G., Ermusheva, A.A.</i> Categorisation of bodily sensations in patients with excoriation disorder with impulsive actions	187
<i>Kovshova, O.S., Kireeva, T.I.</i> Clinical and psychological support for preschool children with cerebral palsy	204
<i>Simonova, N.N., Mastrenko, A.S., Sultanova, F.R., Gubaidulina, L.M., Barabanshchikova, V.V.</i> Personal reliability of rescuers of the Ministry of Emergency situations and their professional success when leaving for emergencies and in a training situation	221
Acknowledgements to the reviewers of the journal	251
<i>The Index of articles published in “MOSCOW UNIVERSITY PSYCHOLOGY BULLETIN” in the year 2020.</i>	256

ПСИХОЛОГИЯ ПРАКТИКЕ — АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

УДК: 159.9.072

doi: 10.11621/vsp.2020.04.01

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ С COVID-19 В «КРАСНОЙ ЗОНЕ» В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ БЛИЗКИХ ВЗРОСЛЫХ

Т.В. Свиридова^{1,2*}, С.Б. Лазуренко^{1,2},
А.Л. Венгер³, А.П. Фисенко¹, А.Г. Долгих⁴

¹ ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Россия.

² ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования», Москва, Россия.

³ Кафедра психологии ГБОУ ВО МО «Университет «Дубна», Московская обл., Россия.

⁴ Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

* Для контактов. E-mail: tvsviridova@gmail.com

Актуальность. В статье впервые определены направления психологической помощи детям с COVID-19 в «красной зоне» в ситуации болезни близких взрослых.

Цель: изучение психологического состояния детей с COVID-19 в «красной зоне» в ситуации болезни близких взрослых и определение направлений психологической помощи.

Методики и выборка: анализ 36 клинических случаев детей 7–17 лет в ситуации болезни близких взрослых, которые находились в тяжелом состоянии в реанимации (первая группа, 28 детей), либо в удовлетворительном состоянии и получали лечение на дому (вторая группа, 8 детей). Проведено: изучение медицинской документации; скрининг-диагностика, включавшая методику «Три желания», адаптированную методику «Незаконченные предложения» (для подростков), рисунок на свободную

тему; анкета из 10 вопросов, направленных на выяснение физического самочувствия ребенка, его пожеланий к организации быта и досуговой деятельности в палате и т.п.

Результаты исследования. У большинства пациентов выявилось неблагоприятное психологическое состояние (близкое к состоянию острого стресса либо нестабильное), которое проявлялось в трех различных вариантах: выраженная тревога; повышенное возбуждение; сниженный фон настроения. Эти проявления были постоянны и ярко выражены у детей, чьи близкие находились в тяжелом состоянии в отделении реанимации; у детей, чьи близкие имели удовлетворительное состояние и лечились на дому, они наблюдались эпизодически при воздействии дополнительных стрессоров.

Выводы. Учет психологических различий, как и ряда других факторов (возраста, уровня психологической зрелости, тяжести физического состояния), позволяет оказать детям и подросткам дифференцированную психологическую помощь в особых условиях «красной зоны».

Ключевые слова: психология чрезвычайных ситуаций, «красная зона», дети с COVID-19, психолого-педагогическая служба в педиатрии.

Благодарности. Исследование выполнено благодаря самоотверженному труду сотрудников ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, в том числе медицинских психологов Афониной М.С., Рабинович М.Б., Складневой В.М., Еротиевич М.С., Павловой Н.Н.

Для цитирования: Свиридова Т.В., Лазуренко С.Б., Венгер А.Л., Фисенко А.П., Долгих А.Г. Психологическая помощь детям с COVID-19 в «красной зоне» в ситуации болезни близких взрослых // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 4–21. doi: 10.11621/vsp.2020.04.01

Поступила в редакцию: 21.07.2020 / Принята к публикации: 23.09.2020

PSYCHOLOGICAL AID FOR CHILDREN INFECTED WITH COVID-19 IN “RED ZONE” IN THE CONTEXT OF ILLNESS OF CLOSE ADULTS

**Tatiana V. Sviridova^{1,2*}, Svetlana B. Lazurenko^{1,2},
A.L. Venger³, A.P. Fisenko¹, Alexandra G. Dolgikh⁴**

¹ Federal State Autonomous Institution “National Medical Research Center for Children’s Health” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

² Federal State Budgetary Scientific Institution “Institute of Correctional Pedagogy of Russian Education Academy”, Moscow, Russia.

³ State Budgetary Educational Institution of Higher Education of Moscow Region “Dubna University”, Moscow, Russia.

⁴ Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

*Corresponding author. E-mail: tvsviridova@gmail.com

Relevance. The article defines the first-ever directions of psychological aid for children infected with COVID-19 in “red zone” in the context of illness of close adult people.

The goal of the research is psychological state of children infected with COVID-19 in “red zone” in the context of illness of close adults and determination of the required psychological aid.

Methods and sample. Analysis of 36 clinical cases of 7–17 years old children in the context of illness of close adults, who were in critical condition in intensive care department (first group — 28 children) or in satisfactory condition being treated at home (second group — 8 children). The research included the following: observation of medical records; screening diagnostics, which included the “Three Wishes” technique, an adapted method of “Unfinished sentences” (for adolescents), a drawing (any topic); 10-questions questionnaire focused on child’s physical well-being, its wishes for organization of everyday life and leisure activities in hospital ward, etc.

Results. The majority of patients appeared to be in unfavorable psychological state (close to acute stress or unstable state), which manifested itself in three different ways: severe anxiety; over-excitement, impaired mood. These symptoms were constant and illustrative for children whose relatives were in critical condition in the intensive care department. Children, whose relatives were in satisfactory condition and were treated at home were observed during periods when they were influenced by additional stressors.

Conclusions. Taking into account psychological differences and other factors (such as age, level of psychological maturity, severity of physical condition) provides an opportunity to give children and adolescents in “red zone” differentiated psychological aid.

Keywords: emergency psychology, “red zone”, children infected with COVID-19, psychological and pedagogical service in Pediatrics.

Acknowledgments. This research was carried out with the aid of officers of FSAI “NMRC of Children’s Health” of the Ministry of Health of the Russian Federation and medical psychologists M.S. Afonina, M.B. Rabinovich, V.M. Sklyadneva, M.S. Erotievich, and N.N. Pavlova.

For citation: Sviridova, T.V., Lazurenko, S.B., Venger, A.L., Fisenko, A.P., Dolgikh, A.G. (2020) Psychological aid for children infected with COVID-19 in “Red zone” in the context of illness of close adults. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 4–21. doi: 10.11621/vsp.2020.04.01

Received: July 21, 2020 / Accepted: September 23, 2020

Введение

Согласно данным многочисленных исследований, госпитализация, связанная с ухудшением физического состояния, становится для многих детей существенным стрессором, снижающим их адаптационные возможности и тем самым косвенно усугубляющим течение болезни (Исаев, 2005).

Особенно ярко это проявляется у детей в «красной зоне». Высокий риск возникновения дистресса обусловлен такими медицинскими и социальными факторами, как нестабильное физическое состояние, скачкообразное течение и неясный прогноз болезни; пребывание в инфекционных палатах с организацией быта в условиях карантина, невозможность посещения родными; большой объем психотравмирующей информации, поступающей детям из СМИ и от ближайшего окружения (Brooks S., 2020; Danese A., 2002; Jiao W., 2020).

В силу высокой контагиозности болезни COVID-19, многие близкие взрослые ребенка были инфицированы, а некоторые находились в реанимации в тяжелом состоянии, с неопределенным прогнозом. Все это определяет особый, психотравмирующий характер социальной ситуации, в которой оказываются дети, и делает необходимой организацию неотложной психологической помощи. Выраженная специфика и несопоставимость с другими чрезвычайными ситуациями, отсутствие в литературе подобного опыта (как

исследований психологического состояния детей с COVID-19, так и психологической помощи в детском инфекционном стационаре) на фоне острой необходимости реализации задач, поставленных практикой, побудило нас к поиску результативного решения этой актуальной для нашего времени проблемы.

Гипотеза

Содержание психологической помощи, оказываемой в «красной зоне» детям, чьи родители или близкие родственники болеют, зависит от тяжести соматического состояния детей, их психологического возраста, актуальных психологических потребностей и типа реакции на психотравмирующее событие, а также социальной ситуации, обусловленной тяжестью состояния близких.

Методы

Психологическое состояние детей в «красной зоне» выявлялось с помощью изучения медицинской документации, бесед со здоровыми родственниками (очно или дистанционно), либо представителями органов социальной опеки и психологического обследования. Условием отбора клинических случаев для анализа являлось наличие у ребенка знания о болезни близкого родственника.

Тяжесть психологического состояния детей и особенности режима работы инфекционного отделения исключали возможность стандартной процедуры психологического обследования (Лазуренко, 2020). Для изучения психологического состояния и основных психологических переживаний/трудностей ребенка в «красной зоне» нами была разработана особая техника психологического скрининг-обследования.

Скрининг-диагностика включала методику «Три желания» (Прихожан А.М., Толстых Н.Н., 2005), адаптированную методику «Незаконченные предложения» (Практикум по возрастной психологии, 2002), рисунок на свободную тему с инструкцией: «Придумай и нарисуй рисунок, как умеешь. Напиши, что на нем изображено и как он называется» и анкету из 10 вопросов. Вопросы были направлены на выяснение физического самочувствия ребенка, его пожеланий к организации быта и досуговой деятельности в палате и т.п. Ответы записывались или самим ребенком, или психологом с его слов.

Из-за карантинных мер пациентам было запрещено выходить из палаты, поэтому обследование проводилось прямо там, в присутствии других детей, а иногда и их родителей. Дополнительную

сложность создавала необходимость работать с использованием средств индивидуальной защиты. Так, наблюдение часто осложнялось конденсатом на защитной маске у специалиста, что мешало четко увидеть мимические проявления пациента; поэтому особое внимание уделялось пантомимике, положению тела, интонации голоса.

Все записи психолога, сделанные в ходе наблюдения за ребенком и беседы, а также заполненные бланки скрининг-обследования фотографировались с помощью планшета, предназначенного для работы в «красной зоне», и передавались по интернету двум-трем психологам-коллегам. Это позволяло быстро организовать психологический консилиум и принять решение о формах психологической поддержки «трудному» пациенту.

Работа проводилась в инфекционном отделении ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России. Из 119 детей с коронавирусной инфекцией, 36 (30%) пациентам было известно о болезни значимых взрослых, что могло служить источником дополнительных эмоциональных переживаний. В зависимости от тяжести сложившейся жизненной ситуации и степени возможного психотравмирующего влияния на детскую личность больные были распределены в две группы. Первую группу составили 28 детей, чьи близкие родственники находились в тяжелом состоянии и проходили лечение в отделениях реанимации других больниц (у 18 детей это были родители, у 10 — члены расширенной семьи: бабушки, дедушки, тети, дяди). Вторую группу — 8 детей, имеющие постоянный дистанционный контакт со значимыми близкими в удовлетворительном состоянии, лечение которых проходило на дому (у 6 детей — родители, у 2 детей — бабушки).

В табл. 1 представлено распределение детей по возрастам (младшие школьники: 7–10 лет, младшие подростки: 11–13 лет, старшие подростки: 14–18 лет). В табл. 2 — по тяжести физического состояния (тяжелое, среднетяжелое, удовлетворительное).

Таблица 1

Распределение пациентов по возрастам

Группа	Возраст			Всего
	Мл. школьн.	Мл. подрост.	Ст. подрост.	
I	6 (21,4%)	11 (39,3%)	11 (39,3%)	28 (100%)
II	3 (37,5%)	1 (12,5%)	4 (50%)	8 (100%)

Таблица 2

Распределение пациентов по тяжести физического состояния

Группа	Физическое состояние			
	Тяжелое	Среднетяжелое	Удовлетворит.	Всего
I	1 (4%)	14 (50%)	13 (46%)	28 (100%)
II	–	2 (25%)	6 (75%)	8 (100%)

Результаты

На основе скрининг-диагностики была проведена экспертная оценка психологической зрелости детей по двум критериям: характер потребностей и интересов; степень психологической автономии в общении и поведении. Характеристика психического развития пациентов в соотношении с возрастными нормативами (нормативный, ненормативный) отражен в табл. 3.

Таблица 3

Распределение пациентов по характеристикам психического развития

Группа	Характеристика психического развития		
	Нормативное	Ненормативное	Всего
I	24 (86%)	4 (14%)	28 (100%)
II	6 (75%)	2 (25%)	8 (100%)

Как видно из таблицы, в 6 случаях (17%) психическое развитие детей не соответствовало их паспортному возрасту, что требовало учета при разработке содержания психологической помощи.

Психологическое состояние детей и подростков

Изучение психологического состояния пациентов выявило у подавляющего большинства из них эмоциональные нарушения и адаптационные трудности, характерные для переживания стресса той или иной степени остроты (Портнова, 2007). В первой группе (дети, чьи родные находились в тяжелом состоянии в отделении реанимации) было 26 таких детей (93%), во второй (дети, чьи родные находились в удовлетворительном состоянии и получали лечение на дому) — 7 детей (87,5%). У двух мальчиков из группы I (7%) и одного мальчика из группы II (12,5%) сохранялось относительно стабильное психологическое состояние.

В группе I у многих детей и подростков наблюдались снижение целенаправленности, пассивность (дети могли часами ничего не делать, разглядывать из окна палаты прохожих на улице), стереотипное выполнение простых действий (длительное бесцельное пролистывание видеофайлов на планшете, механическое переписывание конспектов), трудности организации элементарного быта в палате и выполнения гигиенических процедур. У некоторых детей имелись нарушения сна и пищевого поведения.

Младшие школьники и психологически незрелые подростки довольно подробно рассказывали о своих родителях, их тяжелом состоянии и госпитализации в реанимацию. В ходе разговора сообщали о собственных потребностях и проблемах. Например, ребенок высказывал желание скорейшего выздоровления близких, чтобы он мог поскорее вернуться домой. Таким образом, младшие школьники и психологически незрелые подростки не могли в полной мере осознать тяжесть сложившейся жизненной ситуации и возможные последствия.

В отличие от этого, лично более зрелые подростки старались избегать в беседе столь болезненной для них темы. Они практически не упоминали состояния родителей ни в беседах, ни в анкете, либо делали это мельком, формально, тяготясь лишними расспросами. Это может свидетельствовать о том, что глубина переживаний связана со степенью личностной зрелости. Такое поведение подростков часто приводило в замешательство медицинских работников, поскольку было понятно, что объективная ситуация вызывает у ребенка тяжелые переживания, однако внешне они почти не проявлялись. Психологу требовалось объяснять медицинским работникам причины этого мнимого противоречия.

В группе II в поведении детей наблюдались периодические трудности эмоционально-волевой регуляции, сужение/снижение целенаправленности деятельности и общения, что свидетельствовало о том, что психологическое состояние детей и подростков было крайне нестабильным. Это выражалось в повышенной интенсивности переживаний и реактивности, чувствительности к внешним воздействиям, трудностях эмоционально-волевой регуляции. Младшие школьники и подростки испытывали повышенную потребность в общении с близкими, многократно им звонили/писали, делились своими чувствами и ситуативными переживаниями, жаловались на тоску по дому, просили передать им домашнюю еду и личные вещи. Находясь в больнице 14 дней и более, многие дети практи-

чески не стремились завязывать общение с соседями по палате, старались не раскладывать привезенные из дома вещи, поскольку все их размышления и переживания были сфокусированы на семье и ожидании выписки.

Нами было выделено три варианта проявлений психологического неблагополучия у детей: выраженная тревога; повышенное возбуждение; сниженный фон настроения. Эти варианты наблюдались в обеих группах, однако между группами имелось и существенное различие. В группе I описанные проявления у большинства детей были устойчивыми и ярко выраженными. В группе II они носили преходящий, транзиторный характер и возникали под воздействием новых, в том числе, незначительных стрессоров (например, изменение графика медицинских обходов).

Распределение пациентов по выделенным вариантам психологического состояния (тревожное, возбужденное, снижение настроения, относительно стабильное) отражено в табл. 4.

Таблица 4

Психологическое состояние двух групп пациентов

Группа	Психологическое состояние				
	Тревожное	Возбужд.	Сниж. настр.	Относит. стабильн.	Всего
I	10 (36%)	8 (28,5%)	8 (28,5%)	2 (7%)	28 (100%)
II	3 (37,5%)	2 (25%)	2 (25%)	1 (12,5%)	8 (100%)

Статистический анализ полученных данных был невозможен из-за малочисленности выборки и множества факторов, потенциально влияющих на психологическое состояние пациентов: возраст, пол, тяжесть течения болезни, состав семьи, тяжесть состояния родственников, предшествующий опыт и т.п. Поэтому мы были вынуждены ограничиться качественным анализом клинических случаев. Он показал, что в зависимости от возраста, степени личностной зрелости, индивидуально-психологических особенностей, соматического статуса дети по-разному реагируют на ситуацию тяжелой болезни родителей и фрустрацию базовой потребности в общении со значимым близким.

В группе I выраженное состояние тревоги наблюдалось у 10 детей (36%), в том числе у трех младших школьников, трех младших подростков и четырех старших подростков. Оно проявлялось в высоком эмоциональном и мышечном напряжении, отсутствии возможности

расслабиться, фиксации на различных опасениях без объективных оснований. Половина этих детей находилась в среднетяжелом состоянии, половина — в удовлетворительном (по 5 детей).

У детей младшего школьного возраста переживание тревоги было связано с конкретными жизненными событиями. Так, в одной из палат психологи при обходе обнаружили троих детей, сидящих на одной кровати и дрожащих от страха из-за незнакомого шума в вентиляционном проеме душевой комнаты.

У подростков тревога проявлялась, преимущественно, в устойчивых ипохондрических опасениях, связанных с возможными осложнениями болезни и негативным исходом ее течения, с мучительными сомнениями в эффективности лечения. Подростки очень внимательно следили за словами врача, старались перепроверять сказанное в интернете. Любые отклонения в состоянии своего здоровья и в ходе лечения (например, незначительный подъем температуры или незапланированное исследование) вызывали у них сильнейшее эмоциональное напряжение, вплоть до панических атак.

В группе II нестабильное психологическое состояние с тенденцией к быстрому возникновению тревоги было отмечено у трех пациентов (37,5%): двух младших школьников и одного старшего подростка; все трое находились в удовлетворительном физическом состоянии. Они периодически испытывали сильные переживания, связанные с ожиданием результатов анализов на коронавирусную инфекцию, тщательно соблюдали гигиенические нормы (многократно обрабатывали руки, мебель, письменные принадлежности) после контакта с соседями по палате и медицинским персоналом. В общении с врачом и с близкими (по телефону) нуждались в постоянном подтверждении благополучного исхода болезни и скорой выписки.

В группе I возбужденное эмоциональное состояние наблюдалось у 8 пациентов (29%). Из них один младший школьник, пять младших подростков и два старших подростка. Три пациента находились в состоянии средней тяжести, пятеро — в удовлетворительном состоянии. Согласно нашим наблюдениям, состояние повышенного возбуждения у детей разного возраста проявлялось сходным образом.

У этих детей и подростков практически постоянно было приподнятое настроение, они были чрезмерно активны, отличались импульсивным необдуманым поведением, сниженным уровнем самоконтроля. Их деятельность была мало целенаправлена.

Наблюдение за поведением этих детей в палате показало, что они часто нарушали нормы и правила социального взаимодействия. Четверо подростков проявляли повышенную враждебность в общении, которая выражалась в мелочных придирках, нетерпении и нередко приводила к конфликтам с детьми в палате и медработниками.

Некоторые подростки выражали амбивалентные чувства по отношению к близким, одновременно жалели их и обвиняли в сложившейся ситуации.

В группе II нестабильное психологическое состояние с тенденцией к возбуждению проявилось у двух пациентов (25%): одного младшего школьника и одного старшего подростка (физическое состояние — средней тяжести и удовлетворительное). У них периодически отмечались повышенный эмоциональный фон, снижение самоконтроля, импульсивность. В поведении ребят иногда прослеживалась повышенная конфликтность. Имелась склонность к отрицанию тяжести состояния и возможных негативных последствий болезни, как у себя, так и у близких. Младший школьник с увлечением рисовал план побега из больницы и обсуждал с соседом по палате, что он будет делать, когда его реализует. Старший подросток в состоянии средней тяжести, получающий кислородную поддержку, настойчиво просил врача его выписать и отправить домой болеть вместе с родителями.

В группе I сниженное настроение, подавленное состояние было выявлено у 8 детей (29%), в том числе у одного младшего школьника, трех младших подростков и четырех старших подростков. Оно проявлялось в повышенной слезливости, падении активности, обеднении интересов, замкнутости, замедленности движений и действий, фиксации на психофизическом дискомфорте. В тяжелом соматическом состоянии находился один из этих детей, в среднетяжелом — пятеро, в удовлетворительном — двое.

Эти дети и подростки практически не следили за своей внешностью и личными вещами, выглядели неопрятно. Из-за физической слабости и истощаемости часто бросали начатое. Вели себя замкнуто, врачей и соседей по палате игнорировали, либо поддерживали с ними чисто формальный контакт.

Дети младшего школьного возраста и психологически незрелые подростки большую часть времени спали либо лежали на кровати без какого-либо занятия. Старшие подростки слушали музыку, машинально играли в компьютерные игры, раскрашивали раскраски, смотрели фильмы. При звонках знакомых заметно оживлялись, на

лице проскальзывала улыбка. Поговорив с ними, снова становились грустными, пассивными. Складывалось впечатление, что дети как будто «замораживались» до получения хороших новостей от родителей.

В группе II нестабильное психологическое состояние с тенденцией к снижению настроения наблюдалось у одного младшего и одного старшего подростка (25%); оба находились в удовлетворительном физическом состоянии. Они эпизодически испытывали чувство тоски по друзьям и близким; у них часто актуализировались негативные переживания, не связанные с болезнью и госпитализацией. Так, девушка старшего подросткового возраста пожаловалась на внезапно нахлынувшие в больнице чувства грусти и одиночества из-за произошедшего два месяца назад разрыва с молодым человеком.

Таким образом, при наличии поддержки значимых близких и достаточном уровне психической зрелости проявления у детей психического неблагополучия с тенденцией к снижению менее выражены и более ситуативны.

В группе I относительно стабильное психологическое состояние с положительным фоном настроения наблюдалось только у двух пациентов «красной зоны», родители которых находились в реанимации (7%). Это был один младший школьник в удовлетворительном физическом состоянии и старший подросток в состоянии средней тяжести. У этих пациентов сохранился достаточный самоконтроль, высокая целенаправленность, отмечался интерес к различным видам деятельности и общению.

Описываемый младший школьник был госпитализирован вместе со своей младшей сестрой дошкольного возраста (не вошедшей в группу исследования в силу возрастных ограничений) и осознанно исполнял роль старшего брата, к которой был приучен взрослыми. Недостаточная оценка ребенком в силу возраста тяжести жизненной ситуации и постоянная включенность в заботу о младшей сестре в качестве «взрослого» позволила этому личностно зрелому мальчику на некоторое время совладать с ситуацией госпитализации обоих родителей в отделение реанимации.

Во втором случае личностно зрелый склонный к рефлексии юноша, находясь на госпитализации повторно из-за ухудшения состояния и часто размышляя о своих профессиональных и личностных планах в связи с тяжелым состоянием мамы и бабушки, смог самостоятельно начать прорабатывать свои переживания. Со слов юноши, именно благодаря такой сложной жизненной ситуации

он вдруг понял свою личную ответственность за свою жизнь, выбор профессии и будущее. Подобный способ переживания описан Ф.Е. Василюком (1984) у зрелых личностей. Вместе с тем, согласно Г.Е. Сухаревой, дальнейшее воздействие психотравмирующей ситуации и/или дополнительное воздействие стрессоров может привести к полному истощению внутриличностных ресурсов и нарушению защитных механизмов детской психики (Сухарева Г.Е., 1959), что свидетельствует о необходимости отнесения данной категории детей к группе риска возникновения дистресса.

В группе II в относительно стабильном психологическом состоянии пребывал один из восьми детей (12,5%) — старший подросток в физическом состоянии средней тяжести. Юноша осознанно относился к госпитализации, воспринимал ее как эффективную меру в сохранении своего здоровья. Находясь в больнице, постоянно занимал себя привлекательной деятельностью: изучал программирование, читал, общался со сверстниками в социальных сетях, поддерживал близких (дистанционно) и соседей по палате.

Таким образом, осознание личностного смысла ситуации (в первом случае — забота о младшей сестре, во втором — стремление определиться со своим будущим, в третьем — лично значимая деятельность и общение) при высоком уровне личностной зрелости позволило определенное время младшему школьнику и подросткам самостоятельно справляться с переживаниями, вызванными психотравмирующими событиями.

Изучение психологического состояния и вариантов его проявления у детей и подростков с COVID-19 в зависимости от тяжести сложившейся жизненной ситуации и степени ее психотравмирующего влияния на личность позволило определить общие и специфические направления психологической помощи в детском инфекционном стационаре.

Тяжелое психологическое состояние многих детей, находящихся в инфекционном отделении (по нашим данным, в целом не менее 30%), не было очевидным для медицинских работников и родственников в силу отсутствия общепринятых его признаков в поведении (например, аффективного отреагирования). Это свидетельствует о необходимости систематического психологического мониторинга всех пациентов в отделении. Вне зависимости от типа реагирования, для всех детей в тяжелой жизненной ситуации показано систематическое психологическое консультирование с целью стабилизации психологического состояния. В ряде случаев, в силу особенностей

психофизического состояния (выраженности симптоматики и степени нарушения функционирования), психолог рекомендовал консультацию невролога. По результатам неврологического обследования более половины из 36 пациентов (19 человек, 53%) начали получать необходимую медикаментозную поддержку.

Важнейшими задачами психологической работы с детьми в инфекционном стационаре, госпитализированными без родителей, стали помощь в решении ситуативных психологических трудностей и профилактика развития дистресса. Это достигалось путем систематического краткосрочного консультирования (по мере необходимости), организации общения с соседями по палате и систематической деятельности: учебной, творческой, продуктивной.

С детьми и подростками, у которых преобладало **состояние тревоги**, осуществлялась работа, направленная на преодоление страхов, знакомство со способами контроля ситуации и эмоционального состояния.

С младшими школьниками и психологически незрелыми подростками осуществлялась систематическая работа по переключению их внимания с тревожных переживаний на посильные и интересные виды деятельности (творческую, познавательную, трудовую).

С подростками проводились беседы об особенностях их состояния как нормальной реакции организма на стрессовую ситуацию. При выраженных страхах использовалась техника «Уничтожение страха» (Венгер, Морозова, 2016).

При **высокой выраженности** тревожного состояния, характерной для пациентов из *первой группы* (чьи родные находились в отделении реанимации), требовалось более регулярное психологическое вмешательство.

При **возбужденном эмоциональном состоянии** осуществлялась психологическая работа по структурированию деятельности и режима дня, созданию условий для реализации потребности в деятельности и общении, а также внешнего контроля поведения и соблюдения социальных норм как средства восстановления регуляции и стабилизации эмоционального состояния.

При особо высоком и устойчивом эмоциональном возбуждении важным направлением работы было обсуждение с детьми вопросов, связанных с соблюдением правил поведения в палате: необходимость уважать потребности других детей во сне и отдыхе; спрашивать разрешения при желании послушать музыку без наушников или повеселиться; соблюдать чистоту в палате и т.п.

При **сниженном настроении** основным направлением работы с детьми и подростками становилась помощь в обогащении их деятельности, актуализации психологических потребностей, соответствующих их возрасту.

В *первой группе* как младшим школьникам, так и подросткам при особо сниженном, **подавленном эмоциональном состоянии** в начале работы было важно проявление по отношению к ним обычной человеческой заботы и внимания: помочь заправить постель, попросить санитарку подогреть остывший обед, рассказать про погоду и новости, побыть рядом, пока ребенок лежит под капельницей и т.п. Важно было предоставить ребенку возможность быть выслушанным, «выплеснуть» свои переживания, когда он сам захочет это сделать.

Большинство пациентов со сниженным настроением находилось в тяжелом и среднетяжелом физическом состоянии. Постепенно, по мере его улучшения, психологи включали ребят в посильную и положительно эмоционально окрашенную для них деятельность. Для многих детей и подростков такой деятельностью стало рисование. В частности, с успехом использовалась техника из арсенала арт-терапии «Гармонизация рисунка» (Венгер, Морозова, 2016).

Для стабилизации психологического состояния детей, родители которых находились в тяжелом состоянии в реанимации, осуществлялось ежедневное психологическое сопровождение. Дети второй группы, получая систематическую дистанционную психологическую поддержку от близких взрослых, нуждались в меньшем объеме помощи — мониторинге и консультировании по поводу ситуативных проблем.

Пациентам **в относительно устойчивом психологическом состоянии** требовалось систематическое психологическое сопровождение, направленное на мониторинг и помощь в решении ситуативных трудностей с целью сохранения внутриличностных ресурсов.

Проявление человеческой заботы и участия в ситуации ухудшения физического состояния или поступления тревожной информации о состоянии родителей способствует укреплению защитных механизмов личности. Особого внимания заслуживали ситуации ухудшения физического состояния детей или поступления тревожной информации о состоянии родителей. В этих случаях детям была нужна дополнительная эмоциональная поддержка, которую удавалось обеспечить благодаря тесному сотрудничеству психолога с лечащим врачом, медсестрой и родственниками пациентов.

Заключение

Исследование показало, что в ситуации болезни родителей пациенты детского возраста могут находиться в различном по степени тяжести психологическом состоянии (в тяжелом психологическом состоянии по типу острого стресса, нестабильном и относительно стабильном) и нуждаются в дифференцированной психологической помощи.

Тяжесть соматического состояния детей, их психологический возраст, актуальные психологические потребности и тип реакции на психотравмирующее событие, а также актуальная жизненная ситуация обуславливают содержание помощи.

В силу сочетания высокой стрессогенности ситуации, неясности прогноза, отсутствия родительской поддержки и незрелости адаптационных механизмов детской личности, особое внимание психологов должно быть приковано к пациентам «красной зоны», чьи родители находятся в тяжелом состоянии в отделении реанимации.

Во всех случаях, в силу неочевидности психологических переживаний детей для родственников и медицинского персонала, одной из важнейших задач психологической помощи является организация посредничества между ребенком, с одной стороны, и взрослыми — с другой, а также между детьми, находящимися в одной палате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.

Венгер А.Л., Морозова Е.И. Экстренная психологическая помощь детям и подросткам. Дубна, 2016.

Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс. Психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб., 2005.

Лазуренко С.Б. Современное состояние и перспективы развития психолого-педагогической помощи в педиатрии // Российский педиатрический журнал. Т. 23. № 2. 2020. С.148–154.

Портнова А.А. Психические нарушения у детей и подростков при чрезвычайных ситуациях. М., 2007.

Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб., 2002.

Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. 2-е издание. СПб.: Питер, 2005. 400 с.

Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. Т. II. Часть 2. М.: Медицина, 1959. 406 с.

Brooks S. at al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *Lancet*. 2020. P. 912–920; URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8).

Jiao W. at al. Behavioral and emotional disorders in children during the Covid-19 Epidemic // *The Journal of Pediatrics*. 22. April.2020; URL: doi: 10.1016/j.jpeds.2020.03.013.

Danese A. at al. Child and adolescent mental health amidst emergencies and disasters.// *The British Journal of Psychiatry*. 2020. P. 159–162; URL: doi: 10.1192/bjp.2019.244.

REFERENCES

Vasilyuk F.E. Psihologiya perezhivaniya: Analiz preodoleniya kriticheskikh situacij. M., 1984 (in Russ.).

Venger A.L., Morozova E.I. Ekstrennaya psihologicheskaya pomoshch' detyam i podrostkam, Dubna, 2016.(in Russ.).

Isaev D.N. Emocional'nyj stress. Psihosomaticheskie i somatopsihicheskie rasstrojstva u detej. SPb., 2005. (in Russ.).

Lazurenko S.B. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psihologo-pedagogicheskoy pomoshchi v pediatrii//Rossijskij pediatricheskij zhurnal. 2020. P. 148–154. (in Russ.).

Portnova A.A. Psihicheskie narusheniya u detej i podrostkov pri chrezvychajnyh situacijahM., 2007 (in Russ.).

Praktikum po vozrastnoj psihologii: Ucheb. Posobie / Pod red. L.A. Golovej, E.F. Rybalko SPb., 2002 (in Russ.).

Prihozhan A. M., Tolstyh N. N. Psihologiya sirotstva, SPb., 2005.

Suhareva G.E. Klinicheskie lekcii po psihiatrii detskogo vozrasta. T. II. M, 1959 (in Russ.).

Brooks S. at al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *Lancet*. 2020; P. 912–920.

Jiao W. at al. Behavioral and emotional disorders in children during the Covid-19 Epidemic// *The Journal of Pediatrics*. 22. April.2020; URL: doi: 10.1016/j.jpeds.2020.03.013.

Danese A. at al. Child and adolescent mental health amidst emergencies and disasters//*The British Journal of Psychiatry*. 2020. P.159–162.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Васильевна Свиридова — заведующая лабораторией специальной психологии и коррекционного обучения центра психолого-педагогической помощи в педиатрии ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Россия; старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования», Москва, Россия. E-mail: tvsviridova@gmail.com

Светлана Борисовна Лазуренко — начальник центра психолого-педагогической помощи в педиатрии ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Россия; главный научный сотрудник ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования», Москва, Россия. E-mail: preeducation@gmail.com

Александр Леонидович Венгер — профессор кафедры психологии ГБОУ ВО МО «Университет «Дубна», Московская обл., Россия. E-mail: alvenger@gmail.com

Андрей Петрович Фисенко — директор ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Россия. E-mail: labspiko@gmail.com

Александра Георгиевна Долгих — доцент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: ag.dolgikh@mail.ru

ABOUT AUTHORS

Tatiana V. Sviridova — head of the Laboratory of Special Psychology and Correctional Education of the center for psychological and pedagogical support in pediatrics Federal State Autonomous Institution “National Medical Research Center for Children’s Health” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Federal State Budgetary Scientific Institution “Institute of Correctional Pedagogy of Russian Education Academy”, Moscow, Russia. E-mail: tvsviridova@gmail.com

Svetlana B. Lazurenko — head of the center for psychological and pedagogical support in pediatrics Federal State Autonomous Institution “National Medical Research Center for Children’s Health” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Federal State Budgetary Scientific Institution “Institute of Correctional Pedagogy of Russian Education Academy”, Moscow, Russia. E-mail: preeducation@gmail.com

Alexander .L. Venger — professor of the department of psychology of State Budgetary Educational Institution of Higher Education of Moscow Region “Dubna University”, Moscow, Russia. E-mail: alvenger@gmail.com

Andrew P. Fisenko — director of Federal State Autonomous Institution “National Medical Research Center for Children’s Health” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: labspiko@gmail.com

Alexandra G. Dolgikh — associate professor at faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: ag.dolgikh@mail.ru

УДК: 159.9.01
doi: 10.11621/vsp.2020.04.02

ПРИНЯТИЕ МОРАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

С.Н. Ениколопов*, **Т.И. Медведева**,
О.М. Бойко, **О.Ю. Воронцова**, **О.Ю. Казьмина**

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия.

Для контактов*. E-mail: enikolopov@mail.ru

Актуальность. Пандемия COVID-19 ставит проблемы морального выбора перед большим количеством людей: кому в первую очередь оказывать медицинскую помощь; на ком допустимо проводить срочные испытания вакцин и лекарств; предпочтение собственного удобства или соблюдение ограничений ради «общего блага».

Целью исследования было оценить, может ли стресс, испытываемый людьми во время пандемии COVID-19 оказать влияние на моральные решения.

Материалы и методы. Анализировались данные интернет-опроса, проведенного с 30 марта по 31 мая (311 человек). Опрос включал социодемографические вопросы, вопросы на оценку своего текущего состояния, Симптоматический опросник SCL-90-R, Тест «Моральные дилеммы», состоящий из 30 дилемм.

Оценивалась связь количества утилитарных личностных выборов в моральных дилеммах с социодемографическими показателями, оценкой респондентами своего состояния и психопатологическими характеристиками. Отдельно рассматривалось решение моральных дилемм подгруппами респондентов с соматизацией и психопатологической симптоматикой

Результаты показали высокий уровень дистресса на протяжении всего опроса и увеличение утилитарных личностных выборов в моральных дилеммах в конце опроса. Количество личностных выборов было ниже у старших респондентов, было выше у мужчин, положительно коррелировало с психопатологической симптоматикой. В подгруппе с высоким уровнем соматизации наблюдалось небольшое снижение личностных выборов к концу опроса. Напротив, в подгруппе с высокими уровнями психопатологической симптоматики в конце опроса количество личностных выборов значительно увеличилось.

Выводы. На фоне карантина меняются оценки моральных норм, уровень стресса неоднозначно влияет на моральные решения: высокий уровень соматизации приводит к снижению утилитарных личностных выборов, усиление психопатологической симптоматики — к увеличению утилитарных личностных выборов. Утилитарные личностные выборы чаще делают мужчины и более молодые люди.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, моральные решения, моральные дилеммы, соматизация, психопатологическая симптоматика, SCL-90R.

Для цитирования: Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Принятие моральных решений во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 22–43. doi: 10.11621/vsp.2020.04.02

Поступила в редакцию: 22.06.2020 / Принята к публикации: 23.07.2020

MORAL DECISION-MAKING DURING COVID-19 PANDEMIC

Sergey N. Enikolopov*, **Tatiana I. Medvedeva,**
Olga M. Boyko, Oksana Yu. Vorontsova, Olga Yu. Kazmina

Federal State Budgetary Scientific Institution “Mental Health Research Center”,
Moscow, Russia

*Corresponding author. E-mail: enikolopov@mail.ru

Relevance. The COVID-19 pandemic reveals the problem of moral choices for a large number of people: who should be treated first; who can be considered as a subject for urgent vaccines and drugs testing; choice between personal convenience and observation of restrictions for the sake of the “common good.”

The objective of the study was to evaluate whether the stress experienced by people during the COVID-19 pandemic can change moral decision making.

Materials and methods. The data of an online survey conducted from March 30 to May 31 (311 people) were analyzed. The survey included socio-demographic questions, questions about assessing one’s current condition, the Symptom Check List-90-Revised (SCL-90-R), and the Moral Dilemmas Test, consisting of 30 dilemmas.

The relationship of a number of utilitarian choices in personal moral dilemmas with sociodemographic characteristics, respondents’ assessments of

their state and psychopathological characteristics was analyzed. Solving personal moral dilemmas was considered within subgroups of respondents with a high level of somatization and a high level of psychopathological symptoms and it was reviewed separately.

Results. The results showed a high level of distress throughout the survey and an increase of utilitarian choices in personal moral dilemmas by the end of the survey. The number of choices in personal dilemmas was lower among older respondents, higher among men, and positively correlated with psychopathological symptoms. In the subgroup with a high level of somatization, personal choices slightly decreased by the end of the survey. On the contrary, in the subgroup with high levels of psychopathological symptoms, the number of personal choices significantly increased.

Conclusions. Against the background of quarantine, assessments of moral standards change. The level of stress ambiguously affects moral decisions. A high level of somatization leads to a decrease in utilitarian personal choices, and a higher level of psychopathological symptoms leads to an increase in utilitarian choices. Utilitarian personal choices are more often made by men and younger people.

Keywords: COVID-19, pandemic, moral decisions, moral dilemmas, somatization, psychopathological symptoms, SCL-90R.

For citation: Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Boyko, O.M., Vorontsova, O.Yu., Kazmina, O.Yu. (2020) Moral decision-making during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 22–43. doi: 10.11621/vsp.2020.04.02

Received: June 22, 2020 / Accepted: July 23, 2020

Введение

Пандемия COVID-19 представляет собой серьезную угрозу для психического здоровья, так как вызывает у большинства людей сильный страх за свою жизнь или за жизнь близких и знакомых. Во время вспышки инфекционного заболевания человек является одновременно и жертвой, и возможным переносчиком инфекции. Серьезность мер, принимаемых правительствами многих стран для локализации вспышек заболевания, также влечет за собой сложные психологические условия для населения, так как существует вероятность ограничения и нарушения личных прав в целях борьбы с пандемией.

Сейчас пандемия COVID-19 ставит проблемы морального выбора перед большим количеством людей, и это не теоретические проблемы, а сугубо практические. Врачам приходится принимать такие решения, делая выбор, кому в первую очередь оказывать помощь в условиях дефицита медицинских средств. Им приходится делать выбор между оказанием срочной помощи больному и собственной безопасностью. Актуальными становятся проблемы медицинской этики, которые касаются срочных испытаний вакцин и лекарств, принятия решений об использовании медикаментов, изначально не предназначенных для лечения именно коронавирусной инфекции, с риском нежелательных побочных эффектов. Принятие на себя ответственности за выбор того или иного метода лечения в отсутствие общепризнанных протоколов лечения. Иногда лечить тяжелых больных приходится медикам непрофильной специализации. Возможно, не так остро, как для врачей, для каждого человека стоит вопрос выбора между привычным образом жизни и необходимостью соблюдать ограничения ради «общего блага».

Одним из инструментов исследования принятий моральных решений являются задачи, в которых испытуемому предлагается представить себя в сложной ситуации и сделать выбор, который может вызвать конфликт между моральными убеждениями, ценностями и представлениями о справедливости, общем благе или выгоде. Такие задачи принято называть «моральными дилеммами».

Хотя ранние исследования принятия моральных решений подчеркивали роль рациональных, сознательных исполнительных процессов, включающих активацию лобной доли, в более поздних работах было обосновано, что эмоции и интуиция играют ключевую роль в моральном мышлении. Влияние когнитивных и эмоциональных процессов на моральные решения рассматривал J.D. Greene с коллективом авторов (Greene, Sommerville, Nystrom, Darley, Cohen, 2001), они предложили теорию двойного процесса (dual-process theory), в которой различаются быстрая, бессознательная и не требующая усилий аффективная система и медленная, сознательная и требующая усилий когнитивная система. Для исследований J.D. Greene с соавторами (Greene, Nystrom, Engell, Darley, Cohen, 2004) предложили 50 дилемм, которые делились на три группы: «нейтральные» дилеммы (еще их называют «внеморальные»), «морально безличностные» и «морально личностные», испытуемым предлагалось вынести свои суждения по поводу различных воображаемых ситуаций.

«Нейтральные» дилеммы не требуют разрешения каких-либо конфликтов между разумом и эмоциями.

«Морально безличностные» дилеммы затрагивают мораль и эмоции, но не вызывают сильного внутреннего конфликта между утилитарными соображениями (как добиться максимального «совокупного блага») и эмоциональными ограничениями или запретами, так как острота конфликта сглажена за счет того, что жертвы не находятся в прямом контакте с испытуемым: *«Вы дежурите в больнице. Из-за аварии в вентиляционную систему попал ядовитый газ. Если вы ничего не предпримете, газ попадет в палату с тремя пациентами и убьет их. Единственный способ их спасти — это повернуть особый рычаг, который направит ядовитый газ в палату, где лежит только один пациент. Он погибнет, зато те трое будут спасены. Повернете ли вы рычаг?»*

«Морально личностные» дилеммы требуют разрешения острого конфликта между утилитарными соображениями о наибольшем общем благе и необходимостью своими руками совершить поступок, против которого восстают эмоции. Например, одна из самых известных дилемм, в литературе называется «дилемма толстяка» (в некоторых исследованиях «дилемма пешеходного моста» — *Footbridge dilemma*): *«Неуправляемая вагонетка несется по рельсам по направлению к 5 рабочим, которые будут раздавлены, если вагонетка не остановится. Вы находитесь на пешеходном переходе над рельсами, как раз между вагонеткой и рабочими. Рядом с вами стоит незнакомец, очень крупный человек. Единственный способ спасти пятерых рабочих столкнуть незнакомца на рельсы, и тогда его тело остановит вагонетку. Незнакомец погибнет, но пять человек будут спасены. Вы столкнете незнакомца на рельсы, чтобы спасти пятерых рабочих?»*

Согласно теории двойного процесса (*dual-process theory*) предложенной J.D. Greene, при столкновении с моральной проблемой, когда одному человеку может быть причинен вред, ради спасения нескольких других людей, люди сразу и невольно испытывают негативную эмоциональную реакцию на перспективу причинения вреда. Если эта реакция достаточно мощная, или если не хватает времени, мотивации или ресурса для размышления об утилитарной пользе, эмоциональная реакция будет доминировать в процессе принятия решений. И как результат деонтологического морального выбора — действие, причиняющее вред другому, будет морально неприемлемо. В более комфортных условиях люди могут прибегать к когнитивным

размышлениям относительно затрат и выгод от причинения вреда другому человеку. Если есть достаточно времени, мотивации и ресурсов, эти когнитивные процессы могут доминировать в принятии решений, что приводит к утилитарным суждениям — вредное действие морально приемлемо в той степени, в которой оно приводит к общему увеличению благосостояния (то есть благополучию для большего числа людей). Таким образом, согласно модели J.D. Greene, психологические процессы, лежащие в основе деонтологических и утилитарных суждений, различны и независимы. Имеющиеся данные согласуются с мнением о том, что деонтологические суждения обусловлены эмоциональными процессами, тогда как утилитарные суждения движимы когнитивными процессами. Эта теория подтверждается многими исследованиями, изучающими работу разных структур мозга в зависимости от включенности той или иной системы принятия моральных решений. Экспериментальное усиление вовлеченности эмоциональных процессов при принятии морального решения приводит к уменьшению утилитарных выборов (Bartels, 2008; Petrinovich, O'Neill, 1996; Starcke, Brand, 2012). Когнитивные области мозга были более активными, когда участники рассматривали безличностную моральную дилемму, в которой жертвы находятся вне прямого контакта с испытуемым (Greene et al., 2001).

Учитывая, что стресс может активировать многие из тех же областей мозга, которые важны для эмоциональной системы принятия решений (Starcke, Brand, 2012), мы стремились оценить, может ли стресс, испытываемый во время пандемии COVID-19 оказать влияние на принятие моральных решений.

Уже опубликованы исследования влияния ситуации пандемии COVID-19 на проявления симптомов дистресса во время и после карантина. В опросе, проведенном в Китае во время вспышки COVID-19, в котором большинство участников проводили 20–24 часа в день дома, 53,8% респондентов сообщили о серьезном ухудшении своего психологического состояния (Wang et al., 2020). Еще более высокие уровни депрессии, тревоги и стресса были зарегистрированы в исследованиях, проведенных в Италии и Испании (Cellini, Canale, Mioni, Costa, 2020; Odriozola-González, Planchuelo-Gómez, Irurtia-Muñiz, de Luis-García, 2020), где было доказано, что социальная изоляция ухудшает психическое здоровье населения (Pancani, Marinucci, Aureli, Riva, 2020).

В испанском исследовании о влиянии пандемии на моральные решения (Romero-Rivas, Rodríguez-Cuadrado, 2020) было показано,

что стресс уменьшает личностные утилитарные выборы в одной из наиболее известных дилемм («дилемма толстяка» в статье называется дилеммой «пешеходного моста»). Стресс оценивался по наличию симптомов, связанных с COVID-19. Те участники, которые испытывали больше симптомов, связанных с COVID-19, давали более медленные ответы при принятии утилитарных решений. Напротив, люди, испытывающие меньше беспокойства, и люди, которые были более активны в способах совладания с ситуацией с помощью поиска информации о пандемии, были более склонны к принятию рациональных утилитарных решений. Авторы полагают, что полученные ими результаты совпадают с предыдущими исследованиями, указывающими на то, что принятие решений в личностных и высоко эмоционально значимых моральных дилеммах в состоянии стресса способствует быстрому автоматическому ответу (в этом случае уменьшая шансы утилитарных ответов) (Greene, 2007; Youssef et al., 2012). В то время как меньшее беспокойство и рациональный поиск информации способствуют утилитарным ответам. Эта дихотомия может поддерживать двухпроцессный подход в принятии моральных решений: ухудшение физического здоровья способствует ответам эмоциональной системы (автоматическим), но поиск информации и отсутствие беспокойства облегчают ответы когнитивной системы (более рациональные и утилитарные ответы).

Действительно, ранее в исследованиях было показано, что стресс снижает количество личностных утилитарных выборов в моральных дилеммах (Youssef et al., 2012) — исследователи пришли к выводу, что активация реакции на стресс приводила к тому, что участники делали меньше утилитарных выборов, когда они сталкивались с личностными моральными дилеммами. Авторы также предполагают, что этот факт дает дополнительную поддержку теории морального суждения с вовлечением двух процессов — когнитивных и эмоциональных.

Предыдущие исследования показали, что высокий уровень психопатических черт связан с выбором утилитарных решений, как в безличностных, так и в личностных моральных дилеммах (Bartels, Pizarro, 2011; Djeriouat, Trémolière, 2014; Koenigs, Kruepke, Zeier, Newman, 2012). В клинических исследованиях на группах больных с выраженной психопатологией работ по изучению моральных решений не много, как правило, они основаны на том, что при некоторых психических заболеваниях больные хуже понимают социальный контекст, и их решения часто отличаются от обще-

принятых. В исследовании (Fagan, Kofler, Riccio, Gao, 2020) связь высокого уровня психопатических черт с увеличением утилитарных ответов, которые, в частности, одобряют принесение в жертву одного человека, ради спасения многих, объясняется с помощью теории соматических маркеров. В гипотезе соматических маркеров А. Дамасио (Damasio, 1994, 2003) описывается нейрокогнитивный механизм, с помощью которого эмоциональные процессы могут направлять поведение и влиять на принятие решений. С точки зрения А. Дамасио, мозг создает многочисленные соматические маркеры — ощущения эмоциональной привлекательности или отвращения, которые помогают находить короткий путь при рассмотрении многих возможных вариантов решений. В том числе в случаях, когда сложность вариантов решения, неопределенность ситуации, многочисленность влияющих факторов не позволяют принять сознательное решение (Медведева, Ениколопова, Ениколопов, 2013; Damasio, Tranel, Damasio, 1991). Повышенная эмоциональная реакция (т.е. производство соматических маркеров) лежит в основе более низких показателей утилитарного реагирования при решении моральных дилемм. Утилитарные суждения даже предсказываются уровнем эмоционального возбуждения участников: в исследованиях утилитарные моральные суждения были связаны с более низким вегетативным возбуждением, которое измерялось через кожно-гальваническую реакцию кожи в ответ на моральные дилеммы (Moretto, Ladavas, Mattioli, di Pellegrino, 2010; Navarrete, McDonald, Mott, Asher, 2012).

В ряде исследований ранее было показано, что стресс, связанный с критическими жизненными событиями, и ежедневные неприятности опосредуют принятие решений, но только у тех участников, которые чувствительны к внутренним телесным ощущениям (Baradell, Klein, 1993). Люди, имеющие повышенную чувствительность к изменениям физических телесных параметров, при высоком уровне стресса отличались в стратегиях принятия решений, их поиск решения авторы характеризуют как хаотичный, эмоциональный и неорганизованный. Это позволило нам предполагать наличие особенностей в решении моральных дилемм испытуемых с сильной соматической реакцией на стресс в условиях пандемии.

Целью исследования было оценить, может ли стресс, испытываемый людьми во время пандемии COVID-19 оказать влияние на моральные решения.

Задачи, способствующие достижению заявленной цели:

- Оценить связь количества утилитарных личностных выборов в моральных дилеммах по время пандемии с социодемографическими показателями: полом, возрастом, семейным положением, образованием.
- Рассмотреть зависимость моральных выборов от того, как респонденты оценивают свое материальное положение, свой уровень тревоги, готовности к риску, с тем, как они соблюдают правила самоизоляции.
- Рассмотреть решение моральных дилемм подгруппами респондентов с высоким уровнем соматизации и высоким уровнем психопатологической симптоматики.

Материалы и методы

Материалом для исследования стали данные анонимного интернет опроса, проведенного с использованием google-forms в период с 30 марта по 31 мая. Опрос включал социодемографические вопросы, вопросы о соблюдаемых мерах предосторожности, вопросы на оценку своего состояния (ответы на вопросы о тревоге, активности, склонности к риску, вопрос о мыслях о суициде позволяли выбор по шкале Лайкерта).

Вторая часть интернет-опроса включала Симптоматический опросник *SCL-90-R* (Symptom Check List-90-Revised) (Derogatis & Savitz, 2000; Тарабрина, 2001), содержащий ряд шкал, в том числе: депрессии, тревожности, враждебности, а также общий индекс тяжести состояния, индекс тяжести дистресса и число беспокоящих симптомов. Тест «*Моральные дилеммы*», который представлял собой выборку из 30 дилемм, предложенных Greene (Greene et al., 2004), переведенных на русский язык. (Методика не адаптировалась для русскоязычной выборки, однако мы считаем, что для исследовательских целей она может быть использована. Кроме того, адаптация, которая отвечала бы требованиям адаптации опросниковых методик, с выделением шкал и коррекции текста вопросов с учетом вклада каждого вопроса в шкалу не проводилась ни в одной стране — нам не удалось найти упоминаний об этом в базе PubMed).

Исходя из обзора проведенных исследований, отдельно была рассмотрена подгруппа с высоким уровнем соматизации, критерием вхождения в группу был показатель параметра «соматизация» *SCL-90* выше 0,60 (так как ранее было показано, что ощущение

физического неблагополучия может активировать эмоциональную систему принятия решений, и можно предполагать, что люди с высокими показателями соматизации будут делать меньше личностных выборов. Под «соматизацией» в контексте развития пандемии мы понимаем интенсивный фокус на физиологических реакциях, на теле, а именно, повышенное внимание к телесным симптомам и реакциям), в подгруппу вошло 107 человек. Также была рассмотрена подгруппа с высоким уровнем психопатологической симптоматики (без соматизации) — критерием включения был показатель «Индекс тяжести дистресса (PDSI)» выше 1,42, в подгруппу вошло 76 человек. Все остальные респонденты были отнесены в контрольной группе. Параметры включения в группы были выбраны на основе нормативов, предложенных при адаптации методики (Тарабрина, 2001).

Для статистического анализа использовались методы корреляционного анализа, для сравнения групп — метод ANOVA с коррекцией множественных сравнений Бонферрони.

Результаты

Всего получено 311 ответов, начиная с 30.03.20 и по 31.05.20.

Уровень дистресса измерялся с помощью интегрального показателя SCL-90. Для оценки изменения уровня дистресса были рассмотрены ответы, полученные в начале опроса (апрель) и в конце опроса (май) (рис. 1). И в начале, и в конце опроса значение дистресса статистически значимо отличается от норм, предложенных при адаптации русскоязычной версии опросника (Тарабрина, 2001) (T-test для одной выборки).

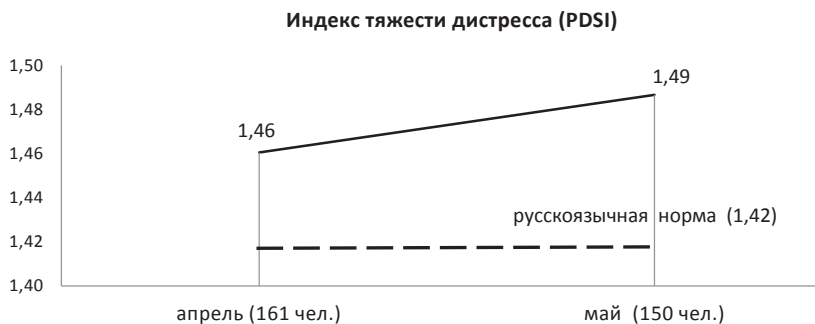

Рис. 1. Индекс тяжести дистресса (PDSI) в начале и конце опроса

Анализ выполнения моральных дилемм (рис. 2) показал, что если в начале опроса среднее количество утилитарных выборов в личностных дилеммах было 2,85, то во второй части опроса количество личностных выборов увеличилось и стало 3,16 (различия статистически значимые, Univariate Analysis of Variance с исключением возможного влияния возраста и пола, уровень значимости $p < 0,01$).

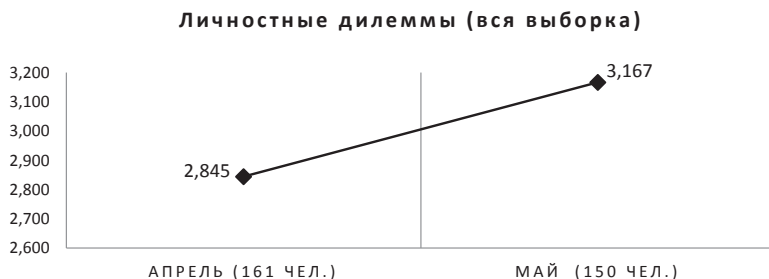

Рис. 2. Количество утилитарных выборов в личностных дилеммах в начале и конце опроса

Корреляционный анализ (корреляция по Спирмену) всей выборки показал высоко статистически значимые связи при невысоких коэффициентах корреляции между количеством утилитарных выборов в личностных дилеммах и некоторыми социодемографическими показателями (табл. 1). Далее в таблицах приведены только статистически значимые корреляции. Можно отметить влияние на количество личностных выборов пола (мужчины делают такие выборы чаще, чем женщины) и возраста (молодые делают личностные выборы чаще, чем люди старшего возраста). Кроме того, личностные выборы чаще делают люди, не имеющие детей, неработающие, оценивающие свое материальное положение как благополучное.

Таблица 1

Корреляции между количеством утилитарных выборов в личностных дилеммах и социодемографическими показателями

	Возраст	Пол	Есть работа	Экономическое благополучие	Наличие детей
Личностные дилеммы	-0,293**	-0,183**	-0,136*	0,114*	-0,265**

Примечания. Уровень статистической значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Люди, делающие большое количество личностных выборов, меньше обеспокоены соблюдением правил самоизоляции и индивидуальной защиты (параметр «сумма способов защиты») (табл. 2). Они сами оценивают выше свой уровень склонности к риску и считают себя более активными и менее тревожными. Кроме того, количество личностных выборов увеличивается при росте суицидальных мыслей (параметр «Мысли о том, чтобы покончить с собой»).

Таблица 2

Корреляции между количеством утилитарных выборов в личностных дилеммах и оценкой своего состояния

	Сумма способов защиты	Риск	Тревога	Активность	Мысли о том, чтобы покончить с собой
Личностные дилеммы	-0,113*	0,125*	-0,122*	0,166**	0,131*

Примечания. Уровень статистической значимости: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$.

Корреляция с параметрами SCL-90 (табл. 3) показывает, что увеличение количества личностных выборов связано с увеличением показателей «общий уровень тяжести», «уровень тяжести наличного дистресса», «число беспокоящих симптомов», а также со шкалами «навязчивости», «сенситивности», «депрессии», «паранойальной» и «психотизма». Кроме того, выявлена значимая положительная корреляция с выраженностью «мыслей о том, чтобы покончить с собой».

Таблица 3

Корреляции между количеством утилитарных выборов в личностных дилеммах и шкалами опросника SCL-90R

	Навязчивости	Сенситивность	Депрессия	Паранойальность	Психотизм	Общий индекс тяжести (GSI)	Индекс тяжести дистресса (PDSI)	Число беспокоящих симптомов (PSI)
Личностные дилеммы	0,145*	0,212**	0,173**	0,197**	0,220**	0,158**	0,181**	0,130*

Примечания. Уровень статистической значимости: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$.

Сравнение групп с высоким уровнем соматизации и высокими показателями психопатологической симптоматики показало, что в группе с высокими показателями психопатологической симптоматики увеличилось количество личностных выборов (рис. 3).

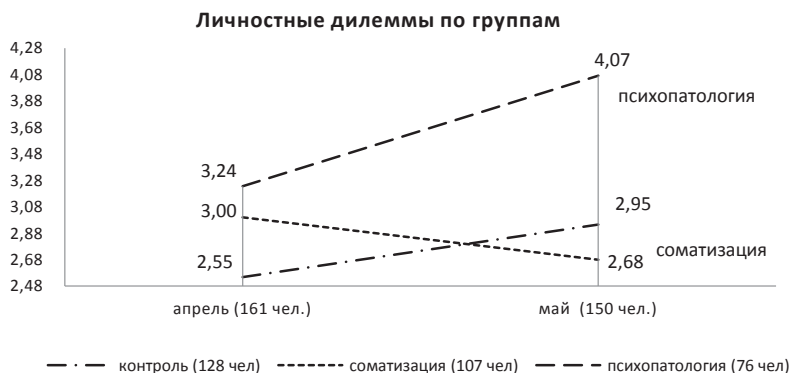

Рис. 3. Количество утилитарных выборов в личностных дилеммах в подгруппах с высоким уровнем соматизации и психопатологии в начале и конце опроса

В группе с высокой соматизацией количество личностных выборов снизилось (но не на уровне статистической значимости). В результате, если в начале исследования группы не различались по количеству личностных выборов, в конце исследования в группе с высоким уровнем психопатологии повысилось количество личностных выборов и стало статистически значимо выше, чем в других группах (ANOVA с коррекцией множественных сравнений Бонферонни).

Обсуждение

Часть полученных в исследовании результатов подтверждает ранее опубликованные выводы. Так, анализ показал уменьшение личностных выборов с возрастом. На русскоязычной выборке ранее было показано, что чем старше индивиды, тем менее утилитарны их моральные оценки (Арутюнова, Александров, 2016).

Различия в выполнении «Моральных дилемм» между мужчинами и женщинами были продемонстрированы и в других работах (Fumagalli et al., 2010; Harenski, Antonenko, Shane, Kiehl, 2008), аналогичные данные получены на русскоязычной выборке

(Арутюнова, Александров, 2016). На основе моральных дилемм J.D. Greene в исследовании (Медведева, Ениколопов, Воронцова, Казьмина, 2019) на всей выборке испытуемых, и отдельно для мужчин и женщин показано, что личностные выборы в моральных дилеммах увеличиваются при увеличении влияния на принятие решений редкого, отдаленного во времени отрицательного эмоционального опыта. И отличия между мужчинами и женщинами состоит в том, что женщины чаще принимают решение под действием «сиюминутного эффекта», игнорируя отдаленные во времени отрицательные последствия. Эти отличия могут быть рассмотрены с точки зрения конфликта между двумя традициями изучения морали (Crockett, 2013): моралью, которая оценивает действия на основе их результатов, и деонтологией, которая оценивает сами действия. Этот подход близок к теории двойного процесса принятия решений, он состоит из двух систем: система, которая на основе рационального рассуждения выбирает действия с опорой на оценку их последствий; и система, которая выбирает действия на основе их истории подкрепления, то есть соматических маркеров на основе прошлого эмоционального опыта. В Моральных дилеммах преимущественная опора на сиюминутный эффект как раз связана с быстрой эмоциональной оценкой самого действия. В то время как учет отдаленных последствий связан с когнитивной оценкой результата действия и приводит к увеличению личностных выборов, которые могут повысить «общее благо». Женщины чаще опираются в моральных дилеммах на оценку самого действия, а не отдаленного результата, что может быть связано с особенностями эмоционального реагирования женщин на стресс в нашем исследовании.

Одним из факторов, который связан с меньшим количеством утилитарных выборов у женщин в ситуации пандемии может быть более высокий уровень соматизации у женщин, по сравнению с мужчинами. Средний показатель параметра «соматизация» во всей выборке для мужчин $0,32 \pm 0,31$, для женщин $0,60 \pm 0,51$. У нас нет нормативных показателей для мужчин и женщин до пандемии, но по другим исследованиям можно видеть, что различия не были так сильно выражены. Можно предполагать, что более высокие показатели соматических реакций у женщин являются одним из факторов более низкого количества утилитарных выборов.

В исследовании выявлена корреляционная связь между ответом на вопрос «Мысли о том, чтобы покончить с собой» и увеличением количества личностных выборов. Связь между суицидальным ри-

ском и личностными выборами была показана ранее (Ениколопов, Медведева, Казьмина, & Воронцова, 2018).

Анализ результатов показал, что выраженность психопатологической симптоматики связана с повышением количества утилитарных выборов в личностных дилеммах. Для клинической группы ранее было показано, что личностные моральные выборы увеличиваются при росте клинической симптоматики (Ениколопов и др., 2018), наше исследование показало, что эта связь справедлива и для группы здоровых испытуемых.

Мы с долей условности можем говорить о динамике моральных выборов в условиях пандемии, так как мы не можем сравнить ответы одних и тех же людей в начале эпидемии и на ее завершающем этапе. Мы можем выдвигать гипотезы о росте на основе сравнения моральных решений в группах, полученных в разные периоды времени.

На фоне высокого уровня стресса, связанного с ситуацией пандемии (социальной изоляции, опасности заражения, возможных проблем с материальным обеспечением жизненных потребностей), на всей выборке растет количество личностных выборов в моральных дилеммах (в начале 2,8; в конце 3,16). Этот результат противоречит данным испанских исследователей, утверждающих, что принятие утилитарных решений падает на фоне стресса. Об этом же говорят и исследователи, которые моделировали стресс в экспериментальных исследованиях. Понижение количества утилитарных личностных выборов при стрессе исследователи связывают с тем, что при стрессе включается «эмоциональная» система принятия решений, и человек дает быстрые не рациональные, а эмоциональные ответы на личностные дилеммы. Как подчеркивают исследователи, ухудшение физического здоровья на фоне карантина и опасности для жизни может способствовать ответам «эмоциональной» системы. Рассмотрение подгрупп с высоким уровнем соматизации и с высоким уровнем психопатологической симптоматики показало, что испытуемые с высоким уровнем соматизации немного уменьшили количество личностных выборов во второй половине исследования. Хотя различия не являются статистически значимыми, наличие такой подгруппы может объяснять противоречия с исследованиями, в которых показано, что при стрессе уменьшается количество личностных выборов. Можно предположить, что количество личностных выборов уменьшается, если в результате травмирующей ситуации появляются соматические проявления.

Однако, другая группа, включающая людей с высокими показателями дистресса, связанного с повышенными показателями психопатологической симптоматики, продемонстрировала значимый рост числа личностных выборов во второй половине исследования. Именно наличие такой подгруппы в нашем исследовании дало результат, показывающий повышение личностных выборов во всей выборке.

Люди с большим количеством личностных выборов применяют меньше способов защиты от возможного заражения, скорее всего, это связано с тем, что они чаще игнорируют необходимость защиты окружающих, что может говорить о снижении уровня эмпатической заботы, сочувствия другим. Эта связь между эмпатической заботой и утилитарными выборами отмечается в ряде других исследований (Gleichgerrcht, Young, 2013).

Кроме того, в нашем исследовании люди, делающие большее количество личностных выборов оценивали свое материальное положение как более благополучное. То есть можно предполагать, что это не те, кто понес экономические потери, и высокое количество личностных выборов не связано с мыслями о своей зарплате и проблемами, как прокормить своих детей. Следует отметить, что высокое количество утилитарных выборов может быть обусловлено либо ослаблением эмоциональных реакций, либо усиленным когнитивным контролем (или абстрактным мышлением). В нашем исследовании мы оценивали психопатологическую симптоматику, усиление которой вероятно связано с уменьшением силы эмоциональных реакций на причинение вреда другому человеку в личностной дилемме. Однако, мы не рассматривали часть выборки, которая может делать личностные выборы из-за высокой степени когнитивного контроля, хотя в ряде исследований эти факторы рассматриваются. Отдельное изучение этой группы может быть направлением дальнейшего исследования.

Выводы:

- Уровень стресса во время пандемии неоднозначно влияет на моральные решения:
  - Высокий уровень соматизации на фоне стресса приводит к снижению утилитарных личностных моральных выборов.
  - Стресс, связанный с усилением психопатологической симптоматики (за исключением соматизации) приводит увеличению утилитарных личностных выборов.
- Утилитарные личностные выборы чаще делают мужчины и более молодые люди. Более низкое количество утилитарных выборов

у женщин может быть связано с особенностями эмоционального реагирования женщин на стресс по время пандемии и более высокими показателями соматизации — повышенным вниманием к телесным симптомам.

– Увеличение личностных выборов при усилении психопатологической симптоматики в интернет-опросе аналогично тому, что было показано для группы больных стационара. В том числе это касается суицидального риска.

– Требуют уточнения и более подробного анализа результаты, полученные в нашем исследовании, о связи утилитарных моральных решений с оценкой респондентами своего материального положения, уровня тревоги, готовности к риску, с тем, как они соблюдают правила самоизоляции, как оценивают свое материальное благополучие. Продолжением исследования может быть анализ возможного изменения моральных решений после отмены карантина. Возможно, решение дилемм вернется к прежним значениям на фоне нормализации обстановки. Но есть вероятность и долговременных последствий, по типу отложенной реакции на стресс.

Ограничения исследования

Особенности организации исследования не дают нам возможности говорить о репрезентативности выборки для российского общества. Отвечали люди, привыкшие проводить некоторое время в Интернете, сами проявившие интерес к опросу. Кроме того, использовались только результаты опроса, более точные результаты можно было бы получить с использованием имплицитных методов, исключающих социальную желательность при ответах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова К., Александров Ю. Факторы пола и возраста в моральной оценке действий // Психологический журнал. 2016. № 37 (2). С. 79–91.

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске // Суицидология. 2018. № 1 (30). С. 44–52.

Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Гендерные различия в принятии моральных решений // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 124–133.

Медведева Т.И., Ениколопова Е.В., Ениколопов С.Н. Гипотеза соматических маркеров Дамасио и игровая задача (IGT): обзор // Психологические исследования. 2013. Вып. 6. № 32. С. 10.

Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001

Baradell J.G., & Klein K. (1993). Relationship of life stress and body consciousness to hypervigilant decision making. *Journal of personality and social psychology*, 64 (2), 267–273. doi:10.1037/0022-3514.64.2.267

Bartels D.M. (2008). Principled moral sentiment and the flexibility of moral judgment and decision making. *Cognition*, 108 (2), 381–417. doi:10.1016/j.cognition.2008.03.001

Bartels D.M., & Pizarro D.A. (2011). The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, 121 (1), 154–161. doi:10.1016/j.cognition.2011.05.010

Cellini N., Canale N., Mioni G., & Costa S. (2020). Changes in sleep pattern, sense of time and digital media use during COVID-19 lockdown in Italy. *Journal of Sleep Research*, e13074.

Crockett M.J. (2013). Models of morality. *Trends Cogn Sci*, 17 (8), 363–366. doi:10.1016/j.tics.2013.06.005

Damasio A.R. (1994). *Descartes' error : emotion, reason, and the human brain*. New York: Putnam.

Damasio A.R. (2003). *Looking for Spinoza : joy, sorrow, and the feeling brain* (1st ed.). Orlando, Florida: Harcourt.

Damasio A.R., Tranel D., & Damasio H. (1991). Somatic markers and the guidance of behaviour: theory and preliminary testing. In H.S. Levin, H.M. Eisenberg, & A.L. Benton (Eds.), *Frontal lobe function and dysfunction*. New York: Oxford University Press.

Derogatis L.R., & Savitz K.L. (2000). The SCL-90-R and the Brief Symptom Inventory (BSI) in Primary Care. In M. E. Maruish (Ed.), *Handbook of psychological assessment in primary care settings* (pp. 297–334). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Djeriouat H., & Trémolière B. (2014). The Dark Triad of personality and utilitarian moral judgment: The mediating role of Honesty/Humility and Harm/Care. *Personality and Individual Differences*, 67, 11–16.

Fagan S.E., Kofler L., Riccio S., & Gao Y. (2020). Somatic Marker Production Deficits do not Explain the Relationship between Psychopathic Traits and Utilitarian Moral Decision Making. *Brain Sciences*, 10 (5), 303.

Fumagalli M., Ferrucci R., Mameli F., Marceglla S., Mrakic-Spota S., Zago S., ... Priori A. (2010). Gender-related differences in moral judgments. *Cogn Process*, 11 (3), 219–226. doi:10.1007/s10339-009-0335-2

Gleichgerrcht E., & Young L. (2013). Low levels of empathic concern predict utilitarian moral judgment. *PLoS One*, 8 (4), e60418. doi:10.1371/journal.pone.0060418

Greene J.D. (2007). Why are VMPFC patients more utilitarian? A dual-process theory of moral judgment explains. *Trends Cogn Sci*, 11 (8), 322–323; author reply 323–324. doi:10.1016/j.tics.2007.06.004

Greene J.D., Morelli S.A., Lowenberg K., Nystrom L.E., & Cohen J.D. (2008). Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment. *Cognition*, 107 (3), 1144–1154. doi:10.1016/j.cognition.2007.11.004

Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., & Cohen J.D. (2004). The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, 44 (2), 389–400. doi:S0896627304006348 [pii]10.1016/j.neuron.2004.09.027

Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., & Cohen J.D. (2001). An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science*, 293 (5537), 2105–2108. doi:10.1126/science.1062872

Harenski C.L., Antonenko O., Shane M.S., & Kiehl K.A. (2008). Gender differences in neural mechanisms underlying moral sensitivity. *Soc Cogn Affect Neurosci*, 3 (4), 313–321. doi:10.1093/scan/nsn026

Koenigs M., Kruepke M., Zeier J., & Newman J.P. (2012). Utilitarian moral judgment in psychopathy. *Soc Cogn Affect Neurosci*, 7 (6), 708–714. doi:10.1093/scan/nsr048

Moore A.B., Clark B.A., & Kane M.J. (2008). Who shalt not kill? Individual differences in working memory capacity, executive control, and moral judgment. *Psychol Sci*, 19 (6), 549–557. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02122.x

Moretto G., Ladavas E., Mattioli F., & di Pellegrino G. (2010). A psychophysiological investigation of moral judgment after ventromedial prefrontal damage. *J Cogn Neurosci*, 22 (8), 1888–1899. doi:10.1162/jocn.2009.21367

Navarrete C.D., McDonald M.M., Mott M.L., & Asher B. (2012). Virtual morality: emotion and action in a simulated three-dimensional “trolley problem”. *Emotion*, 12 (2), 364–370. doi:10.1037/a0025561

Odriozola-González P., Planchuelo-Gómez Á., Irurtia-Muñiz M.J., & de Luis-García R. (2020). Psychological symptoms of the outbreak of the COVID-19 crisis and confinement in the population of Spain.

Pancani L., Marinucci M., Aureli N., & Riva P. (2020). Forced social isolation and mental health: A study on 1006 Italians under COVID-19 quarantine.

Petrinovich L., & O'Neill P. (1996). Influence of wording and framing effects on moral intuitions. *Ethology and Sociobiology*, 17 (3), 145–171.

Romero-Rivas C., & Rodríguez-Cuadrado S. (2020). Moral decision-making and mental health during the COVID-19 pandemic. doi:10.31234/osf.io/8whkg

Starcke K., & Brand M. (2012). Decision making under stress: a selective review. *Neurosci Biobehav Rev*, 36 (4), 1228–1248. doi:10.1016/j.neubiorev.2012.02.003

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., & Ho R.C. (2020). Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *Int J Environ Res Public Health*, 17(5). doi:10.3390/ijerph17051729

Youssef F.F., Dookeeram K., Basdeo V., Francis E., Doman M., Mamed D., ... Legall G. (2012). Stress alters personal moral decision making. *Psychoneuroendocrinology*, 37 (4), 491–498. doi:10.1016/j.psychneu.2011.07.017

REFERENCES

Arutyunova K., & Alexandrov Yu. (2016). Factors of gender and age in moral judgment of actions. *Psikhologicheskii zhurnal*, 37 (2), 79–91. (in Russ.)

Baradell J.G., & Klein K. (1993). Relationship of life stress and body consciousness to hypervigilant decision making. *Journal of personality and social psychology*, 64 (2), 267–273. doi:10.1037/0022-3514.64.2.267

Bartels D.M. (2008). Principled moral sentiment and the flexibility of moral judgment and decision making. *Cognition*, 108 (2), 381–417. doi:10.1016/j.cognition.2008.03.001

Bartels D.M., & Pizarro D.A. (2011). The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, 121 (1), 154–161. doi:10.1016/j.cognition.2011.05.010

Cellini N., Canale N., Mioni G., & Costa S. (2020). Changes in sleep pattern, sense of time and digital media use during COVID-19 lockdown in Italy. *Journal of Sleep Research*, e13074.

Crockett M.J. (2013). Models of morality. *Trends Cogn Sci*, 17 (8), 363–366. doi:10.1016/j.tics.2013.06.005

Damasio A.R. (1994). *Descartes' error : emotion, reason, and the human brain*. New York: Putnam.

Damasio A.R. (2003). *Looking for Spinoza : joy, sorrow, and the feeling brain* (1st ed.). Orlando, Florida: Harcourt.

Damasio A.R., Tranel D., & Damasio H. (1991). Somatic markers and the guidance of behaviour: theory and preliminary testing. In H.S. Levin, H.M. Eisenberg, & A.L. Benton (Eds.), *Frontal lobe function and dysfunction*. New York: Oxford University Press.

Derogatis L.R., & Savitz K.L. (2000). The SCL-90-R and the Brief Symptom Inventory (BSI) in Primary Care. In M. E. Maruish (Ed.), *Handbook of psychological assessment in primary care settings* (pp. 297–334). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Djeriouat H., & Trémolière B. (2014). The Dark Triad of personality and utilitarian moral judgment: The mediating role of Honesty/Humility and Harm/Care. *Personality and Individual Differences*, 67, 11–16.

Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Kazmina O.Yu., & Vorontsova O.Yu. (2018). Moral judgments and implicit associations with “life” and “death” at suicidal risk. *Suicidology*, 1 (30), 44–52. (in Russ.)

Fagan S.E., Kofler L., Riccio S., & Gao Y. (2020). Somatic Marker Production Deficits do not Explain the Relationship between Psychopathic Traits and Utilitarian Moral Decision Making. *Brain Sciences*, 10 (5), 303.

Fumagalli M., Ferrucci R., Mameli F., Marceglia S., Mrakic-Spota S., Zago S., ... Priori A. (2010). Gender-related differences in moral judgments. *Cogn Process*, 11 (3), 219–226. doi:10.1007/s10339-009-0335-2

Gleichgerrcht E., & Young L. (2013). Low levels of empathic concern predict utilitarian moral judgment. *PLoS One*, 8 (4), e60418. doi:10.1371/journal.pone.0060418

Greene J.D. (2007). Why are VMPFC patients more utilitarian? A dual-process theory of moral judgment explains. *Trends Cogn Sci*, 11 (8), 322–323; author reply 323–324. doi:10.1016/j.tics.2007.06.004

Greene J.D., Morelli S.A., Lowenberg K., Nystrom L.E., & Cohen J.D. (2008). Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment. *Cognition*, 107 (3), 1144–1154. doi:10.1016/j.cognition.2007.11.004

Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., & Cohen J.D. (2004). The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, 44 (2), 389–400. doi:S0896627304006348 [pii]10.1016/j.neuron.2004.09.027

Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., & Cohen J.D. (2001). An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science*, 293 (5537), 2105–2108. doi:10.1126/science.1062872

Harenski C.L., Antonenko O., Shane M.S., & Kiehl K.A. (2008). Gender differences in neural mechanisms underlying moral sensitivity. *Soc Cogn Affect Neurosci*, 3 (4), 313–321. doi:10.1093/scan/nsn026

Koenigs M., Kruepke M., Zeier J., & Newman J.P. (2012). Utilitarian moral judgment in psychopathy. *Soc Cogn Affect Neurosci*, 7 (6), 708–714. doi:10.1093/scan/nsr048

Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Vorontsova O.U., & Kazmina O.U. (2019). Gender differences in making moral decisions. *Voprosy psikhologii*, (1), 124–133. (in Russ.)

Medvedeva T.I., Enikolopova E.V., & Enikolopov S.N. (2013). Damasio's Somatic Marker Hypothesis and Iowa Gambling Task (review). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 6 (32), 10. (in Russ.)

Moore A.B., Clark B.A., & Kane M.J. (2008). Who shalt not kill? Individual differences in working memory capacity, executive control, and moral judgment. *Psychol Sci*, 19 (6), 549–557. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02122.x

Moretto G., Ladavas E., Mattioli F., & di Pellegrino G. (2010). A psychophysiological investigation of moral judgment after ventromedial prefrontal damage. *J Cogn Neurosci*, 22 (8), 1888–1899. doi:10.1162/jocn.2009.21367

Navarrete C.D., McDonald M.M., Mott M.L., & Asher B. (2012). Virtual morality: emotion and action in a simulated three-dimensional “trolley problem”. *Emotion*, 12 (2), 364–370. doi:10.1037/a0025561

Odrizola-González P., Planchuelo-Gómez Á., Irurtia-Muñiz M.J., & de Luis-García R. (2020). Psychological symptoms of the outbreak of the COVID-19 crisis and confinement in the population of Spain.

Pancani L., Marinucci M., Aureli N., & Riva P. (2020). Forced social isolation and mental health: A study on 1006 Italians under COVID-19 quarantine.

Petrinovich L., & O'Neill P. (1996). Influence of wording and framing effects on moral intuitions. *Ethology and Sociobiology*, 17 (3), 145–171.

Romero-Rivas C., & Rodríguez-Cuadrado S. (2020). Moral decision-making and mental health during the COVID-19 pandemic. doi:10.31234/osf.io/8whkg

Starcke K., & Brand M. (2012). Decision making under stress: a selective review. *Neurosci Biobehav Rev*, 36 (4), 1228–1248. doi:10.1016/j.neubiorev.2012.02.003

Tarabrina N.V. (2001). Workshop on the psychology of post-traumatic stress. SPb.: Piter. (in Russ.)

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., & Ho R.C. (2020). Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *Int J Environ Res Public Health*, 17 (5). doi:10.3390/ijerph17051729

Youssef F.F., Dookeeram K., Basdeo V., Francis E., Doman M., Mamed D., ... Legall G. (2012). Stress alters personal moral decision making. *Psychoneuroendocrinology*, 37 (4), 491–498. doi:10.1016/j.psyneuen.2011.07.017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ениколопов Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, профессор, начальник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Россия. E-mail: enikolopov@mail.ru

Медведева Татьяна Игоревна — научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Россия, E-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Бойко Ольга Михайловна — научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Россия. E-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Воронцова Оксана Юрьевна — научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Россия. E-mail: okvorontsova@inbox.ru

Казьмина Ольга Юрьевна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Россия. E-mail: kazminaolga@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Enikolopov — PhD in Psychology, Professor, Head of Medical Psychology Department in Research Center Of Mental Health, Moscow, Russia. E-mail: enikolopov@mail.ru

Tatyana I. Medvedeva — research associate of Medical Psychology Department in Research Center Of Mental Health, Moscow, Russia. E-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Olga M. Boyko — research associate of Medical Psychology Department in Research Center Of Mental Health, Moscow, Russia. E-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Oksana Yu. Vorontsova — research associate of Medical Psychology Department in Research Center Of Mental Health, Moscow, Russia. E-mail: okvorontsova@inbox.ru

Olga Yu. Kazmina — PhD in Psychology, leading researcher of the Medical Psychology Department in Research Center Of Mental Health, Moscow, Russia. E-mail: kazminaolga@mail.ru

УДК: 159.9.018
doi: 10.11621/vsp.2020.04.03

ТОЧНОСТЬ ЭКСПЕРТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБНАРУЖЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА НА УДАЛЕННЫХ ТЕСТОВЫХ ЭКЗАМЕНАХ (ПРОКТОРИНГ)

А.Г. Шмелев

Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
Для контактов. E-mail: ags12@ht.ru

Актуальность и цель работы. В данном эмпирическом исследовании предпринята попытка измерения точности обнаружения мошенничества («читинга») на основе экспертных оценок с использованием видеозаписей хода выполнения тестовых экзаменов в режиме онлайн.

Выборка. 35 испытуемых выполняли в режиме онлайн тест на эрудицию из 30 заданий с выбором из 4-х вариантов ответа. Половина испытуемых (18 человек) были «подставными читерами» — использовали шпаргалки с правильными ответами.

Ход и методы. Видеозапись процесса тестирования включала «захват экрана», на котором наблюдатель-эксперт («проктор») мог наблюдать все перемещения курсора, видеть запись мимики и зрительный фокус внимания испытуемого в отдельном окне (запись с фронтальной камеры), слышать речевое проговаривание испытуемым условий задания и ответов («устное решение»). В оценивании видеозаписей приняло участие 14 экспертов, из которых 8 показали удовлетворительные результаты по уровню точности в обнаружении читинга (точность-ассигасу, измеренная с помощью коэффициента Карра, у них была выше 0,5).

Выводы. Выявлена высокая асимметричная прогностичность экспертных оценок: более точные эксперты допускают пренебрежимо малое (около 5 процентов) число ошибок типа «ложная тревога», но сравнительно много ошибок типа «пропуск». Сделаны рекомендации по практическому использованию методики экспертной оценки в сочетании с автоматическим хронометрическим анализом степени атипичности протоколов и последующим контрольным очным тестированием всех заподозренных испытуемых (экзаменуемых).

Ключевые слова: онлайн-обучение, онлайн-тестирование, онлайн-экзамены, метод независимых судей, точность экспертных оценок, надежность экспертных оценок, конкордация экспертных оценок, достоверность тестирования, фальсификация при тестировании, прокторинг, читинг.

Для цитирования: Шмелев А.Г. Точность экспертной технологии обнаружения мошенничества на удаленных тестовых экзаменах (прокторинг) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 44–66. doi: 10.11621/vsp.2020.04.03

Поступила в редакцию: 17.07.2020 / Принята к публикации: 24.08.2020

ACCURACY OF EXPERT FRAUD DETECTION TECHNOLOGY IN REMOTE TEST EXAMS (PROCTORING)

Alexander G. Shmelev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Corresponding author. E-mail: ags12@ht.ru

The purpose (objective) of the empirical study is the measurement of the accuracy of expert-proctors in detecting cheating in online testing.

Sample of the study. 35 test takers passed an online test of general knowledge on the basis of 30 multiple choice questions. Half of the subjects (18 persons) were “artificial cheaters” — they used cheat sheets with correct answers.

Methods. The video recording of the testing process included a “screen capture” so that expert-proctors could observe all cursor movements, see a recording of the subject’s facial expressions and a visual focus of attention in a separate window (recording from the front camera), and could listen to the subject pronouncing the task conditions and answers (“oral decision”). 14 experts took part in rating of video recordings, of which 8 experts showed satisfactory results in terms of the level of accuracy in detecting cheating (their accuracy that was measured using the Kappa coefficient was higher than 0.5).

Conclusions. A high asymmetric validity of expert assessments is revealed. More accurate experts allowed a negligible (about 5 percent) number of errors of the “false alarm” type, but a relatively large number of errors of the “skip” type. Recommendations are made for the practical use of the expert assessment method in combination with automatic chronometric analysis of the degree of atypical protocols and subsequent control of face-to-face offline testing of all suspected subjects (examinees).

Keywords: online training, online testing, online exams, method of independent judges, the accuracy of expert ratings, the reliability of expert ratings, concordation of expert ratings, reliability of testing, falsification upon testing, proctoring, cheating.

For citation: Shmelev, A.G. (2020) Accuracy of expert fraud detection technology in remote test exams (proctoring). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 44–66. doi: 10.11621/vsp.2020.04.03

Received: July 17, 2020 / Accepted: August 24, 2020

Введение: теоретико-методический и прикладной контекст исследования

Стремительный прогресс в области информационно-коммуникационных технологий приводит к парадоксальным ситуациям. Яркий пример — прокторинг. Эта технология видеонаблюдения за выполнением удаленного экзамена (экзамена в режиме онлайн) появилась в нулевые годы. Первая компьютерная прикладная система на английском языке создана была в 2008 году (ProctorU, 2008), и в настоящее время множество подобных софтверных систем уже получили широкое распространение в практике современного электронного (цифрового) образования (e-learning). Появились аналогичные проекты и в русскоязычном Интернете (ProctorEdu.ru, 2015). Но следы научно-методических исследований по этой проблематике найти крайне трудно. Автор статьи не без труда нашел научные публикации по этой тематике лишь на английском языке и... ни одной на русском (см. на русском языке только вебблиографию, отражающую прежде всего рекламу коммерческих софтверных решений по проведению прокторинга, отдельные интервью с разработчиками, заказчиками и т.п.). К моменту написания этой статьи термина «прокторинг» еще даже не было в русскоязычной Википедии. А вместе с тем вопрос о точности экспертных оценок с помощью прокторинга стоит как весьма актуальная, практически-значимая проблема.

Для того чтобы быть уверенными в объективности и достоверности экспертных оценок на основе видеонаблюдения, мы должны измерить соответствие экспертных оценок и параллельной объективной информации о том, пользуется или не пользуется экзаменуемый (тестируемый) запрещенными источниками (шпаргалками и подсказками). Аксиомой для научно-обоснованного применения метода

экспертных оценок служит следующий постулат: при определении конкретного состава экспертов, допущенных до ответственной работы, надлежит руководствоваться не только и не столько формальным авторитетом экспертов, сколько реальной валидностью их заключений. Как свидетельствует опыт, нередко случаи, когда авторитет эксперта не дает адекватной эмпирически измеренной валидности (Орлов, 2002). В то же время в русскоязычных публикациях на тему прокторинга мы не нашли ни одного исследования по его реальной валидности, измеренной статистическими методами. А ведь обнаружение экспертов, которые просто не обучены вести адекватное наблюдение, должно приводить к их дисквалификации. В то же время работа по согласованию экспертных оценок, должна приводить к росту числа обученных экспертов и росту общей точности (валидности) усредненных экспертных оценок, если это сочетается с увеличением числа обученных экспертов, оценивавших «спорные случаи», как это происходит при использовании метода «снежного кома» для формирования команды экспертов (Орлов, 2002).

Как известно, для измерения точности экспертных оценок применяется чаще всего процедура анализа их согласованности (конкордации). Согласование мнений экспертов по технике Дельфи предусматривает многократное повторение заочных (дистанционных) опросов независимых экспертов и соответствующее число шкалирования¹ их оценок (Ядов, 2003). В наших собственных прикладных исследованиях, проведенных автором на базе компьютерной системы онлайн-шкалирования, также основной мерой для измерения валидности-надежности экспертных оценок служил расчет их конкордации, в частности, путем подсчета ранговой или точно-бисериальной корреляции индивидуальных оценок с усредненными оценками, полученными от всех экспертов (Шмелев, 2002, 2006).

В случае прокторинга ситуация выглядит несколько иначе: мошенничество — это не скрытый (латентный) психический процесс, который происходит в глубине мозговой психической активности экзаменуемого, а это определенное объективное поведение, которое может и должно иметь внешние объективные поведенческие про-

---

¹ Термин «шкалирование» в данной статье употребляется в двух разных значениях в зависимости от смысловых контекстов: 1) шкалирование (scaling) как метод пересчета сырых баллов в стандартизированные, статистически более обобщаемые (Ядов, 2003); 2) шкалирование (rating) как оценочная экспертная процедура с использованием шкал, имеющих несколько оценочных градаций (в контексте проведенного нами эксперимента). — Примечание автора.

явления. Эти проявления отражаются не только в появлении высоких результатов (особенно высоких в случае не экзаменов вообще, а именно тестовых экзаменов, где ответы очень легко подделать, если нет надлежащего контроля за достоверностью процесса тестирования). Эти проявления отражаются в объективном наличии у мошенничающих экзаменуемых (читеров) соответствующих файлов с электронными шпаргалками (с помеченными в них правильными, ключевыми ответами), в особенностях временной динамики (задержки или необъяснимо быстрые решения заданий), в их вербальном и невербальном поведении, в частности, в движениях глаз, поворотах головы, в напряжении мимической мускулатуры и т.п.

Работа с одной и той же «шпаргалкой» приводит к тому, что в массиве собранных протоколов (массиве экзаменационных работ) появляются протоколы с очень высоким уровнем сходства не только на множестве правильных ответов, но и на множестве ошибочных ответов. Недаром до появления доступного массового видеонаблюдения методические усилия по обнаружению «читинга» (мошенничества в ходе компьютерного тестирования) предпринимались, в частности, в направлении выявления подмножества экзаменуемых, которые дают сходные паттерны ответов (Macmanus et al., 2005). Другим эмпирико-статистическим направлением в поисках объективных индикаторов читинга следует считать работы Ван дер Линдена (van der Linden, 2006), в которых была обоснована статистически значимая зависимость между читингом и латентным временем решения отдельных тестовых заданий (вопросов). Чаще, чем скоростные ответы, возникают именно задержки, так как читатели в ходе тестового экзамена тратят время на поиск подсказки в обширном перечне заданий, которые надо просмотреть и найти то, которое в данный момент предъявлено на экране компьютера и требует решения. Следует заметить, что аналогичный хронометрический анализ числа отклонений от нормальной длительности в решении тестовых заданий был внедрен автором статьи в рамках проекта «Олимпиада Телетестинг» еще в конце 90-х годов (см. Шмелев, 2013).

Исследованием, наиболее близким к поставленной нами задаче, оказалась диссертационная работа Чиа Ян Чуанга из Аризонского университета (Chia-Yuan Chuang, 2015). В этом эксперименте 42 студента-психолога должны были ответить на 2 теста из 10 тестовых вопросов по теме «Изучение языка программирования Python». Вначале испытуемые выполняли на компьютере первый тест без использования вспомогательного материала («шпаргалки»), а за-

тем — второй тест (параллельную форму) с использованием такого материала, в который они могли «подглядывать». Видеозапись поведения этих 42 испытуемых во время выполнения теста анализировалась сразу с помощью трех разных методов: 1) анализ временных параметров длительности решения каждого задания (time delay), 2) формализованный анализ поворотов головы и фокуса зрительного внимания (VFOA), 3) экспертная оценка мимики, выражающей на лице испытуемых аффективное состояние «замешательства» (confusion). Как видим, в третьем случае фактически применялись элементы прокторинга — видеонаблюдения экспертов за поведением испытуемых, но в данном случае два проктора-наблюдателя решали более узкую задачу: будучи сертифицированными специалистами-психологами по распознаванию эмоциональных состояний по выражению лица (по системе FACS в соответствии с методикой Экмена–Фризена) они должны были фиксировать все появления признаков «замешательства». С помощью коэффициента Карра (порусски — каппа) был измерен уровень надежности-согласованности этих экспертов-кодировщиков, который достиг на данном материале требуемого высокого значения 0,9 (о том, что такое коэффициент Карра см. Cohen, 1960; формулу и правила подсчета Карра очень быстро можно найти в англоязычной Википедии, в статье *Inter-rater reliability*, 2020). На основе статистической обработки полученных результатов с использованием кросс-валидации по методу LOOCV (leave-one-out cross-validation), автор эксперимента пришел к выводу, что все три показателя значимо коррелируют с обнаружением читинга и их системная комбинация дает точность-ассурагу в районе 70% (по всем испытуемым в среднем), при этом точность-precision оказалась равной 68%, а доля ошибок типа «ложная тревога» составила 8%². Следует заметить, что с нашей точки зрения этот уровень достигнутой точности следует считать недостаточно высоким.

---

² На четырехклеточной таблице сопряженности (ЧТС), которую в бизнес-литературе чаще называют «матрица ошибок», точность-ассурагу рассчитывается как относительное превышение процента совпадений над ожидаемым процентом совпадений, а точность-precision — как доля верных обнаружений «читинга» по отношению ко всем обнаружениям (включающим также «ложные тревоги»). К сожалению, в русском языке эти два разных показателя точности переводятся одним словом «точность», что создает путаницу особенно в умах у гуманитарных специалистов. В данной статье автор предлагает переводить термин precision как «избирательная точность», или «избирательность». Это подобно тому, как в медицинской диагностике уже давно прижились разные термина для обозначения «точности-чувствительности» и «точности-специфичности». — Примечание автора.

Цель эмпирического исследования

В нашем эксперименте мы поставили прежде всего задачу выяснить, как растет уровень точности, если к видеонаблюдению (прокторингу) привлечь не двух, а более независимых экспертов, которые будут использовать сразу несколько критериев для оценки поведения (многокритериальное оценивание), и если при этом произвести отсев экспертов, которые плохо справляются с задачей, и оставить для расчета точности только оценки реально успешных (обученных) экспертов.

Методика эмпирического исследования

В мае-июне 2020 года автором данной статьи был спланирован и проведен компьютеризированный эксперимент по проверке экспертной точности прокторинга. В ходе этого эксперимента испытуемые выполняли в режиме онлайн тест на эрудицию из 30 заданий (по 10 заданий на знание литературы, истории и географии) и сопровождали свои действия максимально полными устными комментариями: формулировали устно условие задания (вопрос), варианты ответа, которые можно было рассматривать как правильные, и выбранный ответ. Все задания содержали только один правильный ответ из четырех вариантов. При этом испытуемые включали в фоновом режиме программу типа Screen Recorder, которая осуществляла запись рабочего экрана (и всех перемещений курсора на нем), речи испытуемого и его лица с фронтальной камеры компьютера (или смартфона).

Общее число испытуемых, которые полностью справились с программой эксперимента (некоторые столкнулись с техническими трудностями в ходе пробной записи демоверсии теста), составило 35 человек. Все они — зарегистрированные участники онлайн-проекта «Клуб Испытателей Тестовых Технологий» (сайт в Интернете — www.testbytest.ru). 15 участников были мужского пола, 20 — женского. Возраст участников — от 17 до 57 лет. Средний возраст — 32 года.

Из числа испытуемых 18 человек вошли в группу условных «читеров» («мошенников»): они получили от организатора эксперимента за день до выполнения основного теста файл-шпаргалку, в котором правильный ответ для каждого из 30 заданий был помечен символом «!!!» (три восклицательных знака). Задача этой группы состояла в том, чтобы максимально незаметно воспользоваться шпаргалкой и получить как можно больше очков — дать как можно больше пра-

вильных ответов, так что они имели внешнюю денежную мотивацию для качественного выполнения теста. Участники из подгруппы «честных» испытуемых вообще не знали о существовании группы «читеров». Обыкновенные испытуемые («честные») получили вместе с приглашением на эксперимент информацию о том, что за факт участия (предоставление качественной видеозаписи выполнения теста) получают 500 рублей, а также получают по 100 рублей премии за каждые дополнительные 10 процентов правильных ответов (10 пунктов на шкале ППО), начиная с 50 процентов. Участники из подгруппы «читеров» вместе с приглашением получили информацию о том, что за факт участия они получают 1000 рублей, а также по 100 премиальных рублей за каждые дополнительные 10 процентов правильных ответов. Насколько эта мотивация участников оказалась эффективной, показали результаты эксперимента.

Своеобразной второй группой обследованных в данном случае явились те, кто выполнял задачу прокторинга — оценивал достоверность поведения испытуемых по видеозаписи устного решения тестовых заданий. Этот второй контингент участников эксперимента составили 14 штатных сотрудников Центра «Гуманитарные технологии» (включая автора статьи), среди которых преобладали методисты — разработчики тестовых методик и психологи-консультанты по профессиональной ориентации³. Из 14 прокторов 8 человек — мужчины, 6 — женщины. Возраст — от 22 до 65 лет, средний — 35 лет. Задача эксперта заключалась в том, чтобы сразу после просмотра видеозаписи (длительность каждой — от 10 до 15 минут), оценить поведение испытуемого по 5 пятибалльным оценочным шкалам. Ниже названия шкал и пояснения к ним даются в точном текстуальном соответствии с тем, как это было сформулировано в инструкции эксперту на его личной веб-странице:

1. РЕЧЬ — насколько естественные речевые интонации и плавный темп речи (не вызывающие подозрений). Слишком быстрый темп или большие задержки при переходе к решению (в отличие от обычного для заданий разной длины) должны приводить к сни-

---

³ Автор статьи выносит персональную благодарность за участие в эксперименте в роли экспертов следующим коллегам (по алфавиту в именительном падеже): Балаян Степан, Белорусец Арсений, Васильцов Михаил, Дерябо Ольга, Дулькина Анастасия, Завоеванная Наталья, Кузнецов Кирилл, Лисица Ирина, Лобов Вадим, Окатова Мария, Серебряков Алексей, Тимофеев Антон, Яшина Светлана. В табл. 2 с результатами эксперимента инициалы экспертов-прокторов изменены с учетом использованных экспертами псевдонимов. — Примечание автора.

жению оценок — до 1 или 2. Высший балл 5 следует ставить, когда речь не вызывает никаких подозрений.

2. МИМИКА и ГЛАЗА — насколько естественная мимика (без напряжения особого напряжения) и движения глаз (сфокусированность взгляда именно на экране с заданием).

3. МОТОРИКА — насколько естественный темп работы с экраным интерфейсом (управление курсором, выбор ответа и т.п.)

4. СОПРЯЖЕННОСТЬ⁴ — отдельная общая оценка согласованности (скоординированности) всех трех компонентов поведения — речи, мимики и моторики. Обратите внимание на следующее: если испытуемый знаком с заданием (читает его не первый раз и уже знает ответ), то он, как правило, несколько поспешно указывает на ответ вначале РУКАМИ (курсором), а речь как бы запаздывает — комментирует уже произведенное действия. В то же время, когда честный испытуемый принимает решение ПЕРВЫЙ РАЗ, то он, как правило, его вначале проговаривает вслух, а лишь позднее (либо в самом конце зачитывания ответа) производит моторное действие.

5. ОБЩАЯ ОЦЕНКА — оценка достоверности поведения испытуемого. Обратите внимание, что эта оценка НЕ ДОЛЖНА быть получена формальным путем, то есть НЕ должна быть арифметическим средним предыдущих оценок. Например, если лишь по одному признаку (движения глаз) Вы заподозрили неладное и поставили низкий балл 1 или 2, то общая оценка может быть РАВНА именно этому низкому баллу. Это действие по принципу «закона конвоя»: скорость движения конвоя равна скорости самого медленного судна.

В качестве софтверной платформы для выполнения онлайн-тестирования и сбора экспертных оценок использовалась система HT-LINE, разработанная в Центре «Гуманитарные технологии» (см. сайт в Интернете www.ht-line.ru). Каждый участник эксперимента, включая и испытуемых, и экспертов, получал в этой системе свою

---

⁴ Понятие «сопряженность» в данном случае навеяно опытом создания самых первых «лай-детекторов» в истории экспериментальной психологии — методиками, в которых эмоциональная напряженность испытуемого пытались регистрировать через рассогласование речевой и моторной реакции в ассоциативном эксперименте: в случае аффективно значимого слова-стимула моторная реакция опережала речевую или, напротив, сильно отставала, что происходило реже (Лурия, 1928). — Примечание автора.

«личную страницу» (или «личный кабинет»), из которого мог вызывать разные тесты, оценочные процедуры и прикреплять ссылки на файл с видеозаписью. На рис. 1 и рис. 2 в приложении показаны снимки экрана (скриншоты), иллюстрирующие, как выглядела видеозапись, которую оценивал проктор в ходе экспертного оценивания, а также страница с пятью оценочными шкалами.

Результаты и их обсуждение

На самом первом шаге в ходе обработки полученных результатов мы попытались проверить, насколько высокой оказалась мотивация испытуемых из группы «читеров». Оказалось, что практически все «читеры» показали по основному тесту более высокие результаты, чем испытуемые из группы «честных». Все они показали от 70 до 100 баллов на шкале ППО — процентов правильных ответов на вопросы теста (21 правильный ответ из 30 и выше). А в группе «честных» испытуемых только один показал балл ППО = 96% и вклинился по этому показателю в группу в высокую группу, а остальные — ниже 70% и большинство даже меньше половины — ниже 50% на шкале ППО. Таким образом, данный тест для большинства испытуемых оказался сложным и читерам, очевидно, помогло наличие «шпаргалки с правильными ответами», то есть они были серьезно замотивированы на то, чтобы показать высокий результат, подглядывая в шпаргалку, и при этом не быть раскрытыми в ходе данной экспериментальной «деловой игры».

На втором шаге мы проделали объективный хронометрический анализ ответов на каждое задание в каждом из 35 протоколов тестирования, полученных от участников-испытуемых. При этом для каждого из 30 тестовых заданий (items) рассчитывались показатели среднего времени решения (в секундах), а также интервалы «плюс-минус сигма», то есть границы нормальной продолжительности решения ниже и выше среднего на одно стандартное отклонение. Далее для каждого из 35 испытуемых подсчитывался сырой балл «хронометрической атипичности протокола», равный числу выходов за пределы нормального интервала продолжительности (как в сторону задержек, так и в сторону слишком быстрых ответов). На рис. 3 показана гистограмма частотного распределения испытуемых по количеству допущенных ими «выходов» за пределы нормальных хронометрических интервалов. Как видим, большинство испытуемых допускали не более 10 таких выходов из 30 возможных (по числу тестовых заданий в тесте). Это две трети выборки (24 из 35). Но среди

этих «нормальных испытуемых», работавших в нормальном темпе оказалось, увы, немало «читеров». «Увы» — это потому, что хотелось бы увидеть, что протоколы всех читеров являются атипичными. То есть, на нижнем полюсе построенной шкалы «хронометрической атипичности» наблюдается низкая дифференцирующая способность этой шкалы в отношении различения целевой (критериальной) бинарной переменной «читер — честный». Но... зато на верхнем полюсе наблюдается другая картина: в группе «читеров» оказались все те 7 человек, которые показали высокий балл «хронометрической атипичности» (более 15 выбросов из 30 возможных — в более чем половине тестовых заданий).

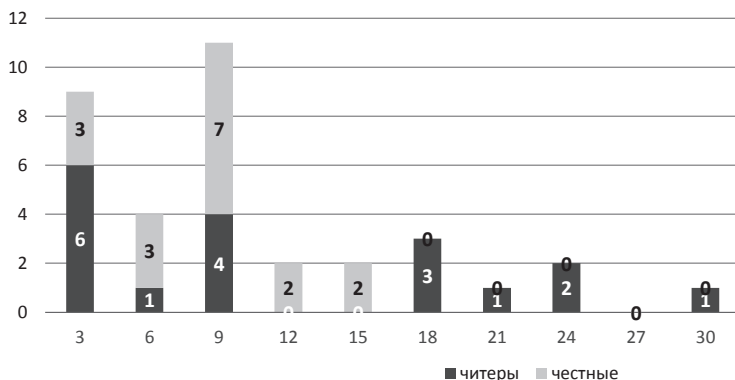

Рис. 3. Гистограмма частотного распределения испытуемых на шкале «число атипичных длительностей решений» (с точностью до интервала в 3 атипичных решения из 30 возможных)

Таким образом, четырехклеточная таблица сопряженности (она же — матрица ошибок, или confusion matrix) для данного показателя оказалось асимметричной (табл. 1).

Таблица 1

Четырехклеточная таблица сопряженности для предиктора «число хронометрически атипичных решений»

	Реальные читеры	Реальные честные
Подозреваемые испытуемые (более 15 атипичных решений)	A = 7	B = 0
Испытуемые вне подозрений (менее 16 атипичных решений)	C = 11	B = 17

Общая точность-ассигасу, подсчитанная по табл. 1 в виде коэффициента Каппа, оказывается совсем невысокой, только 0,38. Из-за того, что столбцы таблицы оказываются симметричными по числу случаев (сумме частот по столбцам), то известный коэффициент дискриминативности (КД1) равен для этой таблички тоже 0,38, как и фи-коэффициент (Аптон, 1972). Но зато один из значимых показателей, а именно Precision (прецизионная точность, или, как мы предлагаем его называть, «избирательная точность») оказывается в данном случае равным 1.0, хотя выявлен он и на совсем небольшой выборке в 7 человек (сумма частот по первой строке). Иными словами, мы выявили в нашем эксперименте такую точку отсечения на шкале «хронометрически атипичных решений», которая дает нам нулевое число «ложных тревог»: все испытуемые, которые оказываются выше этой точки отсечения, оказались в группе «читеров»⁵. В целом этот уровень точности для хронометрических данных соответствует известным нам, процитированным в этой статье выше зарубежным исследованиям Ван дер Линдена и Чиа Ян Чуанга.

На третьем шаге мы построили таблицы сопряженности, аналогичные той, которая изображена в табл. 1, для каждого отдельного эксперта и посчитали показатели общей точности с помощью коэффициентов Карра и традиционного коэффициента линейной корреляции Пирсона, который легко каждый пользователь может найти среди стандартных статистических функций в популярной программе MS Excel. В табл. 2 отражены полученные значения для 13 экспертов (один эксперт не выполнил норматив по числу видеозаписей — не менее 30 процентов из всего массива — и был исключен из дальнейшего анализа)⁶. Следует специально подчеркнуть, что

---

⁵ За пределами эксперимента, явившегося предметом данной статьи, остаются данные автора, полученные им на первом массовом конкурсном проекте «Лидеры России» в 2017 году: на выборке в 84 тысячи участников конкурса, протестированных по тесту общих знаний, тогда тоже была обоснована точка отсечения «атипичных протоколов», равная значению ППО = 50% (половина правильных ответов на задания теста). — Примечание автора.

⁶ Коэффициент корреляции Пирсона мы привели для того, чтобы читателю легче было воспринимать материал этой статьи, а для этого опереться на нечто знакомое и привычное. Для весьма симметричных столбцов, какими оказались ЧТС в данном эксперименте, корреляция Пирсона очень неплохо отражает общую точность каждого эксперта. Линейная корреляция значений коэффициентов Линкор и Каппа в данном случае оказалась равной 0,92, что говорит о практической взаимозаменяемости этих коэффициентов в нашем случае. Но... в практической работе, когда читеров значительно меньше в выборке, чем «честных испытуемых», надо обязательно считать коэффициент Каппа. — Примечание автора.

данные в табл. 2 отражают 5-ю шкалу экспертной оценки — субъективную «общую оценку достоверности». Дихотомическое огрубление 5-й шкалы (перевод в бинарную шкалу) достигалось таким образом: балл 1 в пользу достоверности присваивался шкальным субъективным оценкам 4–5, а балл 0 — в пользу «мошенничества» субъективным оценкам 1–3 (как всегда, наши эксперты при использовании пятибалльной шкалы допускали асимметрию в пользу более высоких оценок, так что балл 3 фактически получил смысл «ниже среднего»).

Таблица 2

**Индивидуальные показатели общей точности (ассигуру)
для 13 экспертов-прокторов (Линкор и Каппа),
а также согласованности со «средним экспертом» (Косинус)**

Эксперт	А.С.	М.В.	И.В.	О.Д.	А.Д.	Н.С.	М.О.	А.А.	А.Г.	С.Б.	К.К.	С.Я.	В.М.
Линкор	0,82	0,61	0,42	0,84	0,61	0,54	0,69	0,52	0,81	0,48	0,69	0,81	0,18
Каппа	0,7	0,54	0,25	0,88	0,65	0,42	0,77	0,42	0,76	0,37	0,69	0,8	0,24
Косинус	0,88	0,86	0,74	0,82	0,76	0,8	0,86	0,82	0,86	0,82	0,4	0,54	0,36

Средний показатель точности экспертов Каппа равен 0,58 и значительно превосходит точность объективной шкалы «хронометрической атипичности». Только у трех экспертов из 13 (под инициалами И.В., С.Б. и В.М.) обнаружены низкие показатели общей точности — ниже 0,38, что уступает хронометрической шкале. Если же отобрать для «практической работы» только тех 8 экспертов, у которых Каппа выше 0,5, то для этих более подготовленных экспертов среднее значение Каппа будет равно уже 0,72, что оказывается на удивление близким к тому значению, которое получено в процитированном выше эксперименте Чиа Ян Чуанга. При этом сводная ЧТС для этих восьми лучших экспертов принимает следующий вид, как это показано в табл. 3.

Что еще примечательного мы видим в табл. 3? — Опять, как и в случае с хронометрической шкалой, мы видим, что в таблице значительно меньше ошибок типа «ложная тревога» (правая верхняя клетка), чем ошибок типа «пропуск» (6 в клеточке В против 24 в клеточке С). При этом специфичность (контраст частот во втором столбце) выше, чем чувствительность (контраст частот в первом столбце). Показатель «избирательной точности» (presicion) равен $82 / (82 + 6) = 0,93$, что приближает каждого из подготовленных экс-

Таблица 3

**Суммарная четырехклеточная таблица сопряженности
для 8 лучших экспертов-прокторов**

	Реальные читеры	Реальные честные
Подозреваемые испытуемые (более 15 атипичных решений)	A = 82	B = 6
Испытуемые вне подозрений (менее 16 атипичных решений)	C = 24	D = 106

Пояснение: сумма частот в таблице больше 35, так как эта частотная таблица явилась результатом суперпозиции — поклеточного суммирования — восьми индивидуальных частотных таблиц).

пертов к высокоэффективной индивидуальной работе. Ведь дело в том, что в реальных условиях (отличных от искусственных условий нашего эксперимента, где группа читеров была искусственно составлена из «подставных добровольцев»), частота ошибок типа «пропуск» должна упасть естественным образом, и главное требование — не допускать ошибок типа «ложная тревога».

На четвертом шаге мы произвели особый анализ — такой, который не мог себе позволить наш зарубежный коллега Чиа Ян Чуанг. Дело в том, что в его эксперименте участвовали лишь 2 эксперта, а в нашем 14 экспертов, из которых мы смогли выявить 8 подготовленных прокторов, способных выявлять читеров. Кроме того, в нашем эксперименте практически все эти 8 прокторов оценивали всех испытуемых — все 35 видеозаписей, а не разделялись парами по разным видеозаписям. Это позволило нам суммировать данные от 8 экспертов и построить особую шкалу «суммарной экспертной оценки» (по всем 5 шкалам от всех 8 экспертов по всем 35 испытуемым). Все 35 испытуемых были отранжированы по убыванию балла «суммарной экспертной достоверности», так что возникли только 2 ошибки в этом отранжированном списке: только 1 «честный» испытуемый оказался ниже некоторых «читеров» и только 1 «читер» оказался выше некоторых «честных» испытуемых. ЧТС для этой «суммарной экспертной достоверности» приобрела следующий вид (см. табл. 4).

Коэффициент общей точности Каппа для этой шкалы приблизился уже к 0,9 (точное значение 0,89), что позволяет смело утверждать, что назначение группы квалифицированных экспертов для работы по обнаружению читеров даст нам необходимый уровень точности в их работе.

Таблица 4

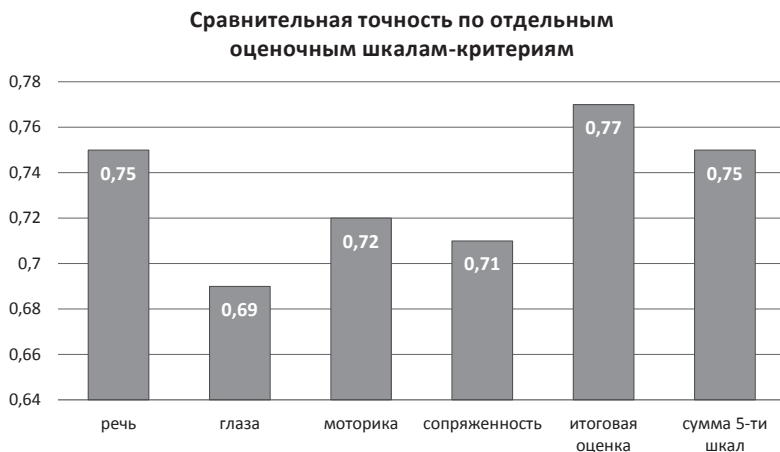
**Четырехклеточная таблица сопряженности для шкалы
«суммарной экспертной достоверности» (по 8 лучшим экспертам)**

	Реальные читеры	Реальные честные
Подозреваемые испытуемые (более 15 атипичных решений)	17	1
Испытуемые вне подозрений (менее 16 атипичных решений)	1	16

На пятом шаге обработки мы поставили своей целью измерить, как связаны между собой внутренняя согласованность экспертных оценок (конкордация) и объективная точность различения группы «читеров» и группы «честных». В табл. 2 в третьей строке для 13 экспертов приводятся значения коэффициента «косинус», который измеряет степень согласованности оценок данного эксперта с оценками остальных экспертов (с профилем усредненных экспертных оценок). Ранговая корреляция между показателями Каппа и Косинус оказалась невысокой (0,38), что говорит о том, что в данном случае такая шкала как «согласованность с остальными экспертами» в незначительной степени отражает квалификацию экспертов по обнаружению «реальных читеров». Требуется ввести в систему обучения и измерения квалификации экспертов именно реальных «читеров», а привычного расчета внутренней согласованности между экспертами в данном случае недостаточно.

На шестом шаге в ходе обработки результатов мы проанализировали, насколько удачно работали эксперты с различными 5-ю оценочными шкалами критериями. На рис. 4 отражается сравнительная эффективность всех пяти шкал, которую отражает в данном случае линейная корреляция (строго говоря, точечно-бисериальная корреляция, так как одна из двух переменных, а именно целевой критерий, является в данном случае бинарной переменной «1 или 0»).

Как видим на рис. 4, мы получили несколько неожиданный результат: суммарный показатель по всем пяти шкалам оказался даже менее прогностичен, чем оценки по отдельной 5-й шкале, которую можно считать «субъективной интегральной оценкой». Это можно, очевидно, объяснить тем, что среди отдельных шкал не было ни од-

Рис. 4. Сравнительная диаграмма, показывающая различия в корреляции отдельных экспертных шкал с целевым показателем «наличие — отсутствие читинга» (число пар наблюдений в данном случае равно 35 с использованием данных от 8 лучших экспертов)

ной, которая бы отражала важный фактор, различающий «читеров» и «честных» в нашем эксперименте: эксперты легко могли видеть, что читеров отличает более высокая «эрудиция», ведь, вспомним, что все они (практически все) попали в группу «высокоэрудированных». Так что если в ходе видеозаписи устного решения проктор видит, что испытуемый раз за разом дает правильные ответы почти на все задания, некоторые из которых весьма трудные (практически 100 процентов правильных ответов), то в своей итоговой оценке по 5-й шкале проктор, конечно, учитывает этот факт. В целом мы видим, что работали почти все шкалы, но относительно более слабый результат получен по шкале номер 2 «глаза и мимика». Этот результат явился следствием технических недостатков методики, которые вскрыл наш эксперимент уже после его проведения: окно, в котором эксперты-прокторы могли наблюдать за движениями глаз и мимикой, оказалось слишком маленьким и это создавало чисто перцептивные трудности для экспертов.

На последнем, седьмом шаге выполненной нами обработки результатов мы решили проверить с помощью кросс-валидации

устойчивость экспертных оценок трех лучших экспертов к расщеплению выборки оцениваемых испытуемых пополам⁷. К сожалению, после расщепления пополам объем подвыборки оцениваемых испытуемых для эксперта С.Я. оказался недостаточным. Таким образом, мы публикуем коэффициенты Каппа для случайной половины выборки по трем следующим лучшим экспертам: А.С. (0,62), О.Д. (0,78), А.Г. (0,65). Таким образом, по половине выборки тройка экспертов сохранила свои лидирующие позиции среди группы экспертов и это хороший результат. Среднее значение оказалось равным Каппа = 0,68, что неплохо, так как близко к зарубежным показателям точности в районе 0,7. Но это говорит одновременно о следующем: для достижения требуемых высоких показателей точности-валидности выше 0,9 необходимо организовать обучение экспертов на выборках объемом примерно в 50 человек. Тем самым нашей выборки объемом в 35 тестируемых субъектов (и тем более ее половины объемом в 18 человек) оказывается, строго говоря, недостаточно, так что требуется выборка примерно в 1,5 больше по объему (50 против 35). Хотя при этом опять-таки для трех лучших экспертов вполне удовлетворительным оказывается при расщеплении выборки показатель «точности-избирательности» (precision). Желающие легко могут самостоятельно подсчитать этот показатель для следующей четырехклеточной таблицы сопряженности (табл. 5).

Таблица 5

Четырехклеточная таблица сопряженности на половине от выборки испытуемых (по 3 лучшим экспертам)

	Реальные читеры	Реальные честные
Подозреваемые испытуемые (более 15 атипичных решений)	17	1
Испытуемые вне подозрений (менее 16 атипичных решений)	7	25

⁷ В данном случае нами был применен самый простой и понятный для читателей, не искусственных в анализе данных (data analysis), метод кросс-валидации — более простой по сравнению с более изощренными современными компьютерными методами K-fold cross validation, которые требуют просчета устойчивости выработанного правила на K равных по объему случайных подвыборках; а в данном случае K = 2 (см. статью в англоязычной Википедии — cross-validation). — Примечание автора.

Легко видеть, что доля «реальных читеров» среди всех подозреваемых в табл. 5 составляет 17 из 18, то есть 94%. В тоже время доля «отрицательного правильного прогноза» опять-таки невелика (25 из 32, то есть 0,78), что говорит о значительном количестве «пропусков». Вывод в этом случае напрашивается такой: даже самые успешные эксперты, выявленные в нашем исследовании, нуждаются в дополнительном анализе происхождения ошибок типа «пропуск» и в тренинге на более обширном материале, чтобы сократить эти ошибки. Тем не менее уже в настоящем виде методика экспертной оценки может быть использована для выявления читеров с пренебрежимой долей ошибок типа «ложная тревога». Таким образом, если мы направляем таких подозреваемых на контрольное (повторное тестирование в очном режиме), то в очень малой степени сомневаемся в том, что все эти испытуемые такого контрольного тестирования заслуживают. Сама же перспектива контрольного очного перетестирования является, как известно, серьезным сдерживающим фактором, резко сокращающим число участников тестирования, готовых рисковать своей репутацией и прибегнуть к фальсификациям — к различным стратегиям «читинга» (мошенничества).

Обсуждая результаты проведенного эксперимента, мы не можем не отметить ряд недостатков и условностей самой методики и организационной схемы:

1. Выборка размером в 35 испытуемых является недостаточно репрезентативной для категоричных выводов. В дальнейшем планируется в ходе практико-ориентированных массовых прикладных работ с использованием данной методики значительно расширить выборку. Но сам факт фактического совпадения показателей точности с данными зарубежных исследований позволяет с определенным доверием относиться и к другим результатам проведенного исследования, несмотря на ограниченный объем выборки.

2. Сама методика формирования группы «подставных испытуемых» нуждается в совершенствовании. В данном случае эта организационно-методическая схема во многом базировалась на доверии к испытуемым. Ведь каждый из них, получив доступ к ключевым ответам на задания задолго до выполнения теста, мог просто выучить эти ключевые ответы вместе со всеми 30 заданиями. Но... тот факт, что результаты испытуемых из группы «подставных» не были 100-процентными, говорит о том, что эти испытуемые проявили добросовестность (в каких-то случаях подкрепленную занятостью

или ленью) и этого не сделали — не выучивали задания⁸. Тем самым полученные нами результаты позволяют считать этот недостаток в целом незначительным.

Выводы и перспективы исследования

В результате проведенного нами эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Нами получены результаты, которые по уровню точности обнаружения «читинга» в целом соответствуют аналогичным зарубежным исследованиям, что повышает уровень доверия к этим результатам.
2. Подготовленные эксперты могут эффективно обнаруживать «читинг» с помощью интегральной субъективной оценки достоверности поведения испытуемых на основе видеозаписи устного решения тестовых заданий в режиме онлайн (при выполнении удаленного тестового экзамена).
3. Разработана валидная методика измерения индивидуальной эффективности отдельных экспертов, которая позволяет отсеивать неэффективных экспертов и не допускать их к работе.
4. Объективная шкала «хронометрическая атипичность протоколов» уступает по точности любому коллективу из двух-трех подготовленных экспертов и тем более многочисленному коллективу экспертов. Но, будучи гораздо более дешевой по затратам, эта шкала может быть эффективно использована на ранних массовых этапах тестирования с целью эффективного выявления «читеров», так как обладает высокой «избирательной точностью» (precision, или точность положительного прогноза). В то же время квалифицированных экспертов следует привлекать для более скрупулезного анализа спорных случаев или видеозаписей «контрольных сеансов дистанционного тестирования».
5. На данном материале обнаружена слабая скоррелированность объективной меры точности экспертных оценок и тра-

---

⁸ Фактически выучил задания только один испытуемый из группы «подставных», который откровенно признался в этом в ходе телефонного опроса, проведенного уже по итогам эксперимента с испытуемыми, показавшими «подозрительно высокие результаты». — Примечание автора.

диционного показателя согласованности экспертных оценок, что отменяет использование показателя согласованности для обучения и отбора экспертов в данном случае.

6. Созданная в ходе исследования эталонная выборка объемом в 35 видеозаписей, из которых примерно половина продемонстрировала «реальный читинг», может служить эффективным материалом для обучения экспертов, по крайней мере для надежного тренинга экспертов до такого уровня «избирательной точности», который позволяет избегать ошибок типа «ложная тревога» Но эта же выборка пока является недостаточной для снижения доли ошибок типа «пропуск». То есть, пока тренировочный материал позволяет формировать коллектив экспертов, работающих с асимметричной точностью — в пользу испытуемых (спорные случаи кодируются как «честные»).
7. Разработанную методику в силу асимметричной прогностичности следует применять на практике не изолированно, но в системном сочетании с такой организационной методической схемой тестовых экзаменов, которая предполагает проведение вслед за дистанционным онлайн-экзаменом очного контрольного выборочного перетестирования — на выборке тех экзаменуемых, которые заподозрены коллективом обученных экспертов в читинге.
8. Перспективы дальнейшего исследования таковы. Надо практически измерить, насколько справедлива следующая правдоподобная, но, строго говоря, еще не доказанная гипотеза: повторные обучающие серии экспериментального обучения экспертов позволяют повысить точность работы экспертов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аптон Г. Анализ таблиц сопряженности. М: Финансы и статистика, 1972. 143 с.
- Лурия А.Р. Диагностика следов аффекта. Сопряженная моторная методика и её применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии. М., 1928. Т. 3. С. 46.
- Орлов А.И. Экспертные оценки. Учебное пособие. М.: МЗ-Пресс, 2002. 31 с.
- Шмелев А.Г. Многокритериальная оценка пользовательских интерфейсов порталных проектов // Интернет-порталы: содержание и технологии». М.: Просвещение, 2002. Т. 2. С. 346–361.

Шмелев А.Г. Согласование экспертных оценок с помощью Интернет-технологии шкалирования // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С. 175–185.

Шмелев А.Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013. 688 с.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Академкнига, Добросвет, 2003. 596 с.

Chia-Yuan Chuang. Improving Proctoring by Using Non-Verbal Cues During Remotely Administrated Exams. A Dissertation Presented for the Degree Doctor of Philosophy. Arizona state university, 2015. 79 p.

Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales. *Educational and Psychological Measurement*, 1960, 20 (1), 37–46.

Macmanus I.C., Lissauer T.J., Williams S. Detecting cheating in written medical examinations by statistical analysis of similarity of answers: Pilot study. *British Medical Journal* (online), 2005, 1064-6.

van der Linden W.J. A lognormal model for response times on test items. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*, 2006, 3 1 (2), 181–204.

Cross-validaion (2020). Ссылка: [https://en.wikipedia.org/wiki/Cross-validation_\(statistics\)#k-fold_cross-validation](https://en.wikipedia.org/wiki/Cross-validation_(statistics)#k-fold_cross-validation)

Inter-rater reliability (2020). Ссылка: https://en.wikipedia.org/wiki/Inter-rater_reliability

ProctorU. (2008). Pupilcity ProctorU. Ссылка: <http://www.proctoru.com/>

ProctorEDu (2015). Тесты в бизнесе и прокторинг. Ссылка: <https://proctoru.ru/interview>

VProctor. (2014). VProctor. Ссылка: <http://vproctor.com/>

Что такое прокторинг и чем он полезен на экзаменах, тестировании и в обучении (2020). Ссылка: <https://finacademy.net/materials/article/proktoring>

REFERENCES

Apton G. Analiz tablic soprjazhennosti. Moscow: Finansy i statistika, 1972. 143 s.

Chia-Yuan Chuang. Improving Proctoring by Using Non-Verbal Cues During Remotely Administrated Exams. A Dissertation Presented for the Degree Doctor of Philosophy. Arizona state university, 2015. 79 p.

Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales. *Educational and Psychological Measurement*, 1960, 20 (1), 37–46.

Jadov V.A. Strategija sociologicheskogo issledovanija. Moscow: Akademkniga, Dobrosvet, 2003. 596 s.

Lurija A. R. Diagnostika sledov affekta. Soprzjazhennaja motornaja metodika i ejo primenenie v issledovanii affektivnyh reakcij. — V kn: Problemy sovremennoj psihologii, t. 3. Moscow, 1928, s. 46.

Macmanus I.C., Lissauer T.J., Williams S. Detecting cheating in written medical examinations by statistical analysis of similarity of answers: Pilot study. *British Medical Journal* (online), 2005, 1064-6.

Orlov A.I. Jekspertnye ocenki. Uchebnoe posobie. Moscow: MZ-Press, 2002. 31 s.

Shmelev A.G. Mnogokriterial'naja ocenka pol'zovatel'skih interfejsov portal'nyh proektov. — V sbornike Internet-portaly: sodержanie i tehnologii, Moscow: Prosveshhenie, 2002, tom 2, s. 346–361.

Shmelev A.G. Prakticheskaja testologija. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoj psihologii i upravlennii personalo. Moscow: Maska, 2013. 688 s.

Shmelev A.G. Soglasovanie jekspertnyh ocenok s pomoshh'ju Internet-tehnologii shkalirovanija. — V sbornike “Jekspertiza v sovremennom mire: ot znanija k dejatel'nosti”. Moscow: Smysl, 2006, s. 175–185.

van der Linden W.J. A lognormal model for response times on test items. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*, 2006, 31 (2), 181–204.

Cross-validation (2020). [https://en.wikipedia.org/wiki/Cross-validation_\(statistics\)#k-fold_cross-validation](https://en.wikipedia.org/wiki/Cross-validation_(statistics)#k-fold_cross-validation)

Inter-rater reliability (2020). https://en.wikipedia.org/wiki/Inter-rater_reliability

ProctorU. (2008). Pupilcity ProctorU. <http://www.proctoru.com/>

ProctorEDu (2015). Тесты в бизнесе и прокторинг. <https://proctoredu.ru/interview>

VProctor. (2014). VProctor. <http://vproctor.com/>

Что такое прокторинг и чем он полезен на экзаменах, тестировании и в обучении (2020). <https://finacademy.net/materials/article/proctoring>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шмелев Александр Георгиевич — доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: ags12@ht.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Shmelev — Doctor of Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: ags12@ht.ru

Приложение 1.

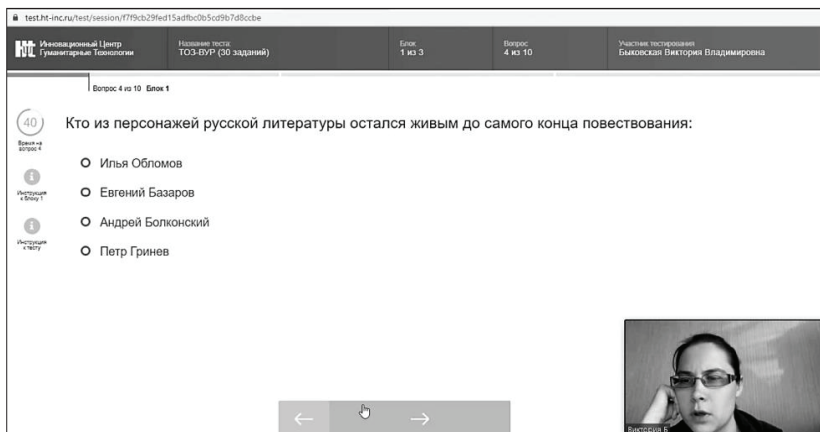

Рис. 1. Экран видеозаписи устного решения в том виде, как он был представлен эксперту-проктору (в правом нижнем углу по записи воспроизводится мимическая динамика испытуемого, синхронизированная с его действиями по выбору правильного ответа)

Приложение 2.

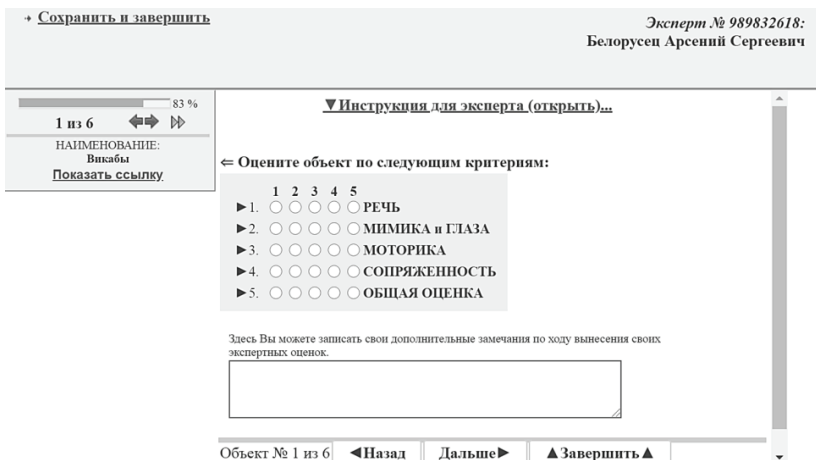

Рис. 2. Веб-интерфейс эксперта-проктора: пять оценочных шкал для оценки поведения испытуемого после наблюдения за видеозаписью устного решения

УДК: 159.99

doi: 10.11621/vsp.2020.04.04

ИНДИВИДУАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ДИСТАНЦИОННОЙ И ОЧНОЙ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ

Е.А. Володарская¹, А.Ф. Гасимов^{2*}

¹ Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Москва, Россия.

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.

* Для контактов. E-mail: gasimov.anton@gmail.com

Актуальность определяется необходимостью изучения личностно-психологических особенностей студентов, выбирающих очную и дистанционную формы обучения, для понимания общих закономерностей формирования психологической культуры выпускника в условиях активной цифровизации образования.

Цель исследования — сопоставление индивидуально-характерологических элементов психологической культуры студентов, выбирающих очную и дистанционную форму обучения при освоении инженерных специальностей.

Методики и выборка. В исследовании приняло участие 84 респондента в возрасте от 18 до 22 лет, обучающиеся в предметной области информационных технологий, распределенные на две группы в зависимости от выбранной формы обучения: дистанционная (40 студентов) и очная (44 студента). Были использованы следующие методические инструменты: пятифакторный опросник личности Х. Тсуи в адаптации А.Б. Хромова, методика диагностики направленности личности Б. Басса, методика выявления потребности в общении Ю.М. Орлова, тест жизнестойкости С. Мадди, тест-опросник самооотношения (ОСО), В.В. Столина и С.Р. Панталева.

Результаты. Обнаружены различия в рефлексивно-оценочном компоненте и коммуникативных особенностях. Показано, что студенты дистанционной формы подготовки имеют более низкий уровень потребности в общении, более низкий уровень саморегуляции и более выраженную психологическую дистанцию в общении, связанную с низкими показателями самопринятия, по сравнению со студентами очной формы. Выявлено, что на выбор способа организации межличностного взаимодействия в учебной ситуации влияет психологическая дистанция личности в общении.

У студентов дистанционной формы обучения фактор «привязанности-отдаленности» показал значительную вклад по сравнению со студентами очной формы обучения, для которых характерен более высокий показатель потребности в оценке себя со стороны других людей.

Выводы. Цифровизация образования требует учета специфики личностных характеристик студентов и не должна ограничиваться только расширением пользовательских компетенций. Это определяется выявленными различиями в характеристиках самопринятия, уровне выраженности потребности в общении, а также психологической дистанцией личности в общении у студентов, предпочитающих дистанционную или очную формы обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучения, цифровизация образования психологическая культура, индивидуально-характерологические аспекты, потребность в общении, самопринятие.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19-78-10148.

Для цитирования: Володарская Е.А., Гасимов А.Ф. Индивидуально-характерологические аспекты психологической культуры студентов дистанционной и очной форм обучения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 67–83. doi: 10.11621/vsp.2020.04.04

Поступила в редакцию: 01.06.2020 / Принята к публикации: 23.08.2020

INDIVIDUAL CHARACTERISTIC ASPECTS OF PSYCHOLOGICAL CULTURE OF STUDENTS OF DISTANCE AND FULL-TIME FORM OF LEARNING

Elena A. Volodarskaya¹, Anton F. Gasimov^{2*}

¹ Institute for the history of science and technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

² Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Corresponding author*. E-mail: gasimov.anton@gmail.com

Relevance of the work is determined by the need to study the personality and psychological characteristics of students choosing full-time and distance learning to understand the general laws of the formation of the psychological culture of a graduate in the context of the active development of electronic educational space.

The purpose of the study is to compare the individual characterological elements of the psychological culture of students choosing full-time and distance learning in the development of engineering specialties.

Methods and sampling. The sample consisted of 84 respondents aged 18 to 22 years studying in the field of information technology. They were divided into two groups depending on the preferred form of education: distance learning (40 students) and full-time (44 students). The following tools were used: five-factor personality questionnaire by H. Tsuyi in the adaptation of A.B. Khromov; B. Bass technique for diagnosing the personality orientation, Yu.M. Orlov technique for identifying communication needs; viability test by S. Muddy; self-attitude test questionnaire (CCA) by V.V. Stolin and S.R. Pantileeva.

Results. Distinctions in the reflexive-evaluative component, communicative features are highlighted. Students of distance learning have a lower level of the need for communication, lower levels of self-regulation and a more pronounced psychological distance in communication, associated with lower rates of self-acceptance, compared with full-time students. The choice of the method of organizing interpersonal interaction in the educational situation is affected by the psychological distance of the person in communication. In case of distance-learning students, the factor of "attachment-remoteness" appeared to be more significant compared to full-time students, who were characterized by a higher indicator of the need for other people to evaluate them.

Conclusions. The active development of e-education requires to take into account the specifics of the personal characteristics of students and should not be limited only to the expansion of user competencies. This is determined by the distinguished differences in the characteristics of self-acceptance, the severity of the need for communication, as well as the psychological distance of the person in communication between students who prefer distance or full-time educational formats.

Keywords: distance learning, digitalization of education, psychological culture, individual and characterological aspects, the need for communication, self-acceptance.

Acknowledgments. The work was supported by the RGNF grant No. 19-78-10148.

For citation: Volodarskaya, E.A., Gasimov, A.F. (2020) Individual characterological aspects of psychological culture of students of distance and full-time form of learning. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, P. 67–83. doi: 10.11621/vsp.2020.04.04

Received: June 01, 2020 / Accepted: August 23, 2020

Введение

Обсуждение вопросов профессиональной культуры молодого специалиста в условиях цифровизации образования, активного внедрения новых коммуникативных технологий предполагает выделение психологической культуры личности как элемента общей культуры профессиональной социализации. Интерес к психологической культуре выпускника определяется усилением тенденции развития личности во время обучения в вузе. Психологическая культура определяется тем, что субъект применяет свои научные общепсихологические знания в контексте гуманитарных ценностей (Дементьева, 2011; Колмогорова, 1999; Сессаревская, 2018).

Психологическая культура личности включает возможности самоопределения, самореализации и саморазвития личности, детерминируя культуру отношения к самому себе и другим людям (Коломинский, Стрелкова, 2013; Певзнер, 2007). К структурным элементам психологической культуры как интегральной личностной характеристики относятся, во-первых, когнитивные элементы (понимание себя и других, адекватная самооценка, система представлений о себе и мире, психологическая компетентность, креативность, установки), во-вторых, эмоционально-оценочные (эмоциональная устойчивость, эмпатия), в-третьих, ценностно-смысловые (мотивы, стремления, цели, стратегии) и, в-четвертых, деятельностные элементы, регулирующие поведение субъекта (саморегуляция, волевой контроль, коммуникативные навыки) (Мотков, 2008; Обозов, 1995; Пузикова, 2003).

Одним из аспектов профессиональной культуры современного специалиста является культура нового типа общения, в которой партнером человека выступает интеллектуальная система. В таком случае говорят о медиакультуре, как новой характеристике психологической культуры личности в частности, и профессиональной культуры специалиста в целом (Григорьева, 2013; Чеботарева, 2013).

Медиакультура определяет группу соответствующих элементов медиакомпетентности личности (медиазнаний, умений, ценностных ориентаций, личностных качеств), способствующих эффективному взаимодействию как с информационными технологиями, так и в условиях их использования, например, при электронном обучении. Причем данные медиакомпетенции требуют своего формирования и развития как у студентов, так и у педагогов, осуществляющих педагогический процесс в дистанционном формате (Башарина, Годлевская, 2018; Кузьмина, 2014).

При выделении психологических закономерностей выстраивания взаимодействия человека и интеллектуальной системы в образовательном пространстве обязателен учет новых знаний, умений и навыков, которыми должен обладать выпускник вуза для решения соответствующих технологических задач. Однако, несомненно, важно изучать индивидуально-личностные особенности субъекта, способствующие эффективной коммуникации с интеллектуальной системой в условиях электронного образования.

Коммуникативная ситуация, в которой партнерами выступают личность и компьютер, оказывает влияние на отношение пользователя к другому участнику общения, доверие, эмоциональную сторону, мотивационно-потребностную систему. Исследования показывают, что включение личности во взаимодействие с информационной системой влияет на проявление особенностей психологической культуры, внося изменения в содержание ее компонентов по сравнению с психологической культурой людей, активно не пользующихся социальными сетями (Романов, Дроздова, 2017). Таким образом, психологическая культура становится важнейшим компонентом профессиональной культуры специалиста будущего.

Выделенные закономерности важно учитывать при выстраивании образовательного пространства в форме дистанционного (опосредованного цифровыми системами) взаимодействия педагога и учащегося. Дистанционная форма обучения нацеливает психологические исследования на изучение различий в личностных и мотивационных характеристиках студентов-психологов, обучающихся в очном и дистанционном форматах по показателям самоуважения, ценностных ориентаций, уровней самоактуализации и субъективного контроля (Уддин, 2013). Анализ проявления личностных характеристик студентов психологического факультета продемонстрировал, что у студентов дистанционной формы обучения по сравнению со студентами очной формы более выражена мотивация достижения и более высокий уровень самоактуализации (Уддин, 2014).

Имеются данные о влиянии дистанционной и очной форм организации образования в вузе на психологические особенности интеллектуального и личностного развития студентов юридических специальностей: у студентов очного обучения структура интеллекта более интегрирована, а темп усвоения знаний значительно выше по сравнению со студентами дистанционной формы (Баданова, 2018). Показано, что у студентов очной формы обучения средний (с тенден-

цией к низкому) уровень тревожности, а у студентов дистанционной формы — средний с тенденцией к высокому (Балашова, 2011).

В то же время, вопрос о роли индивидуально-характерологических элементов психологической культуры студентов, выбирающих дистанционную форму обучения, и студентов, обучающихся по очной форме, остается не до конца разработанным. Таким образом, цель данного исследования заключается в выявлении различий индивидуально-психологических характеристик личности студентов, предпочитающих очную или дистанционную форму организации образования в области информационных технологий.

Задачи исследования включают в себя описание теоретико-методологических оснований изучения психологической культуры личности в целом, и студентов, в частности; анализ результатов сравнения психологических характеристик обучающихся в разном формате, полученных на материале социогуманитарных направлений обучения; выявление специфики психологической культуры студентов очной и дистанционных форм подготовки в области информационных технологий.

Методы

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики:

1. Пятифакторный опросник личности Х. Тсуи в адаптации А.Б. Хромова (Хромов, 2000), который позволяет определить значимые в общении психологические характеристики по пяти шкалам: «экстраверсия — интроверсия», «привязанность — отделенность», «контролирование — естественность», «эмоциональность — эмоциональная сдержанность», «игривость — практичность».

2. Методика диагностики направленности личности Б. Басса (Карелин, 2007), нацеленная на диагностику ведущей ориентации личности: на себя, на работу или на общение.

3. Методика выявления потребности в общении Ю.М. Орлова (Ильин, 2009), позволяющая выделить низкий, средний и высокий уровни потребности в общении.

4. Тест жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, 2006).

5. Тест-опросник самоотношения (ОСО), разработанный В.В. Столиным и С.Р. Пантлеевым (Глуханюк, 2005).

В исследовании приняли участие 84 респондента в возрасте от 18 до 22 лет, 26 девушек и 58 юношей, обучающиеся по программам подготовки высшего образования с присвоением степени «бакалавр»

в области информационных технологий (студенты 2–4 курсов). Участники исследования были разбиты на две группы, исходя из выбранной ими формы обучения: дистанционной (40 студентов) и очной (44 студента).

Результаты

На первом этапе обработки результатов были подсчитаны показатели по каждой методике отдельно для каждой группы респондентов очной и дистанционной форм обучения. В силу ограниченного объема публикации мы сочли возможным не отражать итоги первичного анализа, а сосредоточиться на выявлении специфики статистически достоверных связей психологических характеристик студентов, выбравших различные формы обучения. Использован корреляционный анализ (непараметрический ранговый коэффициент корреляции Пирсона). Были получены следующие результаты, достоверные на уровне статистической значимости $p \leq 0,05$.

Форма обучения положительно связана с потребностью в общении ($r = 0,404$) и отрицательно — с самоуверенностью ($r = -0,282$); уровень потребности в общении связан с ориентацией личности на других людей ($r = 0,245$); экстраверсия отрицательно связана с самопринятием ($r = -0,239$); психологическая дистанция в общении отрицательно связана с самоинтересом ($r = -0,280$) и уверенностью в себе ($r = -0,311$); принятие риска положительно связано с вовлеченностью ($r = 0,575$), контролем ($r = 0,560$), жизнестойкостью ($r = 0,772$), самоуважением ($r = 0,521$), самоинтересом ($r = 0,238$) и самопониманием ($r = 0,399$). Характеристика самоуважения положительно коррелирует с аутосимпатией¹ ($r = 0,464$) и ожиданием других людей ($r = 0,257$). Саморуководство положительно связано с самоуважением ($r = 0,285$) и самообвинением ($r = 0,429$).

Для более углубленного анализа связей признаков психологической культуры студентов разных форм обучения был вычислен коэффициент корреляции Пирсона отдельно в каждой подгруппе испытуемых. Были получены следующие результаты, достоверные на уровне статистической значимости $p \leq 0,05$.

У студентов дистанционной формы обучения выделены следующие корреляции признаков: самообвинение отрицательно связано с ориентацией личности ($r = -0,350$), аутосимпатией ($r = -0,847$), отношением других людей ($r = -0,476$). Самоинтерес отрицательно

---

¹ Позитивное отношение к самому себе.

связан с контролем ($r = -0,516$ и положительно — с вовлеченностью ($r = 0,398$) и ожиданиями других людей ($r = 0,494$). Вовлеченность положительно коррелирует с контролем ($r = 0,734$), принятием риска ($r = 0,601$), жизнестойкостью ($r = 0,908$), самоуважением ($r = 0,635$) и самоинтересом ($r = 0,398$). Выявлены связи жизнестойкости с такими шкалами, как самоуважение ($r = 0,680$), аутосимпатией ($r = 0,335$), самоинтересом ($r = 0,332$) и отношением других ($r = 0,635$).

Выявлена тенденция отрицательной связи направленности личности и самообвинения ($r = -0,350$, $p \leq 0,05$), что демонстрирует усиление чувства вины личности в случае проявления доминирующей направленности на себя. В то же время, ориентация личности на других и на отношения снижает уровень обвинения себя.

Анализ корреляции показателей шкал пятифакторного опросника личности X. Тсуи не выявил значительных корреляционных закономерностей. Выявлена отрицательная корреляция фактора привязанности/отдаленности с потребностью в общении ($r = -0,330$, $p \leq 0,05$) и такими показателями самооотношения, как самоинтерес ($r = -0,516$, $p \leq 0,01$) и самоуверенность ($r = -0,354$, $p \leq 0,05$). То есть, снижение психологической дистанции личности в общении связана с усилением уровня выраженности коммуникативных стремлений, а отдаленность ведет к соперничеству, подозрительности и низкой потребности в общении. Дистанцированность как личностное качество студентов может свидетельствовать о проявлении интереса к себе, ориентации на себя, самоуважении (в условиях большой психологической дистанции в общении).

Анализ корреляций признаков для группы студентов очной формы показал следующие статистически значимые связи. Уровень потребности в общении отрицательно связан с жизнестойкостью ($r = -0,298$) и контролем ($r = -0,334$). Жизнестойкость как интегральное качество по тесту С. Мади связана с такими шкалами самооотношения по методике В.В. Столина и С.Р. Пантилеева, как самоуважение ($r = 0,700$), аутосимпатия ($r = 0,335$), ожидаемым отношением от других ($r = 0,299$), самоинтересом ($r = 0,316$), самоуверенностью ($r = 0,403$) и самопониманием ($r = 0,536$).

Сходство в целом корреляционных тенденций по группе респондентов повлекло за собой анализ различий подгрупп студентов разных форм обучения с использованием статистического U-критерия Манна-Уитни, показавшего наличие значимых различий между студентами разных форм обучения по критерию уровня потребности в общении ($U = -3,672$, $p \leq 0,01$). Так из 40 студентов дистанционной

формы обучения у 15 человек (37,5%) проявился низкий уровень потребности в общении. Средний уровень показали 19 респондентов этой группы (47,5%), а высокий уровень потребности в общении обнаружен у 6 человек (15%). Таким образом, можно говорить о преобладании низкого уровня потребности в общении.

У студентов, выбравших очную форму обучения, низкий уровень потребности в общении проявился у 18% респондентов, средний и высокий уровни проявили 45,5% студентов очной формы обучения. Студенты очной формы демонстрируют средний уровень потребности в общении. Респонденты обучаются по направлению подготовки «Информационные технологии». Сфера их будущей профессиональной деятельности нацелена на взаимодействие, в основном, с информационно-интеллектуальными системами, взаимодействие с которыми специфично по сравнению с субъект-субъектной коммуникацией.

Еще одна характеристика, по которой обнаружены значимые отличия между группами, — самоуверенность ($U = -2,708$, $p \leq 0,01$): чем ниже уверенность студента в себе, тем выше вероятность выбора дистанционной формы обучения (при условии наличия возможности выбора формы обучения). Распределение показателей самоуверенности в группе учащихся на дистанционной форме следующее: низкая самоуверенность выделена у 15% студентов, средняя — у 45% учащихся, а высокая — у 40%. При этом в группе студентов очной формы обучения низкий уровень самоуверенности показали 7% студентов, средний уровень — 31%, а высокий — 60% респондентов. Важным показателем выступило распределение данных относительно направленности личности. Ведущей ориентацией личности выступила ориентация на работу — для студентов характерна заинтересованность в решении деловых проблем, выполнение работы как можно лучше, ориентация на деловое сотрудничество.

Для расширения представлений о содержательной специфике психологической культуры студентов был проведен эксплораторный факторный анализ в целом по выборке методом выделения главных компонент на основе вращения Варимакс. Было выделено 7 факторов. Первый фактор составил элементы жизнестойкости личности (0,942) — вовлеченность (0,832), контроль (842), принятие риска (786), а также самоуважение (0,729). Иными словами, проявление жизнестойкости становится основой для возникновения уважения к себе. Этот фактор условно назван нами фактором «жизнестойкости».

Второй фактор определял близость признаков аутосимпатии (0,904), отношения других (0,697) и самообвинения (-0,872). То есть позитивная оценка себя определяется отношением других людей, а при низком проявлении аутосимпатии вызывает самообвинение. Этот фактор можно определить как «эмоциональная оценка себя».

В третий фактор объединились самоинтерес (0,756), самоуверенность (0,711) и психологическая дистанция в общении (-0,687). Уверенность в своих силах и интерес к себе проявляется при умении выстраивать теплые, близкие отношения с другими людьми. Определим этот фактор как «психологическая близость».

Четвертый фактор включил в себя шкалу игривости/практичности (0,663) и саморуководство (-0,674). Человек, полагающийся на себя, руководствуется в большей степени реалистичностью (не артистичностью) по сравнению с более сенситивной игривой личностью. Этот фактор описывает «манеру поведения субъекта».

В пятый фактор вошли показатели уровня потребности в общении (-0,673), волевой регуляции поведения (0,502) и направленности личности (-0,691). Иными словами, низкая выраженность коммуникативной потребности, сопряженная с направленностью личности на себя, требует от субъекта большей саморегуляции. Это фактор «самоконтроля».

Шестой фактор составил описание характеристик «эмоциональной сферы личности»: шкала экстраверсии/интроверсии (0,660), шкала эмоциональности/сдержанности (0,471) и ожидаемое отношение от других (0,557). Субъект выстраивает отношение к себе исходя из доминирующей тенденции направленности на других при важности оценки со стороны партнеров по общению. Замкнутый человек проявляет эмоциональную сдержанность по отношению к другим, не опираясь на их оценки.

Отдельным, седьмым фактором, стал признак «самопринятия» (-0,817).

Обсуждение

Результаты сравнения выявленных корреляционных связей показали в основном сходство тенденций связей признаков для студентов разных форм обучения. Но статистический анализ корреляций по выборке и значимости различий выраженности признаков между группами респондентов подтвердил и дополнил результаты того, что выделенные признаки потребности в общении и уровня

самоуверенности дифференцируют группы студентов в зависимости от выбранной формы обучения.

Можно говорить о сходстве индивидуально-личностных компонентов психологической культуры студентов, осваивающих профессию, связанную с информационными технологиями. При этом для студентов очной формы обучения потребность в общении положительно связана с самоконтролем и отрицательно — с жизнестойкостью. Результаты указывают на необходимость усиления контроля над собой и проявления способности личности выдерживать стрессовые ситуации без снижения успешности деятельности. Вероятно, дистанционная форма обучения позволяет создать более спокойную среду для освоения содержания учебных программ. А у студентов дистанционной формы уровень потребности в общении отрицательно связан с показателем психологической дистанции. Студенты дистанционной формы могут сохранять большую психологическую дистанцию, так как способ организации взаимодействия не предполагает непосредственного контакта с преподавателем и однокурсниками.

Для студентов очной формы обучения направленность личности на себя, на дело или на отношения значимо не связана с другими показателями, в то время как для студентов, выбравших дистанционную форму, ориентация на себя ведет к самообвинению. В обеих группах доминирующим показателем направленности личности стала направленность на дело, описывающая содержание учебной деятельности и ее нацеленность на получение квалификации, профессиональных компетенций.

Сопоставление содержания и веса входящих в факторы переменных по результатам факторного анализа продемонстрировало, что первый фактор включал в себя сходные параметры для групп студентов обеих форм обучения. Но выделены различия по выраженности входящих в этот фактор переменных. Так, для студентов, выбравших очную форму, выше влияние признака вовлеченности, но меньше сила переменной контроля. Иными словами, обучение в очном формате направлено на обеспечение большей личной включенности в процесс педагогического личного общения преподавателя и студента при возможной меньшей силе личного контроля усвоения знаний. Форма организации дистанционного обучения предполагает меньшую личную вовлеченность в личное общение с преподавателем, но усиливает самоконтроль студента за процессом обучения. Интересно, что в первый фактор вошел параметр самоуважения для

студентов дистанционной формы обучения, а у студентов очной формы этот признак отсутствует. То есть, результат образовательных усилий при электронном, достаточно индивидуализированном обучении влияет на уважение к себе как компоненте самооотношения студента. При этом элемент самопонимания играет большую роль в первом факторе у студентов очной формы. Это можно объяснить тем, что выбор учебного заведения и программы подготовки в очной форме, вероятно, требует большей ответственности, субъективной значимости, определяя распорядок жизни на достаточно длительный период времени. Обучение в дистанционном формате позволяет сочетать учебное время с другими формами деятельности.

Перечень компонентов второго фактора у двух групп респондентов оказался различным. Для студентов дистанционной формы обучения в большей степени характерны психологические показатели их личностной зрелости, связанной с высокой уверенностью в себе и высоким интересом к своей личности, что позволяет им выбрать более самостоятельный способ усвоения содержания учебных предметов. В то же время выделено, что благосклонное отношение к себе у студентов очной формы позволяет им предпочитать личное непосредственное общение в аудитории с преподавателем и однокурсниками при высокой значимости отношения других.

Интересно, что фактор, объединяющий признаки аутосимпатии, отношения других и самообвинения вышел на третье место, а у группы очной формы он поставлен на второе место. Следовательно, для «дистантников» эти параметры менее значимы по сравнению со студентами очной формы. Для студентов дистанционной формы личностный параметр экстраверсии/интроверсии оказался более значим по сравнению со студентами очной формы, у которых этот признак имеет низкое значение, входя в шестой фактор.

Получен важный результат: переменная самопринятия у студентов обеих форм обучения образуют фактор при различном проявлении корреляции — отрицательной у студентов дистанционной формы обучения и положительной — у студентов очной формы обучения. Другими словами, студенты, предпочитающие дистанционную форму обучения, характеризуются непринятием себя, что может свидетельствовать о трудностях налаживания межличностных непосредственных контактов. А такая форма обучения, которая опосредована информационными системами, помогает им снижать необходимость личных контактов. Для студентов очной формы обучения, наоборот, принятие себя способствует желанию

осуществлять непосредственное общение с преподавателями и другими студентами. Неслучайно, что способ реализации потребности в общении при выборе дистанционной формы более значим, чем для студентов-очников.

Сниженная волевая регуляция поведения («контролирование/естественность») у студентов дистанционной формы свидетельствует о том, что удаленный доступ к материалу может снизить требования методичности и настойчивости при освоении учебной программы. Самоконтроль в процессе обучения у студентов очной формы обучения указывает на высокую саморегуляцию, что позволяет успешно обучаться в данном формате.

Заключение

Показано, что для студентов, которые выбирают очную форму обучения в области информационных технологий, высока важность личного непосредственного общения как с преподавателем, так и с другими студентами. У студентов, предпочитающих дистанционный формат образования, уровень потребности в общении ниже. У студентов очной формы высокий показатель потребности в оценке себя со стороны других (однокурсников, преподавателей), тогда как студенты дистанционной формы обучения предпочитают избегать оценивания себя другими людьми.

Студенты очной формы обучения демонстрируют более выраженное самопонимание, предполагающее повышение роли самостоятельности и принятия ответственности за свою образовательную траекторию. А у студентов дистанционной формы обнаружена тенденция к переносу ответственности за учебный успех на организаторов образовательного процесса.

Параметр самопринятия у студентов очной формы обучения имеет высокую степень выраженности, а для студентов дистанционной формы значимо выше параметр непринятия себя. Низкий показатель самооценки влечет за собой избегание возможностей быть оцененными со стороны других, выстраивать и поддерживать межличностное взаимодействие. Происходит выбор дистанционного формата, позволяющего снизить возможность прямого личного общения. Более низкая саморегуляция и большая психологическая дистанция в общении у студентов дистанционной формы связана с низкими показателями самопринятия.

Несомненно, в условиях цифровизации образования, полученные результаты следует учитывать при построении учебных

программ и методик обучения для усиления обратной связи в системе дистанционного образования. Важно выстраивать различные формы педагогического общения преподавателя в дистанционном формате, отличного от очной формы не только по используемым информационным технологиям, но и по индивидуализации подхода к психологическим особенностям студентов, выбирающих обучение, опосредованное информационными системами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баданова Н.М., Пурыничева Г.М. Осмысление феномена информационной культуры. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-informatsionnoy-kultury/viewer> (дата обращения: 5.04.2020).

Балашова Ю.В. Когнитивные и личностные особенности студентов очного и дистанционного обучения: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2011.

Башарина О.В., Годлевская Е.В. Медиакультура человека: сущность, компонентный состав, функции и уровни формирования // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2018. № 2. С. 34–41.

Глуханюк Н.С. Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. 216 с.

Григорьева И.В. Информационно-образовательное пространство вуза как фактор формирования медиакомпетентности будущего педагога: дисс. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2013.

Дементьева Е.В. Психологическая культура человека: современное состояние проблемы // Вестник Мордовского университета. 2011. № 2. С. 12–17.

Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.

Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007. 416 с.

Колмогорова Л.С. Становление психологической культуры школьника // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 83–91.

Коломинский Я.Л., Стрелкова О.В. Психологическая культура детства. Минск: Вышэйшая школа, 2013.

Кузьмина М.В. Формирование медиакультуры учащихся в процессе создания ими образовательных видеоматериалов: дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2014.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
Мотков О.И. Личность и психика: сущность, структура и развитие. Самара: Бахрах-М, 2008.

Обозов Н.Н. Психологическая культура отношений. СПб.: Питер, 1995.

Певзнер Н.Ю. Психологическая культура педагога и эффективность профессиональной деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2007.

Пузикова О.В. Психологическая культура как фактор самоактуализации личности: на примере личности учителя: дисс. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003.

Романов Е.В., Дроздова Т.В. Дистанционное обучение: необходимые и достаточные условия эффективной реализации // Современное образование. 2017. № 1. С. 172–195.

Сессаревская З.А. Сравнительный анализ психологической культуры личности работников, занятых в различных сферах профессиональной деятельности // Психология и Психотехника. 2018. № 1. С. 83–90.

Уддин М.А. Индивидуальные различия студентов, обучающихся по программе дистанционного образования (обзор зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 104–122.

Уддин М.А. Сравнительный анализ личностных и мотивационных особенностей студентов очного и дистанционного обучения (на примере студентов-психологов): дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2014.

Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. 23 с.

Чеботарева Н.И. Педагогические условия формирования медиакомпетентности студентов вуза: дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2013.

REFERENCES

Bacharina O.V., Godlevskaya E.V. (2018). Man's media culture: essence, components and formation levels. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt (Modern higher school: an innovative aspect)*, 2, 34–41. (in Russ.).

Badanova N.M., Purynycheva G.M. (2017). Understanding the phenomenon of information culture. (in Russ.).

Balashova Yu.V. (2011). *Kognitivnyye i lichnostnyye osobennosti studentov ochnogo i distantsionnogo obucheniya*. Diss. ... kand. psychol. nauk. (Cognitive and personality characteristics of full-time and distance learning students). Ph.D. (Psychology). Moscow. (in Russ.).

Chebotareva N.I. (2013). *Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya mediakompetentnosti studentov vuza*. Diss. ... kand. ped. nauk. (Pedagogical conditions for the formation of media competence of university students). Ph.D. (Psychology). Moscow. (in Russ.).

Dementieva E.V. (2011). The psychological culture of man: the current state of the problem, *Vestnik Mordovskogo universiteta (Bulletin of the Mordovian University)*, 2, 12–17. (in Russ.).

Gluhanyuk N.S. *Praktikum po psihodiagnostike: ucheb. posobie 2-e izd., pererub. i dop. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta*, 2005. 216 s. (in Russ.).

Grigor'yeva I.V. (2013). *Informatsionno-obrazovatel'noye prostranstvo vuza kak faktor formirovaniya mediakompetentnosti budushchego pedagoga* Diss. ... kand. ped. nauk. (The information and educational space of the university as a factor

in the formation of media competence of the future teacher). Ph.D. (Psychology). Irkutsk. (in Russ.).

Hromov A.B. Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. universiteta, 2000. 23 s. (in Russ.).

Il'in E.P. Psihologiya obshcheniya i mezhlichnostnyh otnoshenij. SPb.: Piter, 2009. 576 s. (in Russ.).

Karelin A. Bol'shaya enciklopediya psihologicheskikh testov. M.: Eksmo, 2007. 416 s. (in Russ.).

Kolmogorova L.S. (1999). The formation of the psychological culture of the student, *Voprosy psikhologii*. (Psychology Issues), 1, 83–91. (in Russ.).

Kolominsky Y.L., Strelkova O.V. (2013). The psychological culture of childhood. Minsk: Higher School. (in Russ.).

Kuz'mina M.V. (2014). Formirovaniye mediakul'tury uchashchikhsya v protsesse sozdaniya imi obrazovatel'nykh videomaterialov. Diss. ... kand. ped. nauk. (The formation of media culture of students in the process of creating educational video materials). Ph.D. (Psychology). Moscow. (in Russ.).

Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestojkosti. M.: Smysl, 2006. 63 s. (in Russ.).

Motkov O.I. (2008). Personality and psyche: essence, structure and development. Samara: Bahrah-M. (in Russ.).

Obozov N.N. (1995). The psychological culture of relationships. St. Petersburg: Peter. (in Russ.).

Pevzner N.Yu. (2007). Psikhologicheskaya kul'tura pedagoga i effektivnost' professional'noy deyatel'nosti. Diss. ... kand. psychol. nauk. (The psychological culture of the teacher and the effectiveness of professional activity). Ph.D. (Psychology). Moscow. (in Russ.).

Puzikova O.V. (2003). Psikhologicheskaya kul'tura kak faktor samorealizatsii lichnosti (na primere lichnosti uchitelya). Diss. ... kand. psychol. nauk. (Psychological culture as a factor in the self-realization of a person (on the example of a teacher's personality). Ph.D. (Psychology). Khabarovsk. (in Russ.).

Romanov Ye.V., Drozdova T.V. (2017). Distance learning: necessary and sufficient conditions for effective implementation. *Sovremennoye obrazovaniye* (Modern Education), 1, 172–198. (in Russ.).

Sessarevskaya Z.A. (2018). A comparative analysis of the psychological culture of the personality of workers employed in various fields of professional activity, *Psihologiya i Psikhotekhnika* (Psychology and Psychotechnics), 1, 83–90. (in Russ.).

Uddin Md.A. (2013). Individual differences of students studying in distance (a foreign literature review). *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiiia* (Journal of Modern Foreign Psychology), 3, 104–121. (In Russ.).

Uddin Md.A. (2014). Sravnitel'nyy analiz lichnostnykh i motivatsionnykh osobennostey studentov ochnogo i distantsionnogo obucheniya: na primere studentov-psikhologov. Diss. ... kand. psychol. nauk. (Comparative analysis of personal and motivational characteristics of full-time and distance learning students: the example of psychology students). Ph.D. (Psychology). Moscow. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гасимов Антон Фаритович — старший преподаватель, начальник курса факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: Gasimov.anton@gmail.com.

Володарская Елена Александровна — доктор психологических наук, доцент, Ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН), Москва, Россия. E-mail: eavolod@gmail.com.

ABOUT AUTHORS

Anton F. Gasimov — senior lecturer, head of the course of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: Gasimov.anton@gmail.com;

Elena A. Volodarskaya — doctor of Psychology, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of the History of Natural Science and Technology named after Vavilov RAS (IIET RAS), Moscow, Russia. E-mail: eavolod@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.99
doi: 10.11621/vsp.2020.04.05

ФЕНОМЕН «КОМПЕТЕНЦИИ»: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

В.А. Толочек

Институт психологии РАН, Москва, Россия.
Для контактов. E-mail: tolochekva@mail.ru

Актуальность. Исторически складывающиеся научные традиции, подходы, концепции (в том числе, названные «компетентностным подходом» — К-подходом) формируются в определенных социальных условиях для решения определенных социальных задач; за их пределами они обнаруживают свои ограничения. Выявление возможностей и ограничений К-подхода способствует как его развитию, так и уточнению условий, при которых его реализация будет более конструктивной и эффективной.

Методы: историко-теоретический анализ.

Результаты: Выделяются «открытые вопросы» проблемы: несогласованности суждений специалистов в перечислении качеств, определяющих успешность субъекта; количества компетенций, «необходимых и достаточных»; нереализации целостного, комплексного подхода; места компетенций в структуре профессионализма, их роли в успешности карьеры, профессиональном долголетии людей; об «универсальных» / «специфических компетенциях»; о месте феномена «компетенции» и К-подхода в системе психологического знания; о валидности методик и мере прогностичности оценок.

Выводы: Предлагаемые специалистами трактовки компетенций и К-подхода являются неудовлетворительными, слабо согласованными между собой. К-подход и хронологически ранее сложившийся подход профессионально важных качеств (ПВК-подход) есть исторически преходящие научные концепции (соотносимые с масштабом «малых теорий»). Оба подхода имеют как свои ограничения, так и возможности развития и интеграции с другими. ПВК-подход характеризуется изначальной предельно широкой постановкой задач, К-подход — прагматизмом исходных целей

и задач, эмпиризмом в оценке качеств субъекта. Можно и нужно искать и находить области их *взаимного дополнения* с учетом их предельных целей и условий становления. Игнорирование достоинств и ограничений любого научного подхода — не лучшее решение; востребован переход к открытому обсуждению всех сложных вопросов.

Ключевые слова: компетентностный подход, К-подход, подход профессионально важных качеств, ПВК-подход, концепции, достоинства, ограничения, возможности

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № 0159-2018-0001 «Психологические проблемы проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

Для цитирования: Толочек В.А. Феномен «Компетенции»: Открытые вопросы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 84–109. doi: 10.11621/vsp.2020.04.05

Поступила в редакцию: 09.04.2020 / Принята к публикации: 01.06.2020

THE COMPETENCE PHENOMENON: OPEN QUESTIONS

Vladimir A. Tolochek

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Corresponding author. E-mail: tolochekva@mail.ru

Relevance. Historically formed scientific traditions, approaches, concepts (including those called the “competency-based approach” — the K-approach) are formed in certain social conditions to solve certain social problems, beyond them they discover their limitations. Identification of the possibilities and limitations of the K-approach contributes to both its development and the refinement of the conditions under which its implementation will be more constructive and effective.

Methods: historical and theoretical analysis.

Results. “Open questions” of the problem are highlighted: inconsistencies in the judgments of specialists in listing the qualities that determine the success of the subject; the number of competencies “necessary and sufficient”; non-realization of holistic, integrated approach; the place of competencies in the structure

of professionalism, their role in career success and professional longevity of people; the issue of “universal” / “specific competencies”; the question about the place of the phenomenon of “competence” and the K-approach in the system of psychological knowledge; the question about the validity of the methods and the measure of the predictive value of the estimates.

Conclusions. The interpretation of competencies and the K-approach proposed by specialists are unsatisfactory and poorly coordinated with each other. The K-approach and the established earlier approach of professionally important qualities (PVC-approach) are historically transient scientific concepts (falling into the scale of “small theories”). Both approaches have their own limitations as well as opportunities for development and integration with others. The PVC approach is characterized by an initial extremely broad statement of tasks; the K-approach — by the pragmatism of the original goals and objectives, empiricism in assessing the qualities of the subject. It is possible and necessary to search and find areas of their mutual complementarity, taking into account their ultimate goals and conditions of formation. Ignoring the merits and limitations of any scientific approach is not the best solution. The transition to an open discussion of all complex issues is in demand.

Keywords: competency-based approach, K-approach, professionally important qualities approach, PVC-approach, concepts, advantages, limitations, opportunities.

Acknowledgements: This research was carried out within the framework of State Task of Russian Federation Ministry of Science and Higher Education, Task: Project №0159-2018-0001 “Psychological problems of professional mentality in the conditions of organizational and technological innovations”.

For citation: Tolochek, V.A. (2020) The Competence Phenomenon: Open questions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 84–109. doi: 10.11621/vsp.2020.04.05

Received: April 09, 2020 / Accepted: June 01, 2020

Введение

Обращение к понятию «компетенции» как симптомокомплексу знания, умения, возможности решать социальные задачи можно найти у Р. Уайта (White, 1959), у Н. Хомски (Chomsky, 1957); устойчиво понятие входит в актив психологов после работы Д. Макклеланда (McClelland, 1973), активно поддержанной Р. Байяцисом (Boyatzis, 1982). За минувшие полстолетия оперирования понятием

«компетенции», задачи и условия реализация «компетентностного подхода» (*К-подхода*) не только широко утвердилось в зарубежной психологии, но и стали предметом «научного экспорта».

С начала 2000-х годов в отечественной психологии понятие «компетенции» в научной и учебно-методической литературе де-факто вытесняет более привычное для нас понятие «ПВК». Новые тенденции освоения (точнее — присвоения) нового можно было бы считать позитивными, при условии их «нормальной интеграции» в ранее сложившуюся дисциплинарную понятийную систему, при условии их методологической рефлексии. И если в зарубежной психологии ряд аспектов *К-подхода* критически обсуждается уже с начала 1990-х годов, то в России эта стадия дисциплинарной зрелости еще не заявила о себе. Широкое использование и отечественными специалистами понятия в научной литературе (Зеер, 2005; Митина, 2004; Шадриков, 2013; др.), в методической (Базаров и др., 2014; Хуторский, 2005; др.), в государственных документах (Методический..., 2017; Справочник..., 2017; др.) требует внимания как к истории становления нового подхода, к содержанию новых понятий, так и содержанию «социального заказа» — тех задач, на решение которых и был ориентирован этот подход. Не отрицая ни эвристической значимости подхода, постулированного Д. Макклеландом, ни научной, ни практической значимости понятия «компетенции», продолжим линию критического анализа феномена (Толочек, 2019), обозначенным понятием «компетенции», рассмотрения его места в системе отечественного активного дисциплинарного тезауруса, сами возможности и ограничения подхода (*К-подхода*).

Цель исследования: Выявление особенностей, достоинств и ограничений компетентностного подхода в практике решения социальных задач. *Гипотезы*: 1. Исторически складывающиеся научные традиции, подходы, концепции¹ (в частности, названные «компетентностным подходом») формируются в определенных социальных условиях для решения определенных социальных задач; за их

---

¹ *Примечание*. В первом приближении кратко отметим не тождество ряда понятий: Научные традиции ≠ подходы ≠ концепции ≠ теории (по логическому объему можно считать, что каждое предшествующее понятие ряда шире последующего: традиции > подходы > концепции > теории). Ввиду исторического нарастания разнообразия версий и критического переосмысления, К-подход должно признать не теорией, а совокупностью научных концепций, объединенных общностью задач, формирующихся в русле определенных научных традиций.

пределами они могут обнаруживать свои ограничения. 2. Выявление возможностей и ограничений «компетентностного подхода» способствует как его развитию, так и уточнению условий, при которых его реализация будет более конструктивной и эффективной. *Методы:* историко-теоретический анализ.

1. «Компетенции» и «компетентностный подход»: декларации и открытые вопросы

Программой для становления *компетентностного подхода* в психологии стала статья Д.Р. Макклелланда (McClelland, 1973), в которой он критически рассмотрел сложившуюся практику использования тестов (интеллекта, практических, др.). Постулируемый им новый подход к решению задач определения возможностей работника предполагал: 1. Первоначальное выделение критериальных выборок (т.е., выявление и изучение особенностей именно «лучших» работников, а не всех — не «средних», «плохих»). 2. Изучение «оперантных мыслей и поведения» (то есть изучение личностных особенностей, определяющих конструктивное поведение людей в конкретных рабочих группах и влияющих на успешность выполнения конкретных индивидуальных заданий). Статья Д.Р. Макклелланда была поддержана и оценена как «новый взгляд» в понимание подходов и методов оценки качеств субъекта деятельности, как начало движения «компетенций» в психологии. Немного позже Р. Бояцис вводит в научный оборот понятие «компетентность» как способность человека к поведению, которое «удовлетворяет требованиям работы в определенной организационной среде» (Boyatzis, 1982). Если под «компетенциями» подразумевались отдельные особенности человека, подлежащие корректному измерению, то под «компетентностью» — общая способность, общая состоятельность человека как работника, как члена данной рабочей группы, данной организации. Соотношение понятий «компетенция» и «компетентность» как «часть» и «целое» разделяют и многие отечественные ученые (Митина, 2004; Шадриков, 2013; др.). К-подход успешно реализовался в отношении представителей массовых профессий (в том числе менеджеров — руководителей низового и среднего звена управления). Т.В.: да, это профессиональный термин, используемый и психологами. На протяжении полувека сохраняется ожидание неограниченных возможностей К-подхода как в решении задач оценки людей, так и среды их деятельности. Однако можно видеть, что,

например, результаты и выводы некоторых отечественных ученых (Минина, 2004; Шадриков, 2013; др.) заметно отличаются от «базовых перечней» «компетенций», предложенных Д. Макклеландом и другими зарубежными коллегами — в отношении содержания, количества качеств, сопряженных с эффективностью деятельности субъекта, самой трактовки концепции. В этой связи возникает несколько вопросов.

Первый — о согласованности суждений специалистов в перечислении качеств, определяющих успешность субъекта. Так, Л.М. Митина (2004) выделяет 6–7 компетенций учителя, В.Д. Шадриков (2013) — 11; Е.В. Мартиросова (2014) у служащих одних подразделений органов МВД выделяет 10, у других — 11 компетенций; Е.Б. Башкин (2010) выделяет 19 компетенций менеджера, А.С. Машкова (2011) — 29, Дж. Равен (2002) — 37 и т.д. Иначе, мера интеграции качеств, называемых «компетенциями» заметно различается в интерпретации разных специалистов (что порождает новые вопросы об их содержании; о несклонности специалистов согласовывать свои «видения» предмета и др.).

Второй — о количестве качеств, «необходимых и достаточных» для объяснения феномена. С одной стороны, качества, выделенные в независимых исследованиях, отличаются понятийным разнообразием, с другой — содержательно они нередко повторяются по их существенным характеристикам. С одной стороны, в литературных источниках нередко представлен широкий диапазон перечней компетенций, с другой — часто важные качества выделяются в пределах двух-трех десятков. Уточним, что вопрос количества — лишь «вершина айсберга», он есть отражение нерешенности вопроса содержания компетенций. Если стоит задача предельно полно описать целостность феномена, исследователи стремятся выделить достаточное число его элементов; расхождение в числах есть прямое указание на различие их содержания. Таким образом, за различием в количестве выделяемых компетенций стоят более серьезные вопросы об общности, целостности, завершенности этих образований (говорят, «дьявол скрыт в деталях»).

Третий — о реализации целостного, комплексного подхода (как представлений о множестве разнородных качеств, мотивирующих и регулирующих деятельность людей). Один из аспектов этого вопроса — сочетание «позитивных» и «негативных» личностных качеств субъекта. Если в работах зарубежных специалистов учитываются

и те и другие качества (чрезмерная властность, педантизм, подозрительность, амбициозность и пр.), то в работах отечественных ученых этот взгляд утверждается с трудом; мы находим лишь единичные примеры обсуждения роли «негативных» качеств, сопряженных с эффективной деятельностью субъекта (Карпов, 1999; Капцов, 2018). Другой — о возможности комплексных исследований в современной психологии, крайне скептически оцениваемой методологами (Журавлев, 2007; Мазилев, 2017; др.). Третий — о возможности формализации всего, что влияет на эффективность деятельности профессионала — эффектов полифонии вербальной и невербальной коммуникации, неформализуемого знания и др. (Морозов, 2011; Полани, 1982).

Четвертый — о месте компетенций в структуре профессионализма, их роли в успешности карьеры, профессиональном долголетии людей. Научные исследования этих аспектов проблемы чаще разрознены, развиваются в русле решения разных задач. Но именно в контексте целого — *профессионального становления субъекта*, его профессиональной карьеры, полноты и полноценности его самореализации в разных сферах жизнедеятельности, его профессионального здоровья и профессионального долголетия, — и следовало бы обсуждать роль компетенций как «элементов» названных выше феноменов, как органично связанных с процессами эволюции субъекта. Сравнительно немногие наши коллеги находят новые пути конструктивной и последовательной разработки проблематики ПВК (Пряжников, Пряжникова, 2005; Почебут, Чикер, 2002; Рубцова, 2014; Симонова, 2011; Толочек, Краюшенко, 1998; др.).

Пятый — о правомерности постановки задачи и предлагаемых вариантов ее решения (об «универсальных» / «специфических компетенциях», о качествах, объясняющих эффективность деятельности субъекта и его профессиональную успешность). С одной стороны, целью ученых и практиков выступает поиск некоторого «инварианта» — «универсальных» компетенций (набора качеств, равно важных для всех руководителей, менеджеров, специалистов), с другой — всегда обследуются ограниченные выборки (по числу обследованных, по их профессиональным функциям, должностным позициям и пр.), что не дает оснований для широких экстраполяций полученных результатов. С одной стороны, К-подход утверждался

именно как централизованный на изучении конкретных условий труда конкретного человека и столь же конкретных качеств, позволяющих успешно и рационально решать частные задачи, с другой — в процессах развития все более проявляется экспансия К-подхода — «притязания» на решение более широкого круга задач (Boreham, 2004; Lum, 1999; Pearn, Kandola, 1992; Sultana, 2009; др.).

Шестой — о месте феномена «компетенции» и К-подхода в системе психологического знания. Если за рубежом регулярно выходят в свет аналитические обзоры, призывающие к критическому анализу феномена и переосмыслению самой проблемы (Barnett, 1994; Deist, Winterton, 2005; Hyland, 1997; Mulder, 2007; Weinert, 2001; Woodruffe, 1991), то в работах российских специалистов все еще доминируют позитивные констатации и безграничные упования на «всеомощность» К-подхода.

Седьмой — о валидности методик и, соответственно, мере прогностичности оценок. Ввиду того, что К-подход как бы «центрирован» на оценку эффективности работы человека на конкретном месте в данное время, с учетом заданных рабочих функций, представляются неправомерными постановки темы «универсальности» и широкой экстраполяции результатов частных исследований. Если задачи поиска сводятся к изучению и описанию «специфических компетенций», едва все они могут выявляться *стандартными* методиками, экспресс-опросниками. Почти все стадии выявления и экспертизы компетенций возложены на экспертов, мера профессионализма которых де-факто не всегда учитывается (признаем, вопрос об «истине» не решается голосованием).

Таким образом, актуальными и открытыми были и остаются вопросы о количестве и содержании качеств людей, влияющих на эффективность их деятельности; о соотносимости и соразмерности качеств субъектов, исполняющих разные трудовые функции, работающих в организациях, с разными культурами; о качествах человека, способствующих его карьере и полноценной самореализации в масштабе трудовой жизни. Одним из центральных путей продвижения к решению множества взаимосвязанных задач нам представляется поиск ответов на вопросы *числа и содержания качеств как «необходимых и достаточных», определяющих социальную успешность человека* (а не только лишь эффективность его деятельности «здесь и теперь»).

2. «Компетентностный подход» как концепция: возможности и ограничения

Принципиально важно, что в К-подходе изначально ставились задачи изучения сложных видов труда с последующим использованием полученного опыта для оценки разных работ (т.е., реализовался «взгляд сверху вниз»). Уже на первых стадиях разработки К-подход был ориентирован на анализ деятельности профессионалов высокого класса, в т.ч. — и на менеджеров (т.е., специалистов, руководителей низового, среднего и высшего звена, т.е., на профессии типа «человек-человек», по Е.А. Климову). Но вопросы совместной деятельности людей, их совместимости, согласованности их компетенций, эффекты блокирования, подавления и синергии их компетенций все еще не стали ключевыми темами научных поисков. Более глубокий аспект разработки этой темы — эффекты самоорганизации людей и профессиональных групп (Толочек, 2011, 2019б; др.), так же пока остается на периферии научных поисков. На втором плане все еще остается и вопросы эволюция компетенций: мера развития, темы развития, временные границы, «стойкие психологические константы» (по Е.А. Климову), препятствующие развитию отдельных компетенций, возможности их компенсации развитием других, в целом — возможности формирования разных индивидуальных стилей деятельности, — сравнительно редко становятся задачами обсуждаемого научного подхода (Barnett, 1994; Boreham, 2004; Hyland, 1997; Lum, 1999; Sparrow, Bognanno, 1993).

К потенциальным ограничениям К-подхода мы относим переориентацию научного изучения проблемы на анализ суждений экспертов-практиков, что «заземляет» понимание проблемы; использование десятков переменных (называемых экспертами) практически блокирует задачи изучения становления новых системных качеств, их развития и структур. К функциональным ограничениям К-подхода отнесем и ограниченность интервала оценок уровня развития качеств субъекта. Как правило, выделяемые уровни ответственности обозначают так: 1. Недостаточный. 2. Средний. 3. Высокий. 4. Экспертный. 5. Наставник. Т.е., субъекты с 1-м уровнем отсекаются, с 5-м должны заниматься иной деятельностью. В плане экономии ресурсов это рационально, в аспекте развития людей — не очевидно. Прогностичность методов в прикладных исследованиях чаще рассматривается в короткой временной перспективе (прием на работу, назначения на новую должность, аттестация); т.е., все

процедуры также ориентированы на конкретные условия работы «здесь и теперь», на оценку успешности работы человека за короткий период времени; научные исследования соотношений актуальной и перспективной прогностичности экспертных оценок компетенций работников нам не известны.

Обобщая, выделим основные доминанты, определяющие особенности К-подхода. В стадии становления он был центрирован на решение задач получения дифференцированной оценки: 1) подготовленности человека к выполнению определенного спектра функций на конкретном рабочем месте; 2) адекватности поведения в организационной среде; 3) успешности взаимодействия с партнерами; 4) адекватности изменения поведения и деятельности при изменении внешних условий; 5) интеграции способностей, знаний, умений, навыков, опыта для решения определенных задач; 6) экологии деятельности (оптимальности затраты всех видов ресурсов для производства единицы продукции — см. обзор: Толочек, 2019). В последующем, уже на рубеже 1990-х годов, стали проявляться варианты исторического «ветвления» проблематики, обсуждаемой в русле К-подхода, его переходы в «пограничные» области, ранее осваиваемые в русле ПВК-подхода (профорентация, сопряженность предподготовки в учебном заведении и непосредственной профессиональной подготовки, стадии эволюции компетенций, выявление общих, универсальных и специфических качеств и др.). Здесь мы видим факты *выхода К-подхода за границы* первоначальных задач и критериев их решения. Прямые методологические принципы «нового взгляда» Д. Макклеландом прямо не декларировались, но заявленная критика практики отбора и оценки персонала, уточнение им актуальных и перспективных задач достаточно внятно обозначают научную традицию, в которой подход зарождался. Следовательно, можно выделять как контуры ограничений, так и эволюции подхода, варианты его дальнейшего обобщения и развития.

Вместе с тем, «родовые травмы» базовой научной традиции, содержание «социального заказа», прагматичная ориентация устойчиво проявляются в понимании феномена специалистами. Если квинтэссенцией научной концепции признать авторские определения рабочих понятий, можно видеть, что доминирует один тип — описание феномена посредством указания на ряд его проявлений, на его вероятные компоненты. Подобные отражения, «схватывания» особенностей проявления (про-явления) феномена должно признать

лишь первыми этапами в его научной экспликации, за которыми должны последовать описания и объяснения его структуры и подструктур (виду разнокомпонентного состава), стадии эволюции, диапазоны возможного развития его отдельных составляющих, варианты и мера совместимости разных компетенций как в деятельности одного субъекта, так и взаимодействующих партнеров и т.д.). Но за почти полувековую историю становления К-подхода его экспликации почти не «сдвинулись» с первых стадий. Если отдельные вопросы уже около 30 лет поднимаются отдельными учеными, то методисты и практики в своем большинстве по-прежнему лишены сомнений в возможностях подхода.

О реальных возможностях К-подхода можно судить и по типичным определениям «компетенций». В перечнях их «опорных элементов» заявляются множества разнородных составляющих (интеллектуальные и личностные особенности, индивидуальные, знания и накопленный опыт и пр., и пр.); определения «компетенций» представлены перечнями компилируемых «элементов», заявлениями, что они входят в состав компетенций. В массиве разных определений можно различать «привязку» компетенций, прежде всего, к личностным особенностям работника (Мартиросова, 2011; Уиддет, Холлифорд, 2003; Шадриков, 2013; др.), к его знаниям, умениям (Mirabile, 1997; Parry, 1996; др.), опыту, умению понимать и управлять условиями деятельности (Спенсер, Спенсер, 2005; Keen, 1992; др.), модели поведения и согласованности индивидуальной деятельности с командными актами, с организационной средой (Баллантайн, Пова, 2005; Уидетт, Холлифорд, 2003; Boyatzis, 1982; Boreham, 2004; Derous, 2000; McClelland, 1973; Woodruffe, 1992), нередко — как комплекс качеств без выраженной доминанты (Башкин, 2011; Бойденко, 2002; Митина, 2004; др.).

Итак, *типы определений компетенций* специалистами как научных понятий обычно сводятся к перечням их «опорных элементов», к прямо признаваемым *множествам разнородных составляющих*; при этом отсутствуют указания на структуру феномена, вариантов и возможностей его изменения, эволюции, его интеграции с другими. Согласно формальной логике, *типичные определения компетенций* выступают как *общие, положительные, собирательные, не регистрирующие, безотносительные*; они *включают и конкретные, и абстрактные элементы*. Следовательно, ни число компетенций, ни их состав не выступают завершенными множествами, целостными объединениями, один элемент которых предполагает наличие дру-

гого. Другими словами, расширять списки компетенций, раскрывать их состав можно бесконечно; эти процедуры ничем не ограничены и легко скатываются в «дурную бесконечность» (по Гегелю).

3. Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности интеграции

Вопросы качеств хорошего работника ставились уже Фр. Тейлором в конце XIX ст.; условия их инструментальной оценки широко изучались с 1920-х годов Фр. Джилбреттом, О. Липманом, Г. Мюнстербергом и др., в России — С.Г. Геллерштейном, И.Н. Шпильрейном, Э.В. Эвергетовым др. В России качества работника, служащего, влияющие на эффективность его трудовой (профессиональной) деятельности чаще определялись как личностные и профессиональные качества (как «*профессионально значимые качества*» до 1960–1970 годов; с начала 1980-х утвердилось понятие «*профессионально важные качества*» — ПВК). Дискуссии об их содержании, возможности развития и компенсации, их числе и операциональных структурах продолжались до начала 1990-х годов (см. обзор: Толочек, 2019, 2020), которые остудил развал государства и 10-летний кризис дисциплины, сопровождавшийся сокращением исследовательских и прикладных работ.

Выделим *исторические аспекты* становления двух подходов. Становление *ПВК-подхода* проходило в первой четверти XX ст.: В. Штерн ввел понятие психограмма; О. Липман — профессионально важные качества (ПВК); профессиографический подход развивался психотехниками, в том числе и отечественными учеными. Под ПВК понимались качества, должное развитие которых определяло эффективность работы человека; в русле *профессиографического* подхода ПВК рассматривались как составляющие психограммы (как своеобразное симметричное отражение требований профессии) (см. обзор: Толочек, 2020). Единицей анализа здесь выступает «*профессия*» (как некоторое целостное, устойчивое образование); объектом — массовые профессии, в отношении изучения которых реализовался «взгляд снизу вверх».

Очевидно, что в исторически последующем К-подходе обобщался как положительный, так и неуспешный опыт использования возможностей психологии в решении прикладных задач; важно и то, что К-подход специалисты связывают с программной статьей авторитетного ученого (что в последующем ограничивало диапазон трактовок содержания подхода и отдельных компетенций).

Становление *К-подхода* проходило в последней четверти XX ст. «Единицей» анализа здесь выступают уже не профессии, дробящиеся на множества специальностей, а именно совокупность условий и требований работы человека на конкретном рабочем месте. Этот фрагмент социальной действительности мы называем «*рабочее место*», выступающее компонентом «*специальности*», в свою очередь, входящей в состав определенной «*профессии*» (Толочек, 2020). И здесь имеет место не только лишь детализация оценки возможностей того или иного работника «здесь и теперь», но вместе с тем и отсечение задач, естественно возникающих в большем масштабе (профессиональная ориентация и выбор профессии, среднее и высшее профессиональное образование, становление субъекта, его эволюция биологическая и профессиональная, профессиональные деструкции и др.). Актуализируя множество сопряженных условий (экология времени, средств и сил на выработку единицы продукции, соотношение единиц продукции и оплаты труда и др.) в логике развития *К-подхода* тем самым надолго элиминируется множество «эффемерных» явлений (личностное развитие, профессиональное здоровье и долголетие и т.п.), поскольку они прямо не сказываются на производительности труда субъекта «здесь и теперь»; «там и тогда» — уже вне «компетенции» компетентностного подхода. Другими словами, сопоставляя *К-подход* и *ПВК-подход*, мы видим два разных масштаба «видения» задач дисциплины, описание двух разных фрагментов социальной действительности, двух *объектов*, свойства которых рассматриваются и эксплицируются как *предмет* исследования. Но соотносение двух подходов все еще не воспринимается как отдельная и актуальная научная проблема.

Социально-психологический аспект проблемы: понятие «*компетенции*» и первые версии *К-подхода* были импортированы в Россию в 1990-х годах, когда почти все зарубежные образцы культуры воспринимались нами не всегда адекватно, как и не всеми адекватно воспринимались и особенности нашей культуры и наши научные достижения; и «компетенции», и *К-подход* изначально обрели своего рода «иммунитет непогрешимости» (безупречности, совершенства). Косвенным подтверждением этого эффекта можно считать то, что даже авторитетные российские ученые, в продолжение 10–20 лет разрабатывающие вопросы ПВК, быстро, легко и безвозвратно перешли к оперированию новым понятием, отказавшись от понятия ПВК, уже освоенного и интегрированного в дисциплинарный тезаурус (Зеер, 2005; Зимняя, 2006; Митина, 1994, 2004; Шадриков, 1982, 2017; др.).

Обращение к методологической рефлексии после почти трех десятилетий оперирования новым понятием было бы логичной фазой эволюции подхода, способствующего развитию частных концепций.

Парадигмальный аспект. Как уже отмечено, широкое использование отечественными специалистами понятия в научных и прикладных работах, в государственных документах требует внимания к истории становления К-подхода, содержанию новых понятий и их актуализировавшего «социального заказа» — тех задач, на решение которых и был ориентирован этот К-подход («заточен», употребляя современный сленг, который в данном случае многое объясняет: «заточен» — значит, специфицирован, «подогнан» к решению «узких» задач). Примечательно, что отсутствие методологической рефлексии нередко замещается, «компенсируется» привлечением экспертов, компетентность которых не всегда очевидна (Базаров, 2014; Шадриков, 2013; др.); нередко вопрос о количестве и содержании компетенций решается «голосованием» экспертов. В то же время, не исчерпаны эвристические возможности ПВК-подхода. Некоторые исследователи находят пути его конструктивного развития (Почебут, Чикер, 2002; Пряжников, Пряжникова, 2005; Рубцова, 2012а, 2012б; Симонова, 2014; Толочек, Краюшенко, 1998; др.), расширяя тем самым «горизонт видения» проблемы изучения и определения качеств людей как субъектов. Еще один важный аспект: как ПВК-подход, так и исторически следующий за ним К-подход зародились, развивались и корректировались в русле номотетического подхода в психологии (как научной традиции, как базовой парадигмы). Возможно, оба подхода в их эвристических возможностях подошли к своему «пределу»; дальнейшая их эволюция видится в привлечении идеографических методов.

Размышляя о возможностях и перспективах двух подходов, сразу отметим, что есть и другие линии развития — переориентация, включение в решение более широких социальных задач. Одна из них — развитие дисциплины, прогнозирование ее перспективных задач, условий их решения. Вторая — развитие человека (ввиду возрастающей продолжительности жизни, смещения пенсионного возраста, удлинения стадий ученичества, мультивариативности ситуаций организации труда и др.). Третья — оперативная подготовка специалистов (ввиду ставшей нормой многократного изменения людьми места работы, организации, профессии; расширяющейся миграции населения). Четвертая — рефлексия проблемы занятости населения (ввиду роста производительности труда и сокращения

числа в нем занятых людей, регулирования потоков трудоспособного населения в регионы, где востребованы специалисты определенного плана).

Показательны в плане эволюции двух подходов сами формы проявления несогласия специалистов с представлениями своих коллег. Если в русле К-подхода дискуссии происходят в «границах двух полюсов», как четко различающиеся оппозиции — компетенции (The Competencies) / компетентность (The Competency); североамериканский подход (компетенции как отражение личностных особенностей работников) и британский (компетенции как отражение продуктов деятельности); в границах континентальной Европы оппонируют друг другу германский и французский варианты; в русле каждого из подходов выкристаллизовываются разные концепции (см. обзоры: Мартиросова, 2011; Машкова, 2011; Толочек, 2019). «Региональность» позиций зарубежных специалистов в интерпретации ими К-подхода контрастирует со «спонтанной оппозицией» россиян в их объяснении ПВК-подхода. Российские ученые, даже признавая некоторые ограничения ПВК-подхода, их прямо не критикуют, в научной рефлексии не выходят в мета-позицию, а лишь предлагают свои варианты преодоления выявленных ограничений подхода, не вступая в открытую научную дискуссию. В этих фактах мы видим проявления разных фаз «эволюционной зрелости» двух подходов.

Обобщая особенности ПВК-подхода и К-подхода, можно констатировать следующее: 1. Имеет место широкая и возрастающая вариативность представлений специалистов о содержании и границах развития как «профессионально важных качеств», так и «компетенций». 2. Нередко отсутствуют четкость и определенность в оперировании сопряженными понятиями (отражающими составляющие профессиональной пригодности и профессиональной успешности субъекта). 3. В процессе развития подходов в их предметную сферу вовлекаются новые понятия, концепции и фрагменты концепций, разрабатываемые в академической психологии, с одной стороны, с другой — «размываются» ранее постулированные различия двух подходов. Если в ПВК-подходе исходными задачами выступали изучение и описание *профессиональной сферы и деятельности субъекта в целом*, а в К-подходе — *успешность решения определенных задач*, на рубеже двух столетий происходит де-факто их слияние. 4. Ввиду общности задач можно предполагать, что «профессионально важные качества» и «компетенции» ориентированы на описания содержательно и структурно близких психологических объектов

(явлений); что они представляют собой эволюционный ряд разных проявлений (про-явлений) некоторого единого феномена, некоторый *континуум компонентных и структурных преобразований, прращения* феномена.

Конструктивным решением «дилеммы ПВК/компетенций» может стать выход за пределы бинарных противопоставлений, поиск и восстановление всего генетического ряда, континуума преобразований, проявлений феномена. Предложим наше видение (см. обзор: Толочек, 2019). Допустим, что возможно хронологически последовательное «подключение» и взаимодействия ряда эволюционных процессов (фило- и антропогенеза, субъектогенеза; процессов особой и уникальной «огранки» человека в контактных микро- и малых социальных группах, рассматриваемых нами в контексте профессионального становления субъекта). При этом множество функциональных систем, складывающихся в процессе социализации человека (в т.ч., его становления как субъекта деятельности), оправдано рассматривать как сопряженные психологические объекты (*функциональные системы* человека), подчиненные принципу развития ($A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow \dots \rightarrow Z$). Если эти объекты представляют собой эволюционно последовательные стадии, можно говорить о процессах развития как *усложнения объектов*, проявляющихся в: 1) *последовательной специализации функциональных систем*; 2) *полноты их избирательной интеграции с условиями среды* (окружения). Анализ таких причинно-следственных отношений поддерживает наше предположение о единстве феномена (а не множестве разных феноменов), о разных его проявлениях (*про-явлениях*) на разных стадиях его эволюции. Первые стадии хорошо описаны, определены в психологии и могут рассматриваться как «общепризнанные»: *задатки — способности — специальные способности*; другие отличаются высокой вариативностью суждений ученых: *профессиональные способности — профессионально важные качества (ПВК) — компетенции*. Анализ цепочек понятий, отражающих функциональные и генетически связанные явления, позволяет упорядочивать эти понятия, вносить большую определенность в оперирование ими, более адекватно отражать свойства феномена в его актуальных стадиях.

Предложим наши версии формулирования определения понятий, отражающих структурно и эволюционно сопряженные явления. *Профессионально важные качества (ПВК) — функциональные системы*, формирующиеся на основе профессиональных

способностей в процессах выполнения разнообразных задач профессиональной деятельности, способствующие ее успешности (эффективности, стабильности, надежности) в разнообразных условиях социальной среды в течение продолжительного времени. Сформированность ПВК у субъекта проявляется в оптимальных психофизиологических затратах в процессе работы, удовлетворенности ею, устойчивостью деятельности к изменениям внешней и внутренней среды (при воздействии стрессогенных факторов, при эмоциональных и физиологических нарушениях, снижении состояния здоровья, мотивации, возрастных изменениях и пр.). Стабильность состояния ПВК обеспечивается инвариантностью сформированных структур функциональных и операциональных систем. *Компетенции* — функциональные системы, формирующиеся на основе профессиональных способностей и профессионально важных качеств (ПВК) в процессах выполнения специфических задач совместной профессиональной деятельности в специфических условиях социальной среды. Компетенции включают в себя адаптивные и узкоспециализированные функциональные системы субъекта, проявляющиеся в успешности его деятельности (ее эффективности, стабильности, надежности), в адекватном данной среде поведении (согласованном с деятельностью и поведением других субъектов). ТВ: Спасибо!!! Замечание точно!!!

Обозначим возможные перспективы интеграции двух подходов. *Первый*: обеспечение условий перехода от констатаций состава качеств, сопряженных с эффективностью деятельности субъекта, к изучению их структур и эволюции (иначе, более последовательное следование принципам развития, детерминизма, системности). *Второй*: рассмотрение проблемы в большем масштабе социальных задач, включение обсуждаемых понятий в задачи профессиографии, профессиоведения, профессионального сопровождения развития и деятельности человека как субъекта. *Третий*: поскольку оба подхода включают в свой предмет среду деятельности человека, ожидаемым будет и обращение к явлениям самоорганизации субъектов и групп в процессах труда, то есть переход к парадигме совместной деятельности (см. обзор: Толочек: 2019, 2020).

Заключение

«Терминологический хаос: слова, слова, опять слова. То, что на Западе называют компетенциями, в России как только не называют. То, что в России называется компетенциями, чем только не являет-

сы на самом деле» (Суворова, 2006). Этой предельно выразительной констатацией нашей коллегой «состояния вопроса» можно было бы начать обсуждение темы; этой оценкой можно и закончить. Прошло 15 лет. Ничего не изменилось...

Предлагаемые специалистами трактовки компетенций и компетентностного подхода (К-подхода) нам видятся неудовлетворительными, слабо согласованными между собой. Компетентностный подход (К-подход) и хронологически ранее сложившийся подход профессионально важных качеств (ПВК-подход) есть не что иное, как исторически преходящие научные концепции (соотносимые с масштабом «малых теорий»). Оба подхода имеют как свои ограничения, так и возможности развития и интеграции с другими. ПВК-подход характеризуется изначальной предельно широкой постановкой задач, тогда как К-подход — прагматизмом исходных целей и задач; эмпиризмом в оценке качеств субъекта. Следовательно, можно и нужно искать и находить области их *взаимного дополнения* с учетом их предельных целей и условий становления. Игнорирование достоинств и ограничений любого научного подхода — не лучшее решение. Нам пора переходить к открытому обсуждению всех сложных вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаров Т.Ю., Ерофеев А.К., Шмелев А.Г. Опыт коллективного определения понятия «компетенции» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 1. С. 87–102.

Байдено В.И., Оскарссон Б. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса. Профессиональное образование и формирование личности специалиста. Научно-методический сборник. М., 2002.

Баллантайн И., Пова Н. Центры оценки и развития. Пер. с англ. М.: НИРО, 2003.

Башкин Е.Б. Эффективность стратегических ассесмент-сессий в развитии профессиональных компетенций: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.

Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001.

Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. Москва: ИПРАН, 2007. С. 15–32.

Зеер Э.Ф. Компетентностный подход к образованию. Образование и наука // Известия Уральского отделения Российской академии образования.

Журнал теоретических и прикладных исследований. 2005. № 3 (33). С. 27–39.
URL: <http://edscience.ru/sites/default/files/2005/2005-3.pdf>

Зимняя И.А. Ключевые компетенции: новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 5 мая 2006 г. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>

Капцов А.В. Модель отбора персонала. Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. А.Н. Занковский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН, 2018. С. 64–76.

Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 1999.

Мазилев В.А. Методология психологической науки: История и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.

Мартыросова Н.В. Психологическое обеспечение расстановки кадров в подразделениях охраны общественного порядка органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2014.

Машикова А.С. Формирование модели компетенций для руководителей среднего звена на основе организации опытно-экспериментальной работы // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 89. № 2. С. 197–206.

Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 3.2. М., 2017.

Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал (психологические проблемы). М.: Дело, 1994.

Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Изд. центр «Академия», 2004.

Морозов В.П. Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М.: Когито-Центр, 2011.

Полани М. Личное знание. М.: Прогресс, 1982.

Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2005.

Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2002.

Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002.

Рубцова Н.Е. Психологическая классификация современной профессиональной деятельности: интегративно-типологический подход. Тверь: Изд-во Твер. фил. МГЭИ, 2012. Кн. 1, 2.

Симонова Н.Н. Адаптация к работе вахтовым методом в экстремальных условиях Крайнего Севера. Архангельск: ИД САФУ, 2014.

Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. М.: Нипро, 2005.

Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида

профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. М., 2017.

Суворова А. Компетенции как миф и реальность современной HR-практики, или Почему так путаются мысли (26 июля, 2006) // Эл. ресурс: <http://www.hr-zone.net/>

Толочек В.А. Сопряженная профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 48–61.

Толочек В.А. Профессиональное становление субъекта: способности и профессионально важные качества, компетенции и компетентность. Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 3–30. <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document241.pdf>

Толочек В.А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 1. С. 195–213.

Толочек В.А. Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности и ограничения // Вестник СПбГУ. Сер. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 2 (30). С. 123–137.

Толочек В.А. Психология труда. 3-е изд. доп. СПб.: Питер, 2020.

Толочек В.А., Краюшенко Н.Г. Психологические факторы специализации и успешности в видах охранной деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1998. № 3. С. 52–63.

Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. М.: НИРРО, 2003.
Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал «Эйдос». 12 дек. 2005 г. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>

Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.

Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Barren G.V., Depinet R.L. (1991) A reconsideration of testing for competence rather than intelligence // *American Psychologist*. 46 (10). Pp. 1012–1024.

Barnett R. (1994) *The limits of competence: Knowledge, higher education and society*. Buckingham, UK: Open University Press.

Boreham, N. (2004) A theory of collective competence: Challenging the neoliberal individualisation of performance at work / *British Journal of Educational Studies*. 2004. Vol. 52. P. 5–17.

Bates, I. (1995) The competence movement and the National Vocational Qualification framework: The widening parameters of research / *British Journal of Education and Work*. 1995. Vol. 8 (2). P. 5–13.

Boyatzis R.E. (1982) *The Competent Manager: A model for effective performance*. Chichester: John Wiley & Sons.

Chomsky N. (2002) *Syntactic Structures*. Second edition (First edition published in 1957). Berlin — New York: Mouton de Gruyter.

Delamare–Le Deist F.O. & Winterton J. (2005) What Is Competence? // Human Resource Development International. Vol. 8 (1). P. 27–47.

Keen K. (1992) Competence: What is it and how can it be developed? In J. Lowyck, P. de Potter, & J. Elen (Eds.), *Instructional Design: Implementation Issues*. Brussels: IBM Education Center. P. 111–122.

Lum, G. (1999). 'Where's the competence in competence-based education and training? *Journal of Philosophy of Education*, 33 (3), 403–418.

Hyland, T. (1997). Reconsidering competence. *Journal of Philosophy of Education*, 31 (3), 491–503.

McClelland D.C. (1973) Testing for competence rather than for intelligence. *American Psychologist*. 28. P. 1–14.

Mirabile R.J. (1997) Everything you wanted to know about competency modeling. *Training and development*. August. P. 73–77.

Parry S.B. (1996) The quest for competencies. *Training*. 1996. 33 (7). P. 48–56.

Pearn M.A., Kandola R.S. (1992) Designing and achieving competency: a competency-based approach to developing people and organizations. *Identifying competencies* / In: Boam R., Sparrow P. (Eds): Maidenhead: McGraw-Hill. p. 31–49.

Ros M., Schwartz S.H., & Surkiss S. (1999) Basic Individual values, work values, and the meaning of work // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 48. p. 49–71.

Sparrow P.R., Bognanno M. (1993) Competency requirement forecasting: issues of international selection and assessment. *International journal of selection and assessment*, 1. P. 50–58.

Sultana R.G. (2009) Competence and competence frameworks in career guidance: complex and contested concepts // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. Vol 9. P. 15–30.

Super D.E. (1997) *The psychology of careers*, New York: Harper Row.

Weinert, F.E. (2001) Concept of competence: A conceptual clarification // In D.S. Rychen & L.H. Salganik (Eds.), *Defining and selecting key competencies* (pp. 46–65). Seattle: Hogrefe & Huber.

White R.W. (1959) Motivation reconsidered: The concept of competence // *Psychological review*. № 66. P. 297–333.

Woodruffe C. (1991) Competent by any other name // *Personnel Management*. No. 9. P. 12–24.

REFERENCES

Bazarov T.Yu., Erofeev A.K., Shmelev A.G. (2014). Experience of collective definition of the concept of "competence". *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of Moscow University)*. Series 14. Psychology. 1. 87–102 (in Russ.).

Baidenko V.I., Oskarsson B. (2002). Basic skills (key competencies) as an integrating factor in the educational process. *Professional education and personality formation*. Scientific and methodical collection. Moscow. (in Russ.).

Ballantain I., Pova N. (2003). *Centers for Evaluation and Development*. Translation from English. Moscow: HIPPO. (in Russ.).

Bashkin E.B. (2010). Effektivnost' strategicheskikh assessment-sessii v razvitii professional'nykh kompetentsii. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (Effectiveness of strategic assessment sessions in the development of professional competencies (PhD Thesis). Moscow. (in Russ.).

Bodrov V.A. (2001). Psychology of professional fitness. Moscow: PER SE. (in Russ.).

Zhuravlev A.L. (2007). Features of interdisciplinary research in modern psychology. Theory and methodology of psychology: postneoclassical perspective (pp. 15–32). Ed. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha. Moscow: IPAN. (in Russ.).

Zeer E.F. (2005). Competent approach to education. Education and Science. *Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii obrazovaniya. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy (News of the Ural branch of the Russian Academy of Education. Journal of Theoretical and Applied Research)*, 3 (33), 27–39. (Retrieved from <http://edscience.ru/sites/default/files/2005/2005-3.pdf>. (review date: 2005) (in Russ.).

Zimnyaya I.A. (2006). Key competencies: a new paradigm for the result of modern education. *Internet-zhurnal "Eidos". (Internet magazine "Eidos")*. (Retrieved from <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. (review date: 05.05.2006) (in Russ.).

Kaptsov A.V. (2018). Staff selection model. Current State and Prospects of Development of Labor Psychology and Organizational Psychology (pp. 64–76). Otv. ed. A.N. Zankovsky, A.L. Zhuravlev. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences". (in Russ.).

Karpov A.V. (1999). Psychology of Management. Moscow: Gardariki. (in Russ.).

Mazilov V.A. (2017). Methodology of psychological science: History and modernity. Yaroslavl: RIO YAGPU. (in Russ.).

Martirosova N.V. (2014). Psikhologicheskoe obespechenie rasstanovki kadrov v podrazdeleniyakh okhrany obshchestvennogo poryadka organov vnutrennikh del: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. SPb. (in Russ.).

Mashkova A.S. (2011). Formation of a competency model for middle managers based on the organization of experimental work. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury (News of Ural State University: Series 1: Problems of education, science and culture)*. 89, 2, 197–206. (in Russ.).

Methodological tools for establishing qualification requirements for the replacement of public civil service posts (2017). Version 3.2. Moscow. (in Russ.).

Mitina L.M. (1994). Teacher as a person and professional (psychological problems). Moscow: Delo. (in Russ.).

Mitina L.M. (2004). Psychology of Teacher's Work and Professional Development. Moscow: Akademiya. (in Russ.).

Morozov V.P. (2011). Non-verbal communication. Experimental and psychological researches. Moscow: Kogito-Tsentr. (in Russ.).

Polani M. (1982). Personal knowledge. Moscow: Progress. (in Russ.).

Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu. (2005). Psychology of labor and human dignity. Moscow: Akademiya. (in Russ.).

Pochebut L.G., Chiker V.A. (2002) Organizational social psychology: Textbook. SPB: Rech'. (in Russ.).

Raven Dzh. (2002). Competence in modern society: identification, development and implementation. Moscow: Kogito-Tsentr. (in Russ.).

Rubtsova N.E. (2012). Psychological classification of modern professional activity: integrative and typological approach. Tver: Publishing House. MGEI. Book. 1, 2. (in Russ.).

Simonova N.N. (2014). Simonova N.N. Adaptation to work by shift method in extreme conditions of the Far North. Arkhangelsk: ID SAFU. (in Russ.).

Spenser L.M., Spenser S.M. (2005). Competencies at work. Moscow: Hippo. (in Russ.).

Handbook of qualification requirements for specialties, fields of training, knowledge and skills that are necessary for the replacement of public civil service positions, taking into account the field and type of professional performance of public civil servants (2017). Moscow. (in Russ.).

Suvorova A. (2006). Competencies as a myth and reality of modern HR practice, or Why thoughts are so confused (Retrieved from <http://www.hr-zone.net/>) (review date: 26.07.2006) (in Russ.).

Tolochek V.A., Krayushenko N.G. (1998). Psychological factors of specialization and success in types of security activities. *Vestnik Mosk. un-ta (Bulletin of the Moscow university)*. Ser. 14. Psikhologiya, 3, 52–63 (in Russ.).

Tolochek V.A. (2011). Conjugated professional career of the subject: contexts and dimensions. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie (Man. Community. Management)*, 2, 48–61 (in Russ.).

Tolochek V.A. (2017). Professional formation of the subject: abilities and professionally important qualities, competencies and competence. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda (Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology work)*, 2, 2, 3–30 (Retrieved from <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document241.pdf>). (review date: 2017) (in Russ.).

Tolochek V.A. (2019). “Psychological niches”: topos and chronos in the determination of the professional specialization of the subject. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology)*, 1, 195–213 (in Russ.).

Tolochek V.A. (2019). Competent approach and PVC approach: opportunities and limitations. *Vestnik SPbGU. Ser. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg State University. It is gray. Psychology)*, 9, 2 (30), 123–137. (in Russ.).

Tolochek V.A. (2020). Psychology of labor. 3rd edition. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

Uiddet S., Kholiford S. (2003). Guide to Competencies. Moscow: HIPPO.

(Retrieved from <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>). (review date: 12.12.2005) (in Russ.).

Shadrikov V.D. (1982). Problems of systemogenesis of professional activity. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Shadrikov V.D. (2013). Psychology of human activity. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (in Russ.).

Bazarov T.Yu., Erofeev A.K., Shmelev A.G. (2014). Opyt kollektivnogo opredele-niya ponyatiya “kompetentsii”. *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of Moscow University)*. Series 14. Psychology. 1. 87–102 (in Russ.).

Baidenko V.I., Oskarsson B. (2002). Bazovye navyki (klyuchevye kompetentsii) kak integriruyushchii faktor obrazovatel'nogo protsessa. Professional'noe obrazovanie i formirovanie lichnosti spetsialista. Nauchno-metodicheskii sbornik. Moscow. (in Russ.).

Ballantain I., Pova N. (2003). Tsentry otsenki i razvitiya. Per. s angl. Moscow: HIPPO. (in Russ.).

Bashkin E.B. (2010). Effektivnost' strategicheskikh assessment-sessii v razviti-i professional'nykh kompetentsii. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (Effectiveness of strategic assessment sessions in the development of professional competencies (PhD Thesis). Moscow. (in Russ.).

Bodrov V.A. (2001). Psikhologiya professional'noi prigodnosti. Moscow: PER SE. (in Russ.).

Zhuravlev A.L. (2007). Osobennosti mezhdistsiplinarynykh issledovani-i v sovremennoi psikhologii. Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva (pp. 15–32). Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha. Moscow: IP-RAN. (in Russ.).

Zeer E.F. (2005). Kompetentnostnyi podkhod k obrazovaniyu. Obrazovanie i nauka. *Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii obrazovaniya. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovani-i (News of the Ural branch of the Russian Academy of Education. Journal of Theoretical and Applied Research)*, 3 (33), 27–39. (Retrieved from <http://edscience.ru/sites/default/files/2005/2005-3.pdf>. (review date: 2005) (in Russ.).

Zimnyaya I.A. (2006). Klyuchevye kompetentsii: novaya paradigma rezul'tata sovremenno-go obrazovaniya. *Internet-zhurnal “Eidos”*. (*Internet magazine “Eidos”*). (Retrieved from <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. (review date: 05.05.2006) (in Russ.).

Kaptsov A.V. (2018). Model' otbora personala. Sovremennoe sostoyanie i per-spektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoi psikhologii (pp. 64–76). otv. red. A.N.Zankovskii, A.L. Zhuravlev. Moscow: Institut psikhologii RAN. (in Russ.).

Karpov A.V. (1999). Psikhologiya menedzhmenta. Moscow: Gardariki. (in Russ.).

Mazilov V.A. (2017). Metodologiya psikhologicheskoi nauki: Istoriya i s-vremennost'. Yaroslavl': RIO YaGPU. (in Russ.).

Martirosova N.V. (2014). Psikhologicheskoe obespechenie rasstanovki kadrov v podrazdeleniyakh okhrany obshchestvennogo poryadka organov vnutrennikh del. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. SPb. (in Russ.).

Mashkova A.S. (2011). Formirovanie modeli kompetentsii dlya rukovoditelei srednego zvena na osnove organizatsii opytно-eksperimental'noi raboty. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury (News of Ural State University: Series 1: Problems of education, science and culture)*. 89, 2, 197–206. (in Russ.).

Metodicheskii instrumentarii po ustanovleniyu kvalifikatsionnykh trebovaniy dlya zameshcheniya dolzhnostei gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby (2017). Versiya 3.2. Moscow. (in Russ.).

Mitina L.M. (1994). Uchitel' kak lichnost' i professional (psikhologicheskie problemy). Moscow: Delo. (in Russ.).

Mitina L.M. (2004). Psikhologiya truda i professional'nogo razvitiya uchitelya. Moscow: Akademiya. (in Russ.).

Morozov V.P. (2011). Neverbal'naya kommunikatsiya. Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya. Moscow: Kogito-Tsentr. (in Russ.).

Polani M. (1982). Lichnoe znanie. Moscow: Progress. (in Russ.).

Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu. (2005). Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva. Moscow: Akademiya. (in Russ.).

Pochebut L.G., Chiker V.A. (2002) Organizatsionnaya sotsial'naya psikhologiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Rech'. (in Russ.).

Raven Dzh. (2002). Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitiye i realizatsiya. Moscow: Kogito-Tsentr. (in Russ.).

Rubtsova N.E. (2012). Psikhologicheskaya klassifikatsiya sovremennoi professional'noi deyatelnosti: integrativno-tipologicheskii podkhod. Tver': Tver. fil. MGEL. Kn. 1, 2. (in Russ.).

Simonova N.N. (2014). Adaptatsiya k rabote vakhtovym metodom v ekstremal'nykh usloviyakh Krainego Severa. Arkhangel'sk: ID SAFU. (in Russ.).

Spenser L.M., Spenser S.M. (2005). Kompetentsii na rabote. Moscow: Hippo. (in Russ.).

Spravochnik kvalifikatsionnykh trebovaniy k spetsial'nostyam, napravleniyam podgotovki, znaniyam i umeniyam, kotorye neobkhodimy dlya zameshcheniya dolzhnostei gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby s uchetom oblasti i vida professional'noi sluzhebnoi deyatelnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh (2017). Moscow. (in Russ.).

Suvorova A. (2006). Kompetentsii kak mif i real'nost' sovremennoi HR-praktiki, ili Pochemu tak putayutsya mysli (Retrieved from <http://www.hr-zone.net/>). (review date: 26.07.2006) (in Russ.).

Tolochek V.A., Krayushenko N.G. (1998). Psikhologicheskie faktory spetsializatsii i uspeshnosti v vidakh okhrannoi deyatelnosti. *Vestnik Mosk. un-ta (Bulletin of the Moscow university)*. Ser. 14. Psikhologiya, 3, 52–63 (in Russ.).

Tolochek V.A. (2011). Sopryazhennaya professional'naya kar'era sub'ekta: konteksty i izmereniya. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie (Man. Community Management)*, 2, 48–61 (in Russ.).

Tolochek V.A. (2017a). Professional'noe stanovlenie sub'ekta: sposobnosti i professional'no vazhnye kachestva, kompetentsii i kompetentnost'. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda (Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology work)*, 2, 2, 3–30 (Retrieved from <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document241.pdf>). (review date: 2017) (in Russ.).

Tolochek V.A. (2019). "Psikhologicheskie nishi": topos i khronos v determinatsii professional'noi spetsializatsii sub'ekta. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology)*, 1, 195–213 (in Russ.).

Tolochek V.A. (2019). Kompetentnostnyi podkhod i PVK-podkhod: vozmozhnosti i ogranicheniya. *Vestnik SPbGU. Ser. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg State University. It is gray. Psychology)*, 9, 2 (30), 123–137. (in Russ.).

Tolochek V.A. (2020). *Psikhologiya truda. 3-e izd.dop.* St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

Uiddet S., Kholiford S. (2003). *Rukovodstvo po kompetentsiyam.* Moscow: HIPPO.

(Retrieved from <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>. (review date: 12.12.2005) (in Russ.).

Shadrikov V.D. (1982). *Problemy sistemogeneza professional'noi deyatel'nosti.* Moscow: Nauka. (in Russ.).

Shadrikov V.D. (2013). *Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka.* Moscow: Institut psikhologii RAN. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Алексеевич Толочек — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия. E-mail: tolochekva@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Tolochek — doctor of psychology, Professor, leading researcher at the Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: tolochekva@mail.ru

УДК: 159.
doi: 10.11621/vsp.2020.04.06

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ У РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

А.М. Рикель

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
Для контактов. E-mail: a.m.rikel@gmail.com

Актуальность. Проблема гомосексуальности постоянно находится в центре внимания СМИ и политиков, обсуждается в социальных сетях. При этом психологические исследования данного феномена легче найти в иностранных, чем в российских источниках. В то же время представляется очевидным культурная и национальная специфичность представлений о феномене гомосексуальности, а так же значительная поляризация мнений внутри самого общества. Эта поляризация может носить гендерный, урбанистический, классовый и, в том числе, межпоколенческий характер. При значительном внимании к данной проблематике на уровне социологических срезов, попыток проанализировать представления о гомосексуальности в русле социально-психологической традиции предпринимается не так много. При этом в ряде предыдущих исследований было выявлено, что современное поколение «Z» отличается большей терпимостью, толерантностью и свободой взглядов в части представлений о традиционно сегрегируемых социальных группах.

Целью данного исследования стало выявление представлений о гомосексуальности у разных поколений современных россиян. Гомосексуальность была выделена среди других сексуальных ориентаций (ЛГБТ) как наиболее обсуждаемая в общественном дискурсе. *Предметом* исследования стали социальные представления о гомосексуальности, в частности, у представителей различных поколений.

Методики. Методологической основой исследования выступило изучение структуры социальных представлений (методика П. Вержесса). Методами исследования выступила авторская анкета, направленная на выявление представлений о гомосексуальности, а так же модифицированный вариант опросника RANI (Гулевич и пр., 2016).

Выборкой исследования стали 444 человека (жители РФ, от 16 до 65 лет; выборка была составлена методом «снежного кома» с охватом абсолютного большинства регионов РФ).

Результаты и выводы. Гипотезы исследования были подтверждены: была выявлена обратная связь возраста (принадлежности к поколенческой когорте) и представлений о гомосексуальности как о нормативных. Было показано значительное отличие поколения «Z» в части толерантности представлений о гомосексуальности. Были обозначены двойные стандарты в части отношения к мужской и женской гомосексуальности. Была зафиксирована укорененность представлений о гомосексуальности как об отношениях, основанных, скорее, на сексуальной, чем на романтической-духовной связи.

Ключевые слова: гомосексуальность, поколения, поколение «X», поколение «Z», поколение «Y», социальные представления.

Благодарности. Автор благодарит Кадырова Юнуса Ризаевича за совместную организацию данного исследования.

Для цитирования: *Рикель А.М.* Социальные представления о гомосексуальности у разных поколений современных россиян // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 110–134. doi: 10.11621/vsp.2020.04.06

Поступила в редакцию: 31.07.2020 / Принята к публикации: 23.08.2020

SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT HOMOSEXUALITY AMONG DIFFERENT GENERATIONS OF MODERN RUSSIANS

Alexander M. Rikel

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: a.m.rikel@gmail.com

Relevance. The problem of homosexuality is constantly in the spotlight of the mass media, social media and politicians. Psychological studies of this phenomenon are easier to find in foreign rather than in Russian research. At the same time the cultural and national specificity of attitudes towards the phenomenon of homosexuality seems obvious as well as a significant polarization of opinions within society itself. This polarization can be gender, urban, class, and intergenerational, as evidenced by numerous sociological polls. With significant attention to this issue at the level of social strata, there are not many attempts to analyze the concept of homosexuality in line with the socio-psychological tradition. In a number of previous studies it was revealed that the modern Z Gen

is distinguished by greater tolerance and freedom of views in terms of attitude towards traditionally segregated social groups.

The purpose of this study was to identify perceptions of homosexuality among different generations of modern Russians. Homosexuality has been singled out among other sexual orientations (LGBT) as the most discussed in public discourse. The subject of the research is social perceptions of homosexuality, particularly among representatives of different generations.

Methods. The methodological basis of the research was the study of the structure of social perceptions (method P. Vergesse method). The research methods were the author's questionnaire aimed at identifying perceptions of homosexuality as well as a modified version of the RAHI questionnaire (Gulevich et al., 2016). The study sample consisted of 444 people (residents of the Russian Federation, 16 to 65 years old).

Results and Conclusions. The hypotheses of the study were confirmed: an inverse relationship between age (belonging to a generational cohort) and perceptions of homosexuality as normative was revealed. A significant difference was shown in the Z Gen perceptions in terms of tolerance of homosexuality. The so-called double standards were identified in terms of attitudes towards male and female homosexuality. The rooted concept of homosexuality as a relationship based on a sexual rather than a romantic-spiritual level, was stated.

Keywords: homosexuality, generations, Gen X, Gen Y, Gen Z, social representations.

Благодарности. Автор благодарит Кадырова Юнуса Ризаевича за со-
местную организацию данного исследования.

For citation: Rikel, A.M. (2020) Social representations about homosexuality among different generations of modern Russians. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 110–134. doi: 10.11621/vsp.2020.04.06

Received: July 31, 2020 / Accepted: August 23, 2020

Введение

Гомосексуальность может быть определена через любое проявление сексуального поведения и влечения к лицам своего пола (Jain, Silva, 2011), через сопутствующую аффективную привязанность (Knight, 2008), через способ идентификации и самоидентификации (Wickham et al., 2019).

Изучение гомосексуальности интересно в контексте смены научного консенсуса относительно его природы: в конце XIX века это явление считалось патологическим (Rosario, 2002), попытки лечения данного «заболевания» не прекращались до середины XX века и вызывали ажиотаж в научных кругах и у широкой общественности (King, Bartlett, 1999). Гомосексуальность преследовали не только в авторитарных, но и в «западных» демократических режимах, где СМИ рассказывали, что гомосексуальность среди американской молодежи пропагандируют коммунисты, для того чтобы поспособствовать ее моральному разложению (Johnson, 2004). Со второй половины XX века началась постепенная легализация однополых отношений по всему миру. В 1974 году Американская Психологическая Ассоциация признало гомосексуальность «моделью сексуального поведения», а в 1992 году «гомосексуализм» был исключен из МКБ (Rosario, 2002). С развитием тенденции на гуманистическое развитие науки и общества многие психологические исследования стали направлены, напротив, на просвещение, исследование механизмов противодействия стигматизации, развенчиванию деструктивных мифов о гомосексуальности (Herek, 2010).

Политические и юридические компоненты регулирования отношения к гомосексуальности в России позволили исключить статью «Мужеложество» из Уголовного кодекса лишь в 1996 году (Дозорцева и др., 2011). При этом очевидно, что юридическая либерализация вызвала неоднозначное воздействие на общественные настроения: социологические опросы 2018–2019 годов показывают, что представления современных россиян к феномену гомосексуальности характеризуются, в целом, отрицательным отношением: 87% опрошенных выступают против легализации однополых браков, 35% респондентов заявили о том, что с неприязнью отнесутся, если при знакомстве им расскажут о своей гомосексуальной ориентации, по мнению 5% опрошенных, гомосексуалы должны быть «ликвидированы». В то же время растет когорта людей, демонстрирующих толерантность к данной группе: 47% опрошенных заявляют, что представители ЛГБТ-сообщества должны пользоваться теми же правами, что и граждане «традиционной» сексуальной ориентации. Данный показатель исследователи называют самым высоким за последние 15 лет (Левада, 2019; ФОМ, 2019).

В условиях столь значительной поляризации мнений в обществе интерес вызывает выявление представлений отдельных социальных

групп. Анализ американских исследований показывает, что фактор расы (принадлежность к белым или афроамериканцам) (Herek et al., 2009), религии (причисление себя к верующим или неверующим) (Rowatt et al., 2009) не играет столь значительной роли, которую играет принадлежность к тому или иному поколению. В то же время в недавнем российском масштабном исследовании религиозные респонденты высказывали большее предубеждение к гомосексуалам, чаще негативные установки демонстрировали мужчины, а так же гетеросексуалы, никогда не испытывавшие романтических чувств к представителям своего пола (Гулевич и пр., 2016).

В описываемом здесь исследовании изучается лишь фактор принадлежности к поколению в контексте формирования представлений о гомосексуальности. Иные факторы не анализируются. Поколения принято изучать не только как представителей различных возрастных, но как социальных когорт. Так, согласно классической трактовке К. Мангейма, поколение понимается как общность людей, испытавших в так называемые *формирующие* годы (годы подростничества и юности) уникальный исторический, экономический, политический или технологический опыт, сформировавший у них особый социально-психологический портрет (Мангейм, 2000). Данное понимание поколения объединяет современных отечественных и западных социологов и социальных психологов и позволяет выдвигать различные авторские классификации поколений, опирающиеся на общий принцип социального контекста, оказывающего влияние на становление поколения (Левада, 2011; Пищик, 2011; Постникова, 2010; Gilleard, Higgs, 2005; Helsper, Eynon, 2010; Twenge et al., 2010 и пр.). Одна из самых медийных типологий Хау и Штраусса (Howe et al., 2000), несмотря на свой научно-популярный характер, часто используется в строгих научных исследованиях как наиболее распространенный тип классифицирования поколений в России и за рубежом (в России данная теория была адаптирована в начале 2000-х годов Е. Шамис и В. Никоновым) (Рикель, 2019; Шамис, Никонов, 2019). Выделяемые в ней современные поколения «Х» (1963–1984 г.р.), «Y» (1984–2000 г.р.) и «Z» (2000 г.р. и далее) значительно отличаются в части отношения к трендам, которые принято воспринимать как «западные»: ценностям толерантности, космополитизма, восприятию «семейных» ценностей, традиционализма, религиозности и пр. (Марцинковская, Полева, 2017; Пищик, 2011; Постникова, 2010; Рикель, Доренская, 2017 и пр.).

Большинство представителей поколения «X» уже не всегда разделяло коммунистические взгляды родителей и старших братьев и сестер, разочаровалось войной в Афганистане, а также так называемым периодом застоя в экономике и политике; «Иксы» встретили «перестройку» молодыми людьми, многие из них были рады появившимся возможностям «вестернизации» общественного уклада. Поколение «Y» — это первое поколение, большинство представителей которого родились уже в новой России, их детство совпало с пропагандой индивидуалистических ценностей и космополитизма, однако в силу непростого периода 1990-х годов отношение к этим ценностям оказалось неоднородным (Исаева, 2011). Поколение «Z» иногда называют «цифровым», «сетевым» или «I-поколением» (Van Volkom et al., 2013), описывая тем самым значительную погруженность этого поколения в интернет-взаимодействие. В России это поколение часто описывают как индивидуалистичное, стремящееся к гедонизму и свободе (Рикель, Доренская, 2017; Шамис, Никонов, 2017; Яницкий и др., 2019).

Методология отделения факторов возраста, когорты и социального контекста в межпоколенных исследованиях чрезвычайно сложна (Рикель, 2019). В качестве возможных методологических решений рекомендуется прибегать к лонгитюдным исследованиям, трудоемким метаанализам или так называемому APC-анализу (Age-Period-Cohort Analysis), что требует значительных временных затрат, не гарантирующих высокое качество полученного результата (Chauvel, Smits, 2015). В связи с этим большинство межпоколенных исследований «грешат» отсутствием решения данной проблемы. В контексте изучения представлений о феномене гомосексуальности радикально изменяющийся социальный контекст делает данную задачу (разделения фактора возраста и фактора культурного и исторического контекста) практически нерешаемой, что не снижает ценности изучения данных представлений.

В недавнем американском исследовании (Ayoub, Garretson, 2017) показано, что толерантность к гомосексуалам увеличивается обратно пропорционально возрасту: молодежь толерантнее относится к представителям ЛГБТ в силу подверженности современной культуре и медиа, транслирующей данные идеалы. В более ранней работе (Decoo, 2014) автор также подтверждает, что в США молодые люди более толерантно относятся к гомосексуальным людям, однако рассматривает это сквозь призму феминистической оптики, считая, что негативное восприятие гомосексуальных лиц связано

с патриархальным устоем: мужчины-геи считаются недостаточно маскулинными, а женщины-лесбиянки не выполняют свою «традиционную» женскую роль. Молодые же люди более толерантны к роли женщины в обществе и, соответственно, скорее более толерантно относятся к гомосексуалам. Связь гомофобии с уровнем сексизма, склонностью к традиционным гендерным ролям и повышенной маскулинностью у мужчин подтверждается и в других исследованиях (Brown, Henriquez, 2008; Collier et al., 2012). Дж. Твенж легко находит объяснение большей толерантности к ЛГБТ у американского поколения «Z» по сравнению с поколением «Y»: период подростничества последних пришелся на годы правления президента Б. Клинтона, фактически запретившего однополые браки в США, в то время как поколение «Z» полностью застало либерализацию ЛГБТ-законов и соответствующие тренды в массмедиа (Twenge et al., 2016).

Многие русскоязычные социологические, философские и культурологические публикации содержат в себе, скорее, ценностные декларации авторов «за» или «против» гомосексуальности как феномена (Тарасова, Тарасова, 2012; Чудинова, 2017; Щелкин, 2013) или описывают его в контексте культурного и исторического контекста (Отраднава, 2012; Кортунов и др., 2015) и при этом не вносят вклад в анализ представлений современного российского общества. Некоторые исследования представляют социологический срез детализации представлений. Так, Т.М. Петинова и коллеги в своем исследовании (N — 211) продемонстрировали невысокий уровень толерантности (не выше 14–16%) у самарской молодежи (студентов вузов), а также противоречивость взглядов (сосуществование осознания, что все люди разные и имеют право на проявление своей сексуальности, с представлением о возможной «гомосексуальной революции» в России, нуждающейся в отпоре) (Петинова, Гридина, 2018). Исследование восприятия гомосексуальности мурманскими студентами (N — 176) продемонстрировало схожие противоречивые тренды: 47% отнесли этот феномен к патологии, а 30% — к норме; 31% — негативно относятся к гомосексуальным семьям, а 56% — нейтрально. В данном опросе было зафиксировано различное отношение к геям и лесбиянкам (Тарасова, Тарасова, 2012). В более крупном трехэтапном исследовании О.А. Гулевич и коллег (N — 1007) был выявлен высокий показатель гомофобии, а также выделены факторы восприятия угроз со стороны гомосексуального сообщества: угроза индивидам, нравственности, обществу, российской культуре, правам гетеросексуалов (Гулевич и пр., 2016).

Исследование

Проблема. Исследования представлений о гомосексуальности в России не ставят задачи анализа их структуры, а также мало затрагивают поколенческий анализ этих представлений, что представляется крайне важным при разговоре об этой популярной в общественном дискурсе теме. **Цель** — выявить социальные представления о гомосексуалах и гомосексуальности у представителей разных поколений современных россиян. **Объект** исследования: представления о гомосексуальности. **Предмет** исследования: социальные представления о гомосексуальности у представителей различных поколений.

Гипотезы:

1. Представители молодого поколения («Z») демонстрируют представления, характеризующиеся более положительным отношением к гомосексуальности, чем иные исследуемые поколения («X» и «Y»).
2. Представления, характеризующиеся наиболее негативным отношением к гомосексуалам в исследуемой выборке у поколения «X».

Методология.

 Методический комплекс состоял из:

1. Авторской комплексной анкеты для выявления социальных представлений у различных поколений, включающей в себя следующие блоки:

- 1) Демографические характеристики опрошенных;
- 2) Образ гомосексуальных людей и представления о гомосексуальности и гомосексуалах:
  - а) представления о понятии гомосексуальности (например, «Что такое, по вашему, гомосексуальность?», «Напишите, пожалуйста, 3 слова, которые приходят Вам в голову, когда Вы слышите слово “гомосексуальность”?»);
  - б) личное отношение к разным типам гомосексуальности (например, «Как Вы можете охарактеризовать свое отношение к гомосексуалам?», «Какая гомосексуальность, как Вам кажется, является более приемлемой в нашем обществе?»);
  - в) представления об отношении к гомосексуалам в обществе (например, «Как Вы можете охарактеризовать отношение в обществе к гомосексуалам?»);
  - г) представления о приватности или публичности гомосексуальности (например, «Должны ли гомосексуалы скрывать свою ориентацию, и почему?»);

- д) представления о распространенности гомосексуальности (например, «Какая гомосексуальность, как Вам кажется, распространена больше?»);
- е) проективные вопросы.

3) Модифицированная шкала социальной дистанции Богардуса, позволяющая оценить степень желаемой близости / удаленности той или иной социальной группы (в данном случае гомосексуалов);

2. Российского опросника отношения к гомосексуалам (РАНИ) (Гулевич и др., 2016).

Изучение социальных представлений (автор концепции — С. Московиси) проходило в логике структурного анализа (методика П. Вержесса). Авторская анкета прошла предварительную пилотажную апробацию и последующую корректировку, модифицированная шкала Богардуса была апробирована до достижения показателей внутренней согласованности.

Выборка. Выборка (N — 444 чел., от 16 до 65 лет) формировалась «снежным комом». Выборка содержит 170 представителей поколения «Z» (16–22 года, ср. возраст — 20 лет), 181 — поколения «Y» (25–34 года, ср. возраст — 30 лет), 93 — поколения «X» (37–63 года, ср. возраст — 44 года). Выборка не имеет существенных смещений по месту жительства (266 — жители больших городов (от 100 000 жителей), 178 — жители малых городов), уровню образования (80 — среднее или среднее специальное образование, 97 — неполное высшее, 277 — высшее). Выборка смещена по полу, что не должно было оказать значительного ухудшения качества полученных данных (112 мужчин, 332 женщины). Абсолютное большинство опрошенных идентифицировало себя как гетеросексуалы, фактор принадлежности респондента к ЛГБТ-сообществу анализировался отдельно.

Обработка результатов проходила в программах MS Excel (версия 15.28) и SPSS (версия 23.0). Использовался инструментарий (1) контент-анализа (для анализа ответов на открытые вопросы), (2) описательной статистики; (3) корреляционной статистики (Т-критерий для определения значимых различий отношения к гомосексуальности между выборками; корреляционный анализ Пирсона для сопоставления результатов контент-анализа); (4) методики П. Вержесса для выявления структуры социальных представлений; (5) стандартизированных тестовых норм методики РАНИ (Гулевич и др., 2016).

Результаты

Ниже представлены результаты (см. табл. 1) по шкалам опросника RANI, выявляющему общий уровень гомофобии в выборке. Результаты представлены для каждого из исследуемых поколений.

Таблица 1

Усредненные значения показателей гомофобии
для каждого из поколений (опросник RANI)

	Поколение Z	Поколение Y	Поколение X	Средние значения	Среднее отклонение
Угроза культуре	1,93 / 5	2,01 / 5	2,17 / 5	1,97 / 5	1,14
Угроза индивидам	1,53 / 5	1,75 / 5	2,07 / 5	1,60 / 5	0,89
Угроза обществу	1,83 / 5	1,95 / 5	2,25 / 5	1,82 / 5	1,13
Угроза правам гетеросексуалов	2,28 / 5	2,55 / 5	3 / 5	2,77 / 5	1,34
Стратегия наказания	1,27 / 5	1,33 / 5	1,35 / 5	1,22 / 5	0,64
Стратегия лечения	1,42 / 5	1,57 / 5	1,74 / 5	1,46 / 5	0,82
Стратегия дискриминации	2,1 / 5	2,46 / 5	2,47 / 5	1,89 / 5	0,97
Общий балл	1,78 / 5	1,96 / 5	2,18 / 5	1,82 / 5	0,88

Из табл. 1 следует, что представления опрошенной выборки в целом не характеризует отрицательная коннотация по отношению к гомосексуальным людям. Так же не испытывают ярко выраженной гомофобии представители каждого из поколений в отдельности, причем представители поколения «Z» испытывают значимо меньшую гомофобию, чем представители поколения «X» ($F = 3,306$; $p = 0,01$). Различий между другими поколениями обнаружено не было. При этом более всего респонденты высказывали опасения за возможный ущерб прав гетеросексуалов (этот результат самый значительный у всех трех поколений). Так же все три поколения менее всего соглашались с необходимостью наказывать гомосексуалов за их ориентацию.

На уровне всей выборки было подтверждено более положительное восприятие гомосексуалов у жителей больших городов (от 100 000 жителей) по сравнению с малыми ($F = 12,059$; $p = 0,01$), у женщин по сравнению с мужчинами ($F = 2,74$; $p = 0,05$), а также у людей, причисляющих себя к ЛГБТ-сообществу ($F = 94,07$; $p = 0,00$) (что представляется закономерным). Значимых отличий в уровне гомофобии у опрошенных с разным уровнем образования получено не было.

Результаты по модифицированной шкале социального дистанцирования Богардуса так же показывают высокие баллы, то есть *преимущественное отсутствие предубеждений по отношению к гомосексуалам* (см. табл. 2). Так, средний балл (5,41) показывает, что большинство опрошенных соглашается с 5 из 7 утверждений шкалы, то есть согласны с утверждением, что готовы «жить в одном доме» и «дружить с гомосексуалом», но при этом не согласны «стать его родственником». Статистически значимых различий между поколениями в рамках данного шкалирования не выявлено.

Таблица 2

**Усредненные значения показателей социальной дистанции
от группы гомосексуалов для каждого из поколений
(модифицированная шкала Богардуса)**

	Поколение Z	Поколение Y	Поколение X
Показатели шкалы Богардуса	5,6 / 7	5,38 / 7	5,26 / 7

При ответе на вопросы «Оцените свое отношение к гомосексуалам» и «Оцените отношение общества к гомосексуалам» (пятибалльные шкалы Лайкерта) во всех трех исследуемых когортах присутствует тренд на представление о личном отношении как о более положительном (см. табл. 3). У всех трех поколенческих ко-

Таблица 3

**Усредненные значения личного отношения и оценки отношения
общества к гомосексуалам у разных поколений (шкалы Лайкерта)**

	Поколение Z	Поколение Y	Поколение X
Отношение общества	2,38 / 5	2,17 / 5	2,29 / 5
Личное отношение	3,92 / 5	3,57 / 5	3,26 / 5

горт личное отношение к гомосексуалам, скорее, положительное, в то время, как отношение общества представляется респондентам, скорее, отрицательным. На уровне тенденции отмечается представления о более толерантном отношении представителей поколения Z по сравнению с поколением X.

При ответе на вопрос «*Стоит ли обществу пересмотреть свое отношение к гомосексуалам, и как?*» была разработана категориальная сетка, состоящая из базовых категорий-стратегий «Дискриминации», «Защиты», «Лечения», «Дистанцирования», «Принятия». Поколение «X» значительно чаще других когорт считает нужным «Дискриминацию» (понижение в правах) гомосексуалов (13,5%), а поколение «Y» и «Z», напротив, чаще заявляют о необходимости их «Защиты» (20,4 и 24,8%, соответственно). Поколение «X» так же чаще, чем Игреки и Z считает, что гомосексуалам следует скрывать свою сексуальную ориентацию ($F = 13,432$; $p = 0,00$). Поколение «Z» реже других поколений выступает против активной демонстрации гомосексуалами своей сексуальной ориентации ($F = 6,422$; $p = 0,00$), при этом все три поколения считают небезопасным ее открыто декларировать (48,9% ответов респондентов). Большинство опрошенных респондентов считает *женскую и мужскую гомосексуальность одинаково распространенной* (см. табл. 4), но при этом в поколении «X» и «Y» значительно больше респондентов, кто считает мужскую гомосексуальность более распространенной, чем женскую.

Таблица 4

Представления о распространенности мужской и женской гомосексуальности у разных поколений (%)

	Поколение Z	Поколение Y	Поколение X
Мужская	18,82	30,39	43,01
Женская	17,65	14,36	4,30
Одинаково	63,53	55,25	52,69

При ответе на уточняющий вопрос о *приемлемости той или иной гомосексуальности* вновь видны различия между поколенческими когортами: «Z» и «Y» считают, что женская гомосексуальность более приемлема в российском обществе, при этом поколение «X» придерживается мнения, что обе гомосексуальности являются неприемлемыми в российском обществе, однако оценивают женскую гомосексуальность более приемлемой, чем мужскую.

Для выявления структуры социальных представлений о гомосексуальности был проведен контент-анализ ответов на вопросы «Что такое гомосексуальность?» и «Напишите, пожалуйста, три слова, которые приходят Вам в голову, когда Вы слышите слово «гомосексуальность»?». Результаты показывают, что чаще всего гомосексуальность определяют через «Интимные отношения» (41,5%), в основном, «Сексуальной направленности» (10,4%). Старшее поколение («X») чаще, чем «Y» и «Z» в своих ответах прибегают к объяснению природы гомосексуальности через «Психическое отклонение» (14,6%) или «Распушенность нравов» (6,4%) (k Пирсона — 0,887; p — 0,01). В ассоциативном ряду с гомосексуальностью у поколения «Y» и «Z» чаще встречается упоминание мужской гомосексуальности (13,1 и 10,9%, соответственно), а реже всего — женской гомосексуальности (4,2 и 4%, соответственно). Поколение «Z» чаще, чем представители других поколений упоминает словосочетание «ЛГБТ» (15,6%) (k — 0,823; p — 0,01). Положительные характеристики гомосексуальности чаще воспроизводят «Y» и «Z» (7,8 и 7,6%), а отрицательные — «X» (15,2%) (k — 0,8623; p — 0,01). Ассоциации, объясняющие природу гомосексуальности, показывают, что поколение «Z» склонно объяснять гомосексуальность через самостоятельный выбор человека (3,8%), а поколение «X» чаще объясняет гомосексуальность как извращение и болезнь (4,8%). Поколения «Y» занимает промежуточную позицию, разделяя оба мнения.

Структура социальных представлений о гомосексуальности у каждого поколения была подсчитана отдельно согласно методике П. Вержесса, в которой определяется ядро и периферия в зависимости от двух переменных: усредненных ранга ассоциации и частотности ее упоминания респондентами. Структура ассоциативного поля внутри представлений показана на схемах ниже (см. схемы 1–3).

Средний ранг ассоциаций			
Частота ассоциации	≥5	≤ 1,73	> 1,73
		Гей (1,36; 11), Извращение (1,6; 5), Мужчина (1,16; 6)	ЛГБТ (2; 5), Лесбиянка (2; 5), Проблема (2,2; 5), Радуга (2; 5), Секс (2,4; 10)
	<5	Ориентация (1,15; 4), Нецензурные характеристики (1; 4)	Меньшинство (1,75; 4), Парад (1,75; 4)

Схема 1. Структура социальных представлений о гомосексуальности у поколения «X»

Средний ранг ассоциаций			
Частота ассоциации	≥9,5	≤ 1,85	> 1,85
		Гей (1,09; 35), Любовь (1,78; 32), Мужчина (1,73; 11)	Нецензурные характеристики (2; 14), Лесбиянка (2,08; 23), Отношения (2; 10), Радуга (2,3; 13), Секс (2; 22)
	<9,5	Извращение (1,6; 5), Отклонение (1,4; 5), Свобода (1,8; 5)	Выбор (2; 5), Голубой (2,1; 7), Женственность (1,9; 7), Интерес (2; 5), Ориентация (1,9; 9)

Схема 2. Структура социальных представлений о гомосексуальности у поколения «Y»

Средний ранг ассоциаций			
Частота ассоциации	≥6,5	≤ 1,94	> 1,94
		Гей (1,32; 31), Любовь (1,59; 34), Мужчина (1,54; 13), Норма (1,34; 9), Ориентация (1,78; 18)	ЛГБТ (2,05; 12), Лесбиянка (2,04; 21), Радуга (2,14; 21), Секс (2,4; 17), Свобода (2,3; 10)
	<6,5	Борьба (1,67; 6), Мальчики (1,35; 6)	Права (2,67; 6)

Схема 3. Структура социальных представлений о гомосексуальности у поколения «Z»

В зону ядра представлений о гомосексуальности у поколения «X» попадают категории: «гей», «неприличие», «мужчина». Реже встречающиеся, но часто занимающие первые позиции в строчке ассоциаций: «ориентация», «различные нецензурные характеристики». Часто встречаются, но реже занимают первые позиции: «ЛГБТ», «лесбиянка», «радуга», «секс». Остальные категории попадают во вторую периферическую систему, которая не рассматривается как потенциальная зона изменений.

В зону ядра представлений о гомосексуальности у поколения «Y» попадают категории: «гей», «любовь», «мужчина». Реже встречающиеся, но часто занимающие первые позиции в строчке ассоциаций: «извращение», «отклонение», «свобода». Часто встречаются, но реже занимают первые позиции: «различные нецензурные характеристики», «лесбиянка», «отношения», «радуга», «секс». Остальные категории попадают во вторую периферическую систему, которая не рассматривается как потенциальная зона изменений.

В зону ядра представлений о гомосексуальности у поколения «Z» попадают категории: «гей», «любовь», «мужчина», «норма», «ориентация». Реже встречающиеся, но часто занимающие первые позиции в строчке ассоциаций: «борьба», «мальчики». Часто встречаются, но реже занимают первые позиции: «лесбиянка», «ЛГБТ», «свобода», «радуга», «секс». Остальные категории попадают во вторую периферическую систему, которая не рассматривается как потенциальная зона изменений.

Анализ различий ядерной и периферической систем при ассоциативных характеристиках «*мужчины гомосексуальной ориентации*» показывает, что поколения «Z» и «Y» упоминают в первой периферической системе ассоциации из категории «Любовь», а поколение «Z» — ассоциации из категории «Друг». Подобных категорий в ассоциациях у поколения «X» не встречается.

Анализ различий ядерной и периферической систем при ассоциативных характеристиках «*женщины гомосексуальной ориентации*» показывает, что у поколения «X» в ядре представлений находятся характеристики странности и мужественности, которые не встречаются у других поколений. При этом у «Иксов» даже в первой периферической системе ассоциаций не встречаются упоминания любви, которая есть у обоих более молодых поколений. Поколение «Z» добавляет в первую периферическую систему категорию «Обычность», которая не встречается у других поколений.

Финальным блоком анкеты был ряд проективных вопросов. Данные вопросы, безусловно, являются дополнительными и не претендуют на строгую содержательную валидность данных, но помогают дополнить существующий образ гомосексуалов. Поколение Z в большей степени ассоциирует гомосексуального мужчину с кошачьими («кот»). У поколения Y большой процент ассоциаций в категории «Дикие кошачьи» («пантера», «леопард» и пр.). Поколение X предпочитает две категории, такие как «Яркие птицы» («павлин», «попугай») и «Метафорические неинтеллектуальные животные». Гомосексуальную женщину большинство представителей всех поколений видят либо «Кошкой», либо представительницей «Диких кошачьих».

Обсуждение результатов

Полученные в исследовании результаты, на первый взгляд, могут показаться революционными в части сравнения с полученными в ранних социологических опросах (Гулевич и пр., 2016;

Левада, 2019; Петина, 2018 и пр.) данными. Так, выявленные с помощью опросника RANI и модифицированной шкалы Богардуса, представления показывают более положительные представления о гомосексуалах, чем в обозначенных исследованиях. Более детальный статистический анализ позволяет сделать вывод о том, что данный результат оказывается более «мягким» по отношению к гомосексуалам за счет «вклада» представителей поколения «Z» среди опрошенных, а так же за счет фактора места проживания (большие города с населением более 100 000 человек). Исключение из анализа представителей молодого поколения, жителей крупных городов и, собственно, представителей ЛГБТ-сообщества позволяет получить результат, близкий к выявленным ранее данным (Гулевич и пр., 2016). При этом нельзя не отметить социально-психологическое когнитивное искажение, свойственное всем трем поколениям: свое собственное отношение к гомосексуальности респонденты в среднем считают гораздо более мягким, чем отношение общества: аналогичные эффекты можно наблюдать в различных исследованиях стереотипизации и стигматизации, например, в исследовании измен (Ueda et al., 2017).

В то же время поколение «Z» по большинству блоков вопросов демонстрирует представления о гомосексуальности как о более нормативном феномене: усредненные показатели их личного отношения к гомосексуалам положительны, а их представление об отношении окружающих их людей — близки к положительным, что отчасти воспроизводит представления о более толерантном отношении у городской студенческой молодежи (Тарасова, Тарасова, 2012). Они считают более правильным «защищать» гомосексуалов от агрессивных настроений, и они не возражают против активной демонстрации гомосексуалами своей сексуальной ориентации. «Z» более подкованы в терминологии и чаще употребляют научные и юридические термины, относящиеся к ЛГБТ-тематике, что говорит об их более нейтральном и подготовленном уровне восприятия. Они чаще других поколений говорят о «самостоятельном выборе человека», рассуждая о причинах гомосексуальности как феномена, хотя во многих ранних зарубежных исследованиях было выявлено, что положительное отношение к гомосексуалам, наоборот, чаще связано с представлением о врожденности сексуальной ориентации (Bettinsoli et al., 2019; Boysen, Vogel, 2007; Haslam et al., 2006). «Z» — единственное поколение, избегающее цензурных высказываний относительно гомосексуалов (в ядре и 1-й периферической системах

представлений), а так же добавляющее представление о «нормативности» в ядро социальных представлений.

Поколение «Х», напротив, в опрошенной в данном исследовании выборке демонстрирует наиболее высокий уровень гомофобного восприятия (хотя и сохраняет условно «положительные» представления по шкале Богардуса). «Иксы» чаще других поколенческих когорт считают, что гомосексуалов надо в том или ином виде «дискриминировать» (понижать в гражданских правах по сравнению с гетеросексуалами), что им стоит скрывать свою сексуальную ориентацию. Они чаще интерпретируют гомосексуальность как патологию или как влияние распространенных аморальных общественных настроений, чаще выражают негативные или нецензурные оскорбляющие суждения в разговоре о гомосексуальности. Это единственное поколение, в ядре социальных представлений которого, присутствует представление об «извращении». Обратная зависимость представлений о нормативности гомосексуальности и возраста респондентов была продемонстрирована в более ранних западных исследованиях (Ayoub, Garretson, 2017). Нельзя не отметить, что в «ядре» структуры представлений у этого поколения встречаются характеристики интимной или сексуальной связи, исключая любовные и духовные отношения. Этот факт можно проинтерпретировать с позиции глубокой укорененности в обыденном сознании сексуальной основы в формировании гомосексуальных отношений (неслучайно в русском и английском языках «сексуальная ориентация» и «гомосексуальность» имеют лексическую основу, восходящую именно к половой сфере). Даже на уровне проективных вопросов ассоциации «Иксов» отличает более социально-нежелательный и демонстративный характер.

Поколение «Y» занимает так называемое положение *sandwich generation* («бутербродное» положение, «между» когортами) и по хронологии, и по сути представлений о гомосексуалах. Их усредненные показатели гомофобии занимают промежуточную позицию между «Иксами» и «Z»; при общем отсутствии отрицания гомосексуальности они так же, как и «Х», скорее, считают, что гомосексуальность надо скрывать, но при этом, как и «Z» чаще воспроизводят положительные или нейтральные ассоциации к гомосексуальности. Неслучайно в периферической системе представлений присутствуют противоречащие друг другу представления о гомосексуалах, что в целом укладывается в аналогичные западные тренды у данного поколения (Twenge et al., 2016).

Социальные представления всех трех поколений оказываются связанными с полученными в ранних исследованиях данными о ценностях поколенческих когорт, согласно которым молодые поколения характеризуют большая выраженность ценностей космополитизма, индивидуализма и свободы (и как следствие толерантности и терпимости) (Пищик, 2011; Рикель, Доренская, 2017; Шамис, 2019).

Любопытны иррациональные представления о большей допустимости *женской гомосексуальности*, которые свойственны всем трем поколениям. Возможная причина этой логики «двойных стандартов» — в патриархальности общества, предписывающей более жесткие стандарты «правильного мужского» поведения; в восприятии мужского гомосексуального поведения как более слабого, в нарочитой пропаганде, нацеленной против именно мужского гомосексуализма. Женская гомосексуальность в этом контексте не вызывает ни у одного из поколений негативных нецензурных ассоциаций, ассоциируется с порнографической продукцией, а у самого консервативного старшего поколения «X» вызывает больше представления о его «странности», нежели чем о негативности. При этом поколение «Z» и в представлениях о женской гомосексуальности оказывается более либеральным, ассоциируя ее с «любовью» и некоторым романтическим опытом («поцелуями» и пр.).

Выводы

1. Социальные представления современных россиян о гомосексуальности *не характеризуются негативным отношением*, при этом основной вклад в данные представления вносят молодые жители крупных городов.
2. При этом исследования представлений о гомосексуальности не позволяют осуществить анализ глубинных эмоций и переживаний, и вывод о *негомофобности* современного российского общества может считаться *преждевременным*.
3. Представления молодого поколения «Z» характеризуются более положительным восприятием гомосексуальности, по сравнению с поколениями «X» и «Y», а наиболее негативное восприятие гомосексуалов в исследуемой выборке присутствует у поколения «X». Данный вывод позволяет **подтвердить гипотезы № 1 и № 2**.
4. Современные россияне оценивают женскую гомосексуальность более положительно, чем мужскую, сохраняя определенный уровень гомофобии к проявлениям гомосексуальности в целом.

Возможные ограничения выводов

1. Невыравненность выборки по полу может служить ограничением и основанием для дальнейшего расширения исследований, однако доступная выборка позволила сделать валидные выводы, а детальный анализ фактора пола не входил в задачи данной работы.

2. Использование методологии количественных исследований не всегда позволяет провести тщательный анализ социально чувствительных объектов изучения (в частности, гомосексуальности). Дальнейшие исследования в русле качественного подхода (глубинные интервью, проективные методики и пр.) могли бы расширить полученные данные. В то же время концепция социальных представлений (С. Московиси) предполагает ее исследование с помощью инструментария количественной методологии, что позволяет говорить о валидности проведенной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гулевич О.А., Осин Е.Н., Исаенко Н.А., Брайнис Л.М. Отношение к гомосексуалам в России: содержание, структура и предикторы // Психология. Журнал ВШЭ. 2016 № 1 (13). С. 79–110.

Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю., Симоненкова М.Б. Особенности полоролевой идентичности у лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Т. 1. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49306.shtml> (дата обращения: 27.07.2020).

Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.

Кортунов В.В., Лапшин И.Е., Зорина Н.М., Кранова О.Н., Киреевкова З.А. Проблема восприятия гомосексуальности в современной России: основания актуального дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9. С. 152–175.

Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005 / Сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Левада Центр. За равные права для ЛГБТ. Опрос. [Электронный ресурс] 2019. <https://www.levada.ru/2019/05/23/pochti-pоловина-rossiyan-vystupila-zaravnye-prava-dlya-geev/> [дата доступа 01.08.2020]

Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений. М.: ИНИОН, 2000.

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир Психологии. 2017. № 1 (89). С. 24–37.

Отраднава О.А. Проблема гомосексуальности в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2012. № 2. С. 25–32.

Петтинова Т.М., Гридина В.В. Дискурсивные практики отношения к сексуальным меньшинствам в молодежной среде // Образование и проблемы развития общества. 2018. №2 (6). С. 64–71.

Пищик В.И. Поколения: социально психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.

Постникова М.И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2 (21). С. 78–82.

Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9–18.

Рикель А.М., Доренская С.В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205–225.

Тарасова С.М., Тарасова Е.М. Отношение студентов к проблеме гомосексуализма // Вектор Науки Тольяттинского государственного университета. Серия Педагогика, Психология. 2012. № 2 (9). С. 286–288.

ФОМ. Отношение к секс-меньшинствам. Опрос. [Электронный ресурс] <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220> [дата доступа 01.08.2020]

Чудинова Н.А. Социальная стигматизация представителей ЛГБТ-культуры // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 483–487.

Шамис Е., Никонов Е. Rugenerations — российская школа теории поколений. Миллениумы (Y). 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rugenations.su/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения 01.08.2020).

Щелкин А.Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 6. 132–141.

Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Пелех Ю.В., Маслова О.В., Сокольская М.В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р., Дагбаева С.Б., Неяскина Ю.Ю., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Система ценностных ориентаций «поколения z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3

Ayoub, P. M., Garretson, J. (2017) Getting the message out: Media context and global changes in attitudes toward homosexuality. *Comparative Political Studies*. 50 (8), 1055–1085.

Bettinsoli M. L., Suppes A., and Napier J. (2019) Predictors of attitudes toward gay men and lesbian women in 23 countries. *Social Psychological and Personality Science*. Online before Print December 23, 2019.

Boysen, G.A., Vogel, D.L. (2007) Biased assimilation and attitude polarization in response to learning about biological explanations of homosexuality. *Sex Roles: A Journal of Research*. 57 (9–10), 755–762. <https://doi.org/10.1007/s11199-007-9256-7>

Brown, M. J., Henriquez, E. (2008) Socio-Demographic Predictors of Attitudes Towards Gays and Lesbians. *Individual Differences Research*. 6 (3), 193–202.

Chauvel, L., Smits, F. (2015) The Endless Baby Boomer Generation, *European Societies*, 17:2, 242–278, DOI: 10.1080/14616696.2015.1006133

Collier, K.L., Bos, H.M.W., Sandfort, T.G.M. (2012) Intergroup contact, attitudes toward homosexuality, and the role of acceptance of gender non-conformity in young adolescents. *Journal of adolescence*. 35 (4), 899–907.

Decoo, E. (2014) Changing attitudes toward homosexuality in the United States from 1977 to 2012. All Theses and Dissertations. 4091. 2019 [Электронный ресурс]. <https://scholarsarchive.byu.edu/etd/4091> [дата обращения 01.08.2020].

Gilleard C., Higgs P. (2005) *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*, Cambridge: Polity Press.

Haslam, N., Bastian, B., Bain, P., Kashima, Y. (2006). Psychological Essentialism, Implicit Theories, and Intergroup Relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9 (1), 63–76. <https://doi.org/10.1177/1368430206059861>

Helsper, E.J. & Eynon, R. (2010). Digital natives: Where is the evidence? *British Educational Research Journal*, 36 (3), 503–520. doi: 10.1080/01411920902989227

Herek G.M. (2010) Sexual orientation differences as deficits: Science and stigma in the history of American psychology // *Perspectives on Psychological Science*. 5 (6), 693–699.

Herek, G.M., Gillis, J., Cogan, C. (2009) Internalized Stigma Among Sexual Minority Adults: Insights From a Social Psychological Perspective. *Journal of Counseling Psychology* 56 (1): 32–43. DOI: 10.1037/a0014672

Howe, H., Strauss, W., & Matson, R.J. (2000). *Millennials rising: The next great generation*. New York: Vintage.

Jain S., Silva S. (2011) The development of a sexual orientation scale for males // *The Professional Counselor: Research and Practice*, 1 (3), 208–221.

Johnson, David K. (2004). *The Lavender Scare*. Chicago, IL: The University of Chicago Press. p. 51.

King, M., Bartlett A. (1999) British psychiatry and homosexuality. *The British Journal of Psychiatry*, 175 (2), 106–113. Knight, D.A. (2008) *The Homosexual Male. Clinical Men's Health E-Book: Evidence in Practice*. Elsevier Health Sciences.

Rosario, V.A. (2002) *Homosexuality and science. A guide to debate*. Santa Barbara (CA): ABC-CLIO.

Rowatt, Wade, Tsang, Jo-Ann, Kelly, Jessica & Lamartina, Brooke & Mccullers, Michelle & Mckinley, April. (2006). Associations Between Religious Personality Dimensions and Implicit Homosexual Prejudice. *Journal for The Scientific Study of Religion — J SCI STUD RELIG*. 45. 10.1111/j.1468-5906.2006.00314.x.

Twenge, J.M., Campbell, S.M., Hoffman, B.J., & Lance, C.E. (2010). Generational differences in work values: Leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing. *Journal of Management*, 36, 1117–1142.

Twenge, J.M., Sherman, R.A., Wells, B.E. (2017) Sexual Inactivity During Young Adulthood Is More Common Among U.S. Millennials and iGen: Age, Period, and Cohort Effects on Having No Sexual Partners After Age 18. *Arch Sex Behav*, 46, 433–440. doi:10.1007/s10508-016-0798-z.

Ueda, R., Yanagisawa, K., Ashida, H., Abe, N. (2017) Implicit attitudes and executive control interact to regulate interest in extra-pair relationships. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 17 (6), 1210–1220.

Van Volkom, M., Stapley, J. & Malter, J. (2013) Use and Perception of Technology: Sex and Generational Differences in a Community Sample, *Educational Gerontology*, 39:10, 729–740, DOI: 10.1080/03601277.2012.756322

Wickham, R.E., Gutierrez, R., Giordano, B.L., Rostosky, S.S., & Riggle, E. (2019). Gender and Generational Differences in the Internalized Homophobia Questionnaire: An Alignment IRT Analysis. *Assessment*, 1073191119893010. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/1073191119893010>

REFERENCES

Gulevich O.A., Osin E.N., Isaenko N.A., Brainis L.M. (2016) Attitude towards homosexuals in Russia: content, structure and predictors. *Psikhologiya. Zhurnal VShE (Psychology. HSE Journal)*. 1 (13). 79–110 (in Russ).

Dozortseva E.G., Dvoryanchikov N.V., Demidova L.Yu., Simonenkova M.B. (2011) Features of gender-role identity in persons with non-traditional sexual orientation [Web Resource]. *Psikhologiya i pravo (Psychology and Law)*. Vol. 1. 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49306.shtml> (access date: 27.07.2020)

Isaeva M.A. (2011) Generations of Crisis and Rise in the Theory of W. Strauss and N. Howe. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 3. 290–295 (in Russ).

Kortunov V.V., Lapshin I.E., Zorina N.M., Kranova O.N., Kireenkova Z.A. (2015) The problem of the perception of homosexuality in modern Russia: the foundations of the current discourse. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (Modern Research of Social Problems)*. 9. 152–175 (in Russ).

Levada Yu.A. (2011) *Works: favorites: sociological essays, 2000–2005*. Sost. T.V. Levada. Moscow: Izdatel' Karpov E.V. 507 p. (in Russ).

Levada Tsentr. (2019) *For equal rights for LGBT people. Interview*. [Web Resource]. <https://www.levada.ru/2019/05/23/pochti-polovina-rossiyan-vystupilaza-ravnye-prava-dlya-geev/> [access date 01.08.2020] (in Russ).

Mangeim K. (2000) *Essays on the Sociology of Knowledge. The problem of generations*. Moscow: INION. (in Russ).

Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S. (2017) Generations of the era of transitivity: values, identity, communication. *Mir Psikhologii (World of Psychology)*. 1 (89). 24–37. (in Russ).

Otradnova O.A. (2012) The problem of homosexuality in modern society. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura (Society: philosophy, history, culture)*. 2. 25–32. (in Russ).

Petinova T.M., Gridina V.V. (2018) Discursive practices of attitudes towards sexual minorities among youth. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva (Education and problems of development of society)*. 2 (6). 64–71. (in Russ).

Pishchik V.I. (2011) Generations: social psychological analysis of mentality. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social Psychology and Society)*. 2. 80–88. (in Russ).

Postnikova M.I. (2010). Conceptual model of intergenerational relations in modern Russian society. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2 (21). 78–82. (in Russ).

Rikel' A.M. (2019) Generation as an object of study of social psychology: research in "home field" or in "nobody's land"? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social Psychology and Society)*. Vol. 10. 2. 9–18. (in Russ).

Rikel' A.M., Dorenskaya S.V. (2017) Socio-psychological model of values of different generations of modern Russian society. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian Psychological Journal)*. Vol. 14. 4. 205–225. (in Russ).

Tarasova S.M., Tarasova E.M. (2012). Students' attitude to the problem of homosexuality. *Vektor Nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogika, Psikhologiya*. 2 (9). 286–288. (in Russ).

FOM. *Attitude towards sexual minorities. Interview*. [Web resource] <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220> (access date 01.08.2020). (in Russ).

Chudinova N.A. (2017) Social stigmatization of LGBT culture representatives. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*. 1. 483–487. (in Russ).

Shamis E., Nikonov E. (2019) *Rugenerations — Russian school of generational theory. Millennials (Y)*. [Web Resource], URL: <https://rugenerations.su/category/millenniumy-y-85-03> (access date 01.08.2020). (in Russ).

Shchelkin A.G. (2013) Non-traditional sexuality (experience of sociological analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Research)*. 6. 132–141. (in Russ).

Yanitskii M.S., Seryi A.V., Braun O.A., Pelekh Yu.V., Maslova O.V., Sokol'skaya M.V., Sanzhaeva R.D., Monsonova A.R., Dagbaeva S.B., Neyaskina Yu.Yu., Kadyrov R.V., Kapustina T.V. (2019) The system of value orientations of Gen Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal (Siberian Psychological Journal)*. 72. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3. (in Russ).

Ayoub, P.M., Garretson, J. (2017) Getting the message out: Media context and global changes in attitudes toward homosexuality // *Comparative Political Studies*. Vol. 50. № 8. P. 1055–1085.

Bettinsoli M. L., Suppes A., and Napier J. (2019) Predictors of attitudes toward gay men and lesbian women in 23 countries. *Social Psychological and Personality Science*. Online before Print December 23, 2019.

Boysen, G.A., & Vogel, D.L. (2007). Biased assimilation and attitude polarization in response to learning about biological explanations of homosexuality. *Sex Roles: A Journal of Research*, 57 (9–10), 755–762. <https://doi.org/10.1007/s11199-007-9256-7>

Brown, M.J., Henriquez, E. (2008) Socio-Demographic Predictors of Attitudes Towards Gays and Lesbians. *Individual Differences Research*. Vol. 6. № 3. P. 193–202.

Chauvel, L., Smits, F. (2015) The Endless Baby Boomer Generation, *European Societies*, 17:2, 242–278, DOI: 10.1080/14616696.2015.1006133

Collier, K. L., Bos, H.M.W., Sandfort, T.G.M. (2012) Intergroup contact, attitudes toward homosexuality, and the role of acceptance of gender non-conformity in young adolescents. *Journal of adolescence*. Vol. 35. № 4. P. 899–907.

Decoo, E. (2014) Changing attitudes toward homosexuality in the United States from 1977 to 2012. All Theses and Dissertations. 4091. 2019 [Электронный ресурс]. <https://scholarsarchive.byu.edu/etd/4091> [дата обращения 01.08.2020].

Gilleard C., Higgs P. (2005) *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*, Cambridge: Polity Press.

Haslam, N., Bastian, B., Bain, P., & Kashima, Y. (2006). Psychological Essentialism, Implicit Theories, and Intergroup Relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9 (1), 63–76. <https://doi.org/10.1177/1368430206059861>

Helsper, E. J. & Eynon, R. (2010). Digital natives: Where is the evidence? *British Educational Research Journal*, 36 (3), 503–520. doi: 10.1080/01411920902989227

Herek G. M. Sexual orientation differences as deficits: Science and stigma in the history of American psychology // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. № 6. P. 693–699.

Herek, G.M., Gillis, J., Cogan, C. (2009) Internalized Stigma Among Sexual Minority Adults: Insights From a Social Psychological Perspective. *Journal of Counseling Psychology* 56 (1): 32–43. DOI: 10.1037/a0014672

Howe, H., Strauss, W., & Matson, R. J. (2000). *Millennials rising: The next great generation*. New York: Vintage.

Jain S., Silva S. (2011) The development of a sexual orientation scale for males // *The Professional Counselor: Research and Practice*. Vol. 1. № 3. P. 208–221.

Johnson, David K. (2004). *The Lavender Scare*. Chicago, IL: The University of Chicago Press. p. 51.

King M., Bartlett A. (1999) British psychiatry and homosexuality // *The British Journal of Psychiatry*. Vol. 175. №. 2. P. 106–113.

Knight D.A. (2008) *The Homosexual Male* // *Clinical Men's Health E-Book: Evidence in Practice*. Elsevier Health Sciences.

Rosario V.A. *Homosexuality and science* // *A guide to debate*. Santa Barbara (CA): ABC-CLIO. 2002.

Rowatt, Wade & Tsang, Jo-Ann & Kelly, Jessica & Lamartina, Brooke & Mccullers, Michelle & Mckinley, April. (2006). Associations Between Religious Personality Dimensions and Implicit Homosexual Prejudice. *Journal for The Scientific Study of Religion — J SCI STUD RELIG*. 45. 10.1111/j.1468-5906.2006.00314.x.

Twenge, J.M., Campbell, S.M., Hoffman, B.J., & Lance, C.E. (2010). Generational differences in work values: Leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing. *Journal of Management*, 36, 1117–1142.

Twenge, Jean M.; Sherman, Ryne A.; Wells, Brooke E. (2016) Sexual Inactivity During Young Adulthood Is More Common Among U.S. Millennials and iGen: Age, Period, and Cohort Effects on Having No Sexual Partners After Age 18 // *Arch Sex Behav (англ.)русск.* : journal. P. 1–8. doi:10.1007/s10508-016-0798-z.

Ueda, R., Yanagisawa, K., Ashida, H., Abe, N. (2017) Implicit attitudes and executive control interact to regulate interest in extra-pair relationships // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. Vol. 17 (6). P. 1210–1220.

Van Volkom, M., Stapley, J. & Malter, J. (2013) Use and Perception of Technology: Sex and Generational Differences in a Community Sample, *Educational Gerontology*, 39:10, 729–740, DOI: 10.1080/03601277.2012.756322

Wickham, R. E., Gutierrez, R., Giordano, B. L., Rostosky, S. S., & Riggle, E. (2019). Gender and Generational Differences in the Internalized Homophobia Questionnaire: An Alignment IRT Analysis. *Assessment*, 1073191119893010. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/1073191119893010>

Rikel A.M.

Social representations about homosexuality among different generations...

Moscow University Psychology Bulletin. 2020. No. 4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рикель Александр Маркович — кандидат психологических наук, доцент, доцент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: a.m.rikel@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Rikel — PhD in Psychology, associated professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: a.m.rikel@gmail.com

УДК: 159.9.072

doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Л.В. Куликов*¹, А.Ю. Малёнова², Ю.В. Потапова³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.

³ Омский государственный медицинский университет Минздрава России, Омск, Россия.

* Для контактов. E-mail: leon-piter@mail.ru

Актуальность статьи связана с тем, что разнообразие исследовательских подходов и полученных данных затрудняют формирование целостной картины материнства как феномена внутреннего мира женщины. Научные представления о материнстве выступают необходимым базисом для формирования демографической политики государства, укрепления семейных ценностей в обществе, воспитания молодежи.

Целью статьи выступает анализ и обобщение современных исследований, касающихся различных аспектов субъективной картины материнства, выявление ее основных составляющих, сравнительный анализ детерминант формирования картины материнства, описание разнообразия в представлениях о материнстве.

В результате анализа российских и зарубежных исследований описаны сходства и различия в трактовках многих аспектов материнства, в обусловленности субъективной картины материнства рядом социокультурных факторов. Рассмотрены ведущие факторы готовности к материнству, связи с детскими переживаниями, социальными представлениями о материнстве, культурно-историческим контекстом семейной жизни. Описаны представления женщины о себе как будущей матери, подчеркивается влияние взаимоотношений и эмоциональной атмосферы в родительской семье, значение идентификации с собственной матерью и ее позиции в детско-родительских отношениях. Выделены особенности принятия роли матери, причины основных ролевых девиаций и конфликтов женщины как результата несоответствия ее поведения установленной (обществом, окружающими, членами семьи, ею самой) ролевой модели. Обращено внимание

на результаты эмпирических исследований, показывающих возможность гармоничной координации материнской самореализации женщины с другими формами самореализации.

Сделаны **выводы**, что культурные традиции, доминирующие в обществе ценностные ориентации, представления о личной успешности, карьере, благополучии оказывают существенное влияние на субъективную картину материнства, но превалирующее значение имеют межличностные отношения в близком социальном окружении. Субъективную картину материнства можно рассматривать как часть мироощущения и мировоззрения женщины, она изменяется под влиянием жизненных планов и обстоятельств, многочисленных внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: представление о материнстве, готовность к материнству, самопринятие матери, ролевые конфликты матери, удовлетворенность материнством.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-113-50583.

Для цитирования: Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

Поступила в редакцию: 17.08.2020 / Принята к публикации: 21.09.2020

SUBJECTIVE PICTURE OF MOTHERHOOD IN RUSSIAN AND FOREIGN STUDIES

Leonid V. Kulikov*¹, Arina Yu. Malyonova², Yulia V. Potapova³

¹ St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

³ Omsk State Medical University, Omsk, Russia.

Corresponding author*. E-mail: leon-piter@mail.ru

The relevance of the article is due to the fact that the variety of research approaches and data obtained make it difficult to form a holistic picture of motherhood as a phenomenon of a woman's inner world. Scientific ideas about motherhood present a necessary basis for the formation of the demographic

policy of the state, for the strengthening of family values in society and for the education of young people.

The purpose of the article is to analyze and summarize modern studies concerning various aspects of the subjective picture of motherhood, to identify its main components, to comparatively analyze the determinants of the formation of a picture of motherhood, to describe the diversity in the ideas of motherhood.

As a result of the analysis of Russian and foreign studies, the similarities and differences in the interpretations of many aspects of motherhood and the conditionality of the subjective picture of motherhood by a number of socio-cultural factors are described. The leading factors of readiness for motherhood, connection with childhood experiences, social ideas about motherhood, cultural and historical context of family life are reviewed. The article describes the woman's ideas about herself as a future mother, emphasizes the influence of relationships and emotional atmosphere in the parental family, the importance of identification with her own mother and her position in child-parent relationships. The peculiarities of accepting the role of the mother, the reasons for the deviations from the main role and conflicts of a woman as a result of the discrepancy between her behavior and the established (by society, others, family members, herself) role models are highlighted. Attention is paid to the results of empirical studies showing the possibility of harmonious coordination of a woman's maternal self-realization with other forms of self-realization.

It is concluded that cultural traditions, the dominant value orientations in society, ideas about personal success, career, well-being have a significant impact on the subjective picture of motherhood but interpersonal relationships in a close social environment are of predominant importance. The subjective picture of motherhood can be viewed as part of a woman's attitude and worldview. It changes under the influence of life plans and circumstances, numerous external and internal factors.

Keywords: representation of motherhood, readiness for motherhood, self-acceptance of mother, role conflicts of mother, satisfaction with motherhood.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-113-50583.

For citation: Kulikov, L.V., Malyonova, A.Yu., Potapova, Yu.V. (2020) Subjective picture of motherhood in Russian and foreign studies. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

Received: August 17, 2020 / Accepted: September 21, 2020

Введение

Материнство как ценность и отношение, осознание и переживание, поведение и деятельность, представляет собой один из сложнейших феноменов человеческого бытия. По множеству переплетающихся биологических, психологических, социальных, культурно-исторических факторов он уникален. Исследователи родительства преимущественное внимание уделяют стилям воспитания, характеристикам отношения к ребенку, родительскому ролевому поведению, ролевым конфликтам современной женщины, трансформации норм родительства, социальным представлениям о ценности материнства. Субъективная картина материнства не находится в центре внимания, возможно потому, что этот предмет сложен для исследования. Культурные традиции, общественный уклад, близкое социальное окружение не детерминируют поведение и деятельность человека напрямую. Решения и поступки обусловлены складывающейся субъективной картиной жизненной ситуации. Это в полной мере относится и к материнству. Субъективная картина материнства тесно связана с сознанием и самосознанием женщины, но не идентична им, она формируется до возникновения материнского статуса, изменяется под влиянием многих жизненных обстоятельств и существует при его утрате. В отличие от нее, материнское сознание и самосознание функционирует при актуальном материнском статусе женщины. Субъективная картина материнства различна у женщин, имеющих детей, у женщин не имеющей детей, но желающих иметь, у женщин не имеющей детей и не желающих их иметь, у женщин с бесплодием и т.д. Она выступает ведущим фактором мотивации материнства, становления материнской личностной позиции, трактовки материнской роли, формирования установок на воспитание, помощь и поддержку детям. Субъективная картина явления или объекта окружающего мира формируется под влиянием социальных представлений, продукции различных масс-медиа, усвоенных норм и традиций социума и этноса, установок и моделей поведения, укоренившихся в ближнем социальном окружении, но никогда не представляет собой их проекции, копии. Она всегда индивидуальна, в ее составляющих, в ее доминантах отражен накопленный жизненный опыт, сформированное мировоззрение, преобладающее мироощущение, имеющийся и желаемый круг социальных ролей.

Целью статьи выступает анализ и обобщение современных исследований, касающихся различных аспектов субъективной картины

материнства, выявление ее основных составляющих, сравнительный анализ детерминант формирования картины материнства, описание разнообразия в представлениях о материнстве, в понимании материнской роли.

Представления о себе как будущей матери

Осознание своего будущего родительства формируется довольно рано. Предпочтение в детском возрасте девочками игр в «дочки-матери», с одной стороны, представляет собой копирование материнского поведения, в котором дочь была одновременно и объектом заботы, ухаживания, манипулирования, и участником данного взаимодействия, а, с другой стороны, свидетельствует о допущении, что она тоже может выполнять материнскую роль, разумеется, выполнять ее в том понимании, на которое способен ребенок. В ходе развития представления о своем вполне вероятном родительстве постепенно становятся всё более детальными и полными. Участие взрослых (особенно мамы) в этих играх очень важно, т.к. в них заложен первый опыт поведения девочки как будущей матери, и обыгрывается ее отношение к будущим детям (Филиппова, 2002). Следующий этап в формировании материнства Филиппова относит к возрасту 6–9 лет, когда дети (и мальчики, и девочки) переходят к общению с настоящими младенцами — своими братьями и сестрами (если они появляются). По мнению Филипповой, дети младшего школьного возраста с удовольствием общаются с младенцами, не испытывая страха и неуверенности. В такой ситуации для старшего ребенка главным является получение опыта общения, игры, ярких эмоций от взаимодействия с малышом, а не груз заботы и ответственности, который им еще не по силам. Несформированные или не наполненные чувствами представления о себе как матери выступают фактором психологического риска для будущего развития ребенка (Копыл, Баженова, Баз, 1993).

На выборке 100 учеников 8–10 лет (47 мальчиков, 53 девочки) одной из московских школ А.О. Колесовой с помощью рисуночных методик и интервью было установлено, что существует статистически значимая связь между рядом характеристик рисунков будущей (собственной) семьи и эмоциональной атмосферой в родительской семье. Хотели бы в будущем иметь детей 97% младших школьников. Намерение ограничиться двумя детьми (в большинстве случаев разного пола) имели 57% мальчиков и 70% девочек, чаще оно объяснялось возможными материальными трудностями. Выявлена

связь представлений школьников о будущей двухдетной семье с двухдетной родительской семьей. Трех и более детей разного пола хотели бы иметь 17,6% мальчиков и 18,6% девочек; 27,0% мальчиков и 23,3% девочек планируют ограничиться одним ребенком. Установлена связь между желанием учащихся обоих полов иметь двух, трех и более детей и их собственной принадлежностью к двухдетной или многодетной семье (Колесова, 2011).

По мнению Е.Х. Валеевой, у современной женщины все более укрепляются представления о расширении полоролевого репертуара, о возможности сочетания традиционно мужских и традиционно женских качеств в равной степени (ортогональная модель маскулинности/феминности). На социализацию современных девочек серьезное давление оказывает ценность индивидуальности как доминирующая. Маскулинного поведения требует ориентация на социальную успешность (Валеева, 2006). Данные эмпирического исследования позволили прийти к выводам, что адекватное отношение девочки к себе как будущей матери во многом определено ее идентификацией в детском возрасте с собственной матерью (или ее образом), а впоследствии адекватной сепарацией, что позволяет установить доверительные взаимоотношения. Враждебная, непоследовательная или директивная позиция матери влечет за собой проблемы в становлении материнского самосознания, в формировании позитивного отношения девочки к себе как женщине и будущей матери. При автономной позиции матери в самоотношении девочки появляются негативные моменты, у нее заостряется внутренняя конфликтность, поскольку девочка испытывает затруднения в понимании тех чувств, которые она вызывает у своей матери. Девушки, позитивно настроенные на собственное материнство, семейное благополучие, теплое ближайшее окружение, материнство и стремящиеся к активной жизни, включающей получение образования, профессиональный и карьерный рост, другие формы самореализации вне семейной жизни, описывают отношения с собственной матерью как дружеские, как отношения с взаимным пониманием. Они нередко высказывали желание походить на мать (Валеева, 2006).

Идентификация женщины как будущей матери со своей матерью особенно важна в период ожидания ею первого ребенка (Леус, 2001). Этот процесс выступает необходимым условием для формирования в структуре Я зрелого материнского образа, укрепляет уверенность в себе, высокую самооценку и снижает внутреннее напряжение, связанное с предстоящим материнством. Женщины,

у которых в период ожидания первого ребенка есть положительное эмоциональное отношение к своей матери, готовы опереться на ее опыт воспитания, что помогает им включить материнский образ в структуру своей Я-концепции. У них нет значительных расхождений между Я-реальным и Я-идеальным. Женщины, у которых в период ожидания первого ребенка существует негативное эмоциональное отношение к своей матери, не готовы к включению в структуру представлений о себе материнского образа и делают это по факту рождения ребенка. До рождения ребенка у них есть негативное представление о себе как о дочери, которое после родов исключается из представлений о себе. Недовольство собой, сильное чувство самообвинения, повышенная внутренняя конфликтность не позволяют этим женщинам чувствовать себя уверенными; у них наблюдается низкая самооценка, они склонны ожидать непонимания и неуважения к себе со стороны других. Сильное расхождение между Я-реальным и Я-идеальным повышает внутреннее напряжение и тревожность (Леус, 2001).

Ценностное измерение материнства

Значение материнства определяется переживаниями детства, опытом отношений со своей матерью, которые в период беременности переосмысливаются и перерабатываются, что по сути и выступает завершающим моментом обретения женской идентичности (Пайнз, 1997; Мордас, 2017). И хотя этот процесс запускается на ранних стадиях личностного развития девочки, он продолжается с началом взаимодействия со своим ребенком, испытывая влияние множества социальных факторов (Андрянова, Аранович, Новокрещенова, 2011; Устинова, 2015; Разина, 2012). В связи с этим вполне можно предположить наличие в самосознании наших современниц исторически заложенного конфликта, отражающего противоречивое отношение к материнству, закрепленное на уровне его субъективной картины. Причем, этот конфликт является не только следствием российской истории, но и мировой, в том числе благодаря механизмам глобализации и цифровизации, подтверждением чего могут стать результаты современных российских и зарубежных исследований.

Традиционно считается, что ситуация ожидания, рождения и воспитания ребенка кардинально меняет самосознание женщины, переструктурируя иерархию ценностей и смыслов, «превращая» в прошлом дочь и супругу в мать. Противоречивость отношения

к материнству подчеркивается во многих исследованиях. В материнстве видят его эволюционное предназначение, почетную обязанность, высшую степень самореализации, самоотверженность, с одной стороны, и дополнительную ролевую нагрузку, жертвенность, самоограничение, помеху, обузу, с другой. Также исследователями отмечается наличие наряду с эксплицитными (как правило, содержащими позитивные оценки) имплицитных представлений о материнстве, в которых содержатся по сей день табуированные темы о сложностях материнства, за высказывание в отношении которых женщина может получить общественное порицание (Микляева, Румянцева, 2018).

Противоречия вскрываются и при сопоставлении результатов исследований разных авторов. Так, Н.К. Грицкевич, А.А. Долгих, Н.Я. Большунова у матерей дошкольников обнаружили большую ценность нравственных качеств и семьи в сравнении с бездетными женщинами. У последних структура ценностей включала большее число компонентов, в том числе общечеловеческие и индивидуальные ценности, обеспечивающее собственное личностное и социальное развитие (Грицкевич, Долгих, Большунова, 2015). Однако в другом исследовании этого же года на выборках матерей дошкольников и воспитывающих детей до 3-х лет, было выявлено, что только у 26% опрошенных семья оказалась на первом месте, уступая в большинстве случаев ценностям обучения, общественной деятельности, хобби и пр. (Устинова, 2015). Несмотря на то, что у матерей дошкольников ценность семьи выше, их эмоциональный контакт с ребенком слабее, чем у матерей, воспитывающих детей раннего возраста. В целом, у матерей обеих групп была установлена прямая связь осознанности материнства с уровнем благополучия и удовлетворенностью детско-родительскими отношениями. «Материнская жертвенность», напротив, более свойственна женщинам при недостаточно осознанном отношении к родительству. Это подтверждается и исследованиями Б.А. Гунзуновой. Автор отмечает, что, чем выше уровень осознанности и готовности к материнству, тем женщина более автономна, независима, меньше концентрируется на своих проблемах, больше интересуется окружающим миром, менее тревожна и замкнута на переживаниях, более работоспособна и у нее выше сбалансированность личности (Гунзунова, 2019).

Беременность в студенчестве часто оказывается не только не запланированной (74%), но и нежелательной, препятствующей качественному осуществлению ведущей деятельности (из-за со-

путствующих состояний: пассивности, утомляемости, вялости, низкой работоспособности, хаотичности), снижающей общий уровень активности и удовлетворенности жизнью, приводя к эмоциональной (тревога, раздражительность, апатия, уныние, разочарование, безразличие) и социальной (сужение интересов, нарушение контактов, неопределенность будущего) дестабилизации, в том числе при явном желании «физически избавиться» от фактора, вызывавшего эти следствия (76% студенток сообщили о мыслях об аборте). На фоне таких депрессивных и фрустрационных реакций закономерно, что на выборке редко встречался оптимальный тип отношения к беременности, а чаще — гипогестогнозический, а также эйфорический (Мережников, Степанова, 2019). По мнению С.Н. Борисовой, Ю.Р. Седельниковой, такие результаты могут быть объяснены неготовностью девушек к предстоящей роли. По результатам их исследования, ценности материнства в сознании студенток положительно связаны с ценностью любви, семьи, детей, тогда как с ценностью свободы и общественного признания они связаны отрицательно (Борисова, Седельникова, 2018). О «возрастных ограничениях готовности» студенток к материнству, сообщается и в работе Е.И. Жупиевой. Несмотря на то, что все обследованные ею студентки 17–20 лет в будущем планируют детей, на данном этапе своего развития их рождение девушки часто связывают с тревогой, в том числе вследствие изменения привычного образа жизни, в связи с чем наблюдается потенциальная дистанцированность в отношениях с будущим ребенком и снижение его ценности (Жупиева, 2015). В исследовании С.И. Галяутдиновой, Р.Р. Кутушевой, Р.Б. Гумеровой также психологическая готовность к материнству связывается с возрастом. Для более молодых беременных ценности активной деятельной жизни, работы, любви, общения, развлечений, общественного признания и свободы имеют большее значение, чем для женщин старше 25 лет, ориентированных в большей степени на счастливую семейную жизнь, развитие, жизненную мудрость, уверенность в себе (Галяутдинова, Кутушева, Гумерова, 2016).

Зарубежные авторы концентрируют внимание на когнитивных и поведенческих аспектах подготовки к родительству, изучают особенности представлений и ожиданий матерей относительно своего ребенка и его характера (Behringer, Reiner, Spangler, 2011; Harwood, McLean, Durkin, 2007), связь субъективной картины материнства с оценкой ребенка и самооценкой матери (Reisz, Jacobvitz, George, 2015), описывают представления о возможных изменениях, которые

принесет с собой обретение родительской роли. Это ограничение возможностей распоряжаться своей жизнью, необходимое принятие ответственности за жизнь и здоровье нового человека, изменение социального статуса семьи (Darvill, Skirton, Farrand, 2010; Kushner, Pitre, Williamson, Breikreuz, Rempel., 2014). Отмечается, что молодые женщины хуже адаптируются к материнству, имеют повышенный риск развития послеродовой депрессии (Copeland, Harbaugh, 2019).

Субъективная картина своего нового статуса у женщин с желанной и нежеланной беременностью имеет существенные различия. Это отчетливо проявляется в рисуночных диагностических методиках. При позитивном отношении к беременности в рисунках «Я и мой ребенок» виден сформированный образ будущего ребенка, он принимается как собственный. У женщин, не встающих на учет по беременности, в психологическом компоненте гестационной доминанты преобладают депрессивный и тревожный типы, что говорит о негативном отношении к беременности и будущему ребенку. Роль матери воспринимается как нежелательная, образ будущего ребенка не формируется, что прослеживается и в их рисунках, на большинстве из которых контакт матери и ребенка отсутствует, ребенок часто изображается на руках у бабушки, без каких-либо индивидуальных признаков (Хазова, Золотова, 2009). Аналогичные результаты были получены и другими исследователями. Среди «отказниц» очень часто встречаются эмоционально незрелые личности, которых отличают аффективная несдержанность, низкая толерантность к стрессам, эгоцентризм и независимость. Для них значительный вес (42%) имеет мнение родителей, нередко объяснением выступает такое: «Я не могу прийти к родителям с ребенком, не имеющим отца» (Брутман, Ениколопов, Панкратова, 1994).

Отечественные и зарубежные исследователи считают, что несформированность психологической готовности к выполнению материнских функций ведет к искажению нравственных ценностей самой женщины, к формированию идеологии антиматеринства и детофобии.

Отношение к родительской роли

Отношение женщины к компонентам материнской роли выступает важным фактором ее успешного освоения наряду с высокой поведенческой гибкостью матери и адекватными ожиданиями от материнства (Якупова, 2017). Удовлетворенность материнством в наибольшей степени зависит от успешности реализации материн-

ских функций, положительного отношения к материнской роли и уважительного отношения к женщине-матери со стороны близкого социального окружения. Удовлетворенность выше у женщин, обладающих гибкостью и оперативностью мышления, отсутствием тревожности и напряжения, уверенных в себе и своих силах, жизнерадостных. В супружеских отношениях особенно важны единство взглядов, легкость и психотерапевтичность общения, способность супруга к соучастию в деле воспитания ребенка. Не менее важны способность к сопереживанию ребенку, положительный эмоциональный тон взаимодействия, умение успокоить ребенка, гармонизировать его настроение и эмоциональное состояние (Захарова, Калачева, 2012).

Вопросу принятия родительской роли посвящены многие зарубежные исследования. В них дана оценка тому, в какой мере на эмоциональное состояние, отношения супругов и эффективность их функционирования влияют ожидания от родительства. Чем больше различия (своеобразный «кризис экспектаций») между сформированными идеалами и реальностью, тем более выражены симптоматика депрессии, тем острее срывы адаптации у новоиспеченных матери и отца (Harwood, McLean, Durkin, 2007). В канадском исследовании К. Кушнер с соавторами подчеркивает, что большинство семейных пар, готовясь стать родителями, переживает ситуацию кардинальных изменений семейного уклада, решает проблему разделения ответственности, сталкиваясь с неопределенностью и ограниченностью знаний о предстоящем образе жизни (Kushner, Pitre, Williamson, Breitkreuz, Rempel, 2014). Неудивительно, что возрастающее напряжение оказывает воздействие на отношения между супругами, причем они становятся более конфликтными с момента беременности, как у пар, ждущих первенца, так и у тех, кто решил завести второго ребенка, и продолжает находиться в нестабильном состоянии весь первый год жизни ребенка (Harwood, McLean, Durkin, 2007).

Далеко не все женщины согласны с «приписыванием» родительской роли исключительно женщине в силу ее половых и гендерных признаков как реализации «материнского инстинкта». У молодых матерей часто возникает чувство вины и стыда из-за того, что она не реализует «заложенную природой» и предназначенную для нее роль уверенно, наслаждаясь материнством (Микляева, Румянцева, 2018). Интересным в этом случае является то, что, если россиянки готовы к принятию этой ответственности и обязательств на себя, то жительницы других стран могут демонстрировать другие реакции.

Так, в исследовании А. Мартина и соавторов описывается опыт афроамериканок и англоговорящих латиноамериканок, которые активно обучают своего партнера уходу за ребенком, чтобы можно было делить обязанности с супругом, проявляя при этом зачастую агрессивную позицию. Женщины стараются убедить в том, что, несмотря на свой пол, они не родились знатоками ухода за новорожденным, в них нет предустановленной программы, инстинкта, отвечающего за подобное поведение. Белые американки, реализуя более индивидуалистичную стратегию, меньше рассчитывают на помощь супруга и родных, предпочитая оплачивать услуги няни. Женщины в США часто говорят о том, что из-за страха осуждения, чувства гордости или желания показать свою независимость они испытывали трудности в том, чтобы попросить помощи у своей семьи. Они ожидали инструментальной поддержки, которую родственники окажут им без просьбы — по собственной инициативе (Negron, Martin, Almog, Balbierz, Howell, 2013). Однако именно поддержка со стороны супруга и близких, сходство во взглядах на родительство, воспитание на разных этапах развития ребенка, одобрение действий женщины в роли матери выступают важными факторами сохранения эмоционального благополучия женщины, особенно, на первых этапах материнства (Тихомирова, Уманская, 2016; Казаева, 2017; Гурьянова, 2004; Захарова, 2014). Это подтверждается и результатами исследования Дж. Берингер, И. Райнер, Г. Спенглер: женщины, обладающие мощным ресурсом поддержки со стороны семьи, могут переживать яркие негативные эмоции, связанные с адаптацией к новой для нее роли матери и, совладав с трудностями за сравнительно короткий срок (от 2 недель до 4 месяцев), принимают новые условия жизни и эффективно справляются с новыми вызовами и обязанностями (Behringer, Reiner, Spangler, 2011). Р. Дарвилл с коллегами отмечают, что поддержка социального окружения не ограничивается исключительно близкими родственниками и супругом. Женщины могут стремиться получить помощь со стороны других молодых матерей, а также ищут мудрого наставника, который поможет ориентироваться в ситуации, требующей специфических знаний. Как правило, эту роль может сыграть врач, наблюдающий беременность, педиатр, лечащий ребенка, психолог, воспитатель, либо другой человек, обладающий не только специфическими знаниями, но и большим жизненным опытом (Darvill, Skirton, Farrand, 2010).

К сожалению, сами женщины, согласно данным исследования А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой, часто отмечают наличие

именно негативной, обесценивающей обратной связи от родных, представителей образовательных учреждений, незнакомых людей, проявляемой в форме критики, непрошенных советов, вторжения в личную жизнь семьи. Подобные действия разрушают позитивное самоотношение женщины, провоцируя появление чувства вины, ощущение своей несостоятельности как матери (Микляева, Румянцева, 2018), а также провоцируют усиление депрессивных состояний, снижение материнской самооценки (Howell, Mora, Leventhal, 2006) и усиление материнского дистресса (Copeland, Harbaugh, 2019). Все это усиливается при стремлении женщины совмещать роль матери с решением других задач, прежде всего, профессиональных. Однако, по данным Е.И. Захаровой, мотивация женщины, проходящей своеобразную ресоциализацию на работе, значительно меняется: возрастает стремление к близости с ребенком и снижается значимость профессиональной самореализации и социального одобрения. То есть, время, проведенное с ребенком, сокращается, но при этом увеличивается его «качественное наполнение», ценность этого контакта, что можно рассматривать как своеобразный психологический ресурс матери (Захарова, 2014). При этом возраст оказывает существенное влияние на отношение к семейной роли и к будущему ребенку. С возрастом происходит снижение негативных эмоциональных реакций и снижается стремление к контролю ребенка и семейной среды (Корниенко, Радостева, Силина, 2019).

По мнению Т.Л. Крюковой, М.В. Сапоровской и Е.В. Куфтяк, этап принятия роли матери можно определить как особый период в онтогенезе материнской сферы личности женщины, который характеризуется рядом особенностей: появление реального ролевого поведения; согласование родительских установок женщины и ее представлений о себе как матери с ожиданиями окружающих; перестройка ролевого репертуара личности; появление или актуализация потребности в материнстве, перестройка личностных смыслов (Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005).

Представления о социальных ролях женщины

Ролевой конфликт в жизни современных женщин, стремящихся к профессиональной самореализации, часто выступает предметом изучения, не теряющим свою актуальность, не только в российских, но и в зарубежных исследованиях. В центре внимания оказываются проблемы гендерного неравенства на рынке труда, оценки материнства как социального статуса и его соотношение со статусом

профессиональным, учета режима работы при оценке материнских убеждений, влияния работы на физическое и психическое здоровье женщины, воздействия переживаний материнства на мировоззрение и самооценку. Причем, выводы авторов порой противоречат не только обыденному представлению о ряде проблемных точек, но и вступают в конфликт с данными исследований в смежных областях. Так, П. Ингланд, отмечая сходство обнаруженных ею тенденций в США с другими странами, утверждает, что, вопреки мнению экономистов, два основных источника «гендерного» разрыва в оплате труда — сегрегация рабочих мест и последствия ответственности женщин за воспитание детей, не связаны между собой, предлагая искать другие причины ролевых конфликтов (England, 2005). Однако, К.Л. Риджуэй и С.Дж. Коррелл, напротив, отмечают, что дискриминационные тенденции в отношении материнства значительно более выражены, чем гендерные. Роль матери, воспитателя искусственно обесценивается, потенциально приводя к обесцениванию профессиональной пригодности и компетентности женщин, обостряя тем самым конфликт между образами «хорошей матери» и «идеального работника» (Ridgeway, Correll, 2004). К этому же конфликту, а также ухудшению психического здоровья, может приводить и другая стратегия: усиление у работающей матери чувства вины и стыда на фоне, напротив, искусственного повышения значимости материнства в жизни женщины, ожиданий и требований ролевого совершенства (Guendouzi, 2006; Henderson, Harmon, Newman, 2016), создания условий для интернализации завышенных стандартов идеального материнства, усиленной страхом негативной оценки окружающих (Liss, Schiffrin, Rizzo, 2013). И новая тенденция — «интенсивное материнство», часто не снимает, а усугубляет ролевой конфликт у женщин, работающих полный рабочий день (Walls, Helms, Grzywacz, 2016). Однако именно такая нагрузка матерей выступает предпосылкой их более благоприятного физического самочувствия к сорока годам (согласно данным лонгитюдного исследования), чем неполная занятость, оплачиваемая работа, прерываемая безработицей, или неоплачиваемая работа по дому (Frech, Damaske, 2012). По мнению Д.Д. Джонстон и Д.Х. Суонсон эти результаты могут быть следствием не только зависимости рабочего статуса женщины от стремления соответствовать ожиданиям интенсивного материнства, но и готовности матерей изменить свои ожидания, чтобы они лучше согласовывались с выбором и требованиями конкретного рабочего статуса (Johnston, Swanson, 2006). Разрешению конфликта

идеологий «интенсивного материнства» и «идеального работника», по мнению К. Кристофер, также способствует внедрение замужними женщинами практики «обширного материнства», предполагающего, что ответственность за благополучие детей необходимо разделять с окружающими, делегируя им значительную часть заботы о детях, однако эта модель не является приоритетной у матерей-одиночек (Christopher, 2012).

В основе ролевой модели лежат образцы поведения мужчин и женщин в обществе, гендерные нормы, обусловленные культурными традициями, конкретные стандарты, одновременно выступающие критериями оценки соответствия норме. Чаще всего эти нормы касаются именно оценки женского поведения, прежде всего, материнского как наиболее гендерно-окрашенного аспекта жизни женщины, обостряясь в ситуациях противостояния и противопоставления традиционной (патриархальной) и современной (эгалитарной) моделей. Отсюда и возникают разные ролевые девиации — страх материнства, его идеализация, всепоглощающее и жертвенное материнство, вина работающей матери, синдромы «опустевшего гнезда» и «плохой матери» (Клецина, Иоффе, 2019). К ключевым дихотомиям (или континуумам) современного материнства, помимо «хорошее» / «плохое», Н.А. Нартова также относит «публичное» / «приватное» материнство (соотношение сконструированных обществом нормативных моделей и реального повседневного поведения матери), а также культурное принуждение к материнству или к его возможности — континуум «природное» («материнский инстинкт») / «социальное» (личный выбор, образ жизни, уникальный опыт) (Нартова, 2016).

По результатам исследования Н.Л. Мамышевой и И.Л. Шелехова 86,5% первородящих и 44,6% повторнородящих имеют амбивалентное отношение к эталону женщины. Идеальная женщина должна обладать взаимоисключающими качествами — быть независимой, свободной и семейной; волевой и уютной; общительной, иметь много друзей, знакомых и быть домохозяйкой; иметь возможность самореализации и быть домашней. Негативно оценивается, и недостаточная профессиональная самореализация, пренебрежение карьерой, и отсутствие семьи или недостаточное время, уделенное ребенку. Амбивалентное отношение к ребенку встречается у 24,3% первородящих и 18,5% повторнородящих женщин. В субъективной картине ребенок, о котором женщина мечтала во время беременности, спокойный, веселый, пухленький, крепыш, а реально существующий

ребенок часто воспринимается как беспокойный, шумный, непослушный, капризный. Такой женщине необходима своевременная психологическая помощь, направленная на изменение ожиданий и установок по отношению к ребенку. Без такой помощи вполне вероятно усиление разочарования и ощущения «обманутых надежд», которые приводят к неприятию ребенка матерью и формированию девиантной формы материнского поведения (Мамышева, Шелехов, 2005).

Очевидно, что конфликтность освоения роли матери может быть вызвана или обострена не только ее появлением в жизни женщины, но и предшествующими «ролевыми травмами». Интересны, в этом контексте, результаты исследований С.И. Мироновой, Т.Х. Невструевой, Л.Л. Кон, полученные на выборке девушек-сирот (Миронова, 2014; Невструева, Кон, 2019). У последних наблюдается явная компенсаторная идеализация материнского образа, а также семьи и семейной жизни, дающая ложное ощущение готовности к материнству на фоне отсутствия рефлексии соответствия желаемого и своих собственных возможностей для его осуществления. Схожая картина наблюдается и в исследовании нормативной модели материнства у социально неблагополучных семей: женщины декларируют идеализированный образ материнства и семьи, столь далекий от действительности, что женщина, изначально понимая недостижимость идеала, не делает даже элементарных вещей, связанных с удовлетворением потребностей своего ребенка, словно ожидая, что все ее проблемы разрешатся без ее участия (Смирнова, Трушкина, 2011). Возникающий таким образом диссонанс приводит к девиантному или кризисному осуществлению роли матери. Именно поэтому кризис усиливается и в ситуации одинокого материнства, меняющей представление женщины о себе как матери. В исследованиях М.А. Мягковой обнаружено, что «ролевые блоки» возникают во всех сферах — эмоционально-чувственной, когнитивной, поведенческой. Во многих случаях у одиноких матерей слабее, чем у состоящих в браке, проявляется любовь к ребенку, выбор стиля воспитания происходит менее осознанно, особенно при воспитании сыновей, на фоне доминирования стереотипных материнских установок и реакций, опосредованных культурными традициями. Все эти особенности усиливаются с увеличением возраста ребенка, несмотря на позитивное отношение к нему, основанное на безусловном принятии. Кроме того, было обнаружено, что одиноким матерям, напротив, не свойственна идеализация

родительства, причем себя они также оценивают более негативно, чем женщины, воспитывающие детей в полной семье (Мягкова, 2011). Присутствие неэффективных родительских установок у незамужних беременных женщин отмечает и С.С. Савеньшева, в исследовании которой были обнаружены следующие присущие им черты: жертвенность, потенциальная навязчивость в качестве родителя, зависимость ребенка от матери, потребность в посторонней помощи при воспитании ребенка, которые усиливаются в ситуации незапланированной беременности. Вместе с тем, на выборке беременных с разными социально-демографическими характеристиками, автором был диагностирован оптимальный тип психологической компоненты гестационной доминанты в качестве доминирующего, тогда как присутствие ролевого конфликта отмечалось лишь у небольшой части женщин (Савеньшева, 2008). Однако не все авторы согласны с тем, что матери-одиночки чем-то отличаются от замужних женщин: в исследовании Г.А. Епанчинцевой, Т.Н. Козловской, А.М. Потокиной не найдено значимых различий между этими группами в области материнских установок (Епанчинцева, Козловская, Потокина, 2018).

Таким образом, наибольшее расхождение идеального и реального образа материнства и принципиальная нереализуемость нормативной его модели, которая наблюдается в неблагополучных семьях, может давать матерям возможность оправдывать свое девиантное поведение по отношению к ребенку внешними обстоятельствами (Смирнова, Трушкина, 2011). Но и в благополучных семьях женщины, имевшие эйфорические представления о взаимодействии с детьми, страдают от неоправдавшихся ожиданий, что влечет за собой снижение числа позитивных ассоциаций с материнством, амбивалентный характер отношения к ребенку, ощущение непомерной тяжести от выполняемой роли (Якупова, Соловьева, 2014). Другие исследователи связывает ощущение «мученичества» в материнстве с общим эмоциональным фоном в семье, отношениями родителей: если они складываются хорошо, отец и мать внимательно относятся друг к другу и поддерживают, то и воспитание ребенка становится более гармоничным, демократичным, учитывающим индивидуальные особенности ребенка, что становится благоприятным фактором его развития (Овчарова, 2003; Савеньшева, Чижова, 2013). Необходимость поступиться карьерными и профессиональными устремлениями воспринимается как бременение, как сдерживающий фактор и нередко приводит

в конечном итоге к дезинтеграции образа «Я» матери, отражаясь на уровне развития ее субъектности (Пьянкова, Хомичева, 2017). Выход из этого противоречия семьи находят в постоянном поиске баланса между интересами всех членов семьи, как это было установлено в исследовании М. Карбайнс, А. Дикинсон, Б. Мак-Кензи-Грин (Carbines M., Dickinson A., McKenzie-Green B.). Поначалу эта непростая задача требует у молодых родителей немало усилий и времени, но затем переключение между сферами потребностей ребенка, родителей, мужа и жены как супружеской пары и семьи в целом становится все более гармоничным и естественным (Carbines, Dickinson, McKenzie-Green, 2017). Со временем молодые родители, прошедшие вместе через сложные этапы родительства, признают, что именно рождение ребенка сплотило их и сделало по-настоящему близкими друг другу людьми, семьей в истинном понимании этого слова (Darvill, Skirton, Farrand, 2010).

Рольевые конфликты, как и дихотомии «семья-карьера», «материнство-профессионализм», «ответственность-жертвенность» в сознании современной женщины не являются обязательными атрибутами родительства. Так, в исследовании Ю.С. Газизовой на масштабной выборке мужчин и женщин в возрасте от 16 до 75 лет были выделены две модели, репрезентирующие образ матери. Первая включает признаки матери как активного социального субъекта, обладающего высоким уровнем саморегуляции, стремящегося к самоактуализации в разных сферах жизнедеятельности — профессиональной, общественной, семейной, творческой. Материнство, в данном случае, не только включается в личностную сферу женщины, но и реализуется относительно бесконфликтно с выполнением других ролей. То есть, женщина не только ничего не теряет из-за рождения и воспитания детей, а наоборот, приобретает, наращивая свой потенциал не только родительский, но и профессиональный. Вторая модель, названная автором «семейно-ориентированной», описывает мать как субъекта межличностных и внутрисемейных отношений, прежде всего, детско-родительских. Таким образом, «ядро» первой модели составляют социальные функции женщины-матери, а второй — самореализация в материнстве (Газизова, 2014). Это согласуется с позицией А.В. Левченко и Е.В. Галкиной, отмечающими, что современный родитель, в том числе потенциальный, не перестает стремиться к собственному развитию, полноте и насыщенности жизни, расширению социальных контактов и укреплению существующих. Появление детей может не препятствовать, а наобо-

рот, способствовать карьерным и личностным достижениям. Появление в репертуаре женщины роли матери выступает очередным вызовом системе ее ценностей, служа своеобразным индикатором происходящих изменений (Левченко, Галкина, 2013). Во многом эта ролевая динамика у российских женщин определяется спецификой их семейной истории. С помощью метода многопоколенной семейной генограммы С.А. Векилова, И.С. Клецина, Г.В. Семенова определили, что от поколения к поколению статус женщины в семье укрепляется, постепенно превращая ее в главный персонаж, о чем свидетельствует переход от центрации на репродуктивной функции и материнской роли в рамках семьи к доминированию субъектных черт женщины и ее активности во внесемейной, профессиональной сфере, которая становится неотъемлемой частью жизни женщины. И хотя еще далеко до гендерного равноправия, авторы отмечают положительную динамику в сближении ролей женщин и мужчин как результат преодоления гендерной асимметрии, свойственный прауродителям (Векилова, Клецина, Семенова, 2018).

Материнское самопостижение и самооценивание

По мнению Н.Н. Васягиной и Е.Н. Рыбаковой, в структуре самосознания матери, помимо самоотношения, следует также выделять самопостижение — непрерывный процесс и результат накопления, углубления, уточнения, расширения представлений о себе как матери, и самореализацию — процесс организации и регуляции материнского поведения, формирования и воплощения стилистики взаимодействия с ребенком (Васягина, Рыбакова, 2007). Самосознание матери раскрывается одновременно, и как сложное синтетическое образование, опосредующее ее самоотношение, и как процесс, направленный на построение и постижение эмоционально-ценностного образа «Я-мать», опосредующего ее поведение в детско-родительских отношениях (Васягина, 2010). В исследовании С. Рейс, Д. Яковвиц, К. Джордж, посвященном материнству на этапе младенчества, показано, что самооценка матери зависит от субъективного опыта переживания родов и влияет на описания, которые давали женщины своим детям: если оценка себя была достаточно высокой, преобладали позитивные характеристики, приписываемые младенцу (Reisz, Jacobvitz, George, 2015). Отношение женщины к своему ребенку может оказывать существенное влияние на формирование надежной привязанности. К. Дюбуа-Комтуа, К. Сир, Э. Мосс, высказывают мнение, что привязанность может влиять на физическое

здоровье ребенка, особенно мужского пола (Dubois-Comtois, Cyr, Moss, 2011). М.А. Истербрукс, Дж. Ф. Бюро, К. Лайонс-Рут выявили, что эмоциональная доступность матери, ее открытость и отсутствие враждебности в общении с ребенком в младенчестве имеет долгосрочные последствия: в школьном возрасте она уменьшает вероятность девиантного поведения и депрессивных эпизодов (Easterbrooks, Bureau, Lyons-Ruth, 2012).

Итогом углубления самопонимания, при удовлетворенности родительством, выступает готовность к делегированию ответственности за ребенка другим взрослым и возвращение к удовлетворению своих собственных потребностей, за пределами родительства (Klein, Kraft, Shohet, 2010). По достижению ребенком дошкольного возраста к этим позитивным изменениям добавляются более развитые умения воздействовать на эмоциональное состояние ребенка, оперативность в решении задач, гибкость поведения, уверенность в себе, стрессоустойчивость, уравновешенность (Захарова, Калачева, 2012). У женщин, воспитывающих детей раннего возраста, удовлетворенность материнством повышает принятие совершенного ценностного выбора (Еремина, 2015), преобразованная иерархия потребностей (Carbines, Dickinson, McKenzie-Green, 2017), позитивный эмоциональный настрой, более полное принятие себя как родителя (Захарова, Калачева, 2012). Происходят конструктивные изменения и в более широком масштабе: в этот период особое значение приобретает социальный контекст реализации родительской роли, укрепляется система семейных и других межличностных отношений (Darvill, Skirton, Farrand, 2010; Negron, Martin, Almog, Balbierz, Howell, 2013), активно создается новая коммуникативная среда (Klein, Kraft, Shohet, 2010; Dubois-Comtois, Cyr, Moss, 2011; Котлярова, 2014; Тихомирова, Уманская, 2016).

Представления о благополучном и неблагополучном материнстве

Матери значимо чаще ориентированы на ценности, связанные с семьей, у отцов кроме этого важными компонентами благополучия являются успешная карьера и материальное благосостояние (Собкина, Халутина, 2017). Стремление матерей к укреплению межличностной близости, склонность к кооперативности, соучастию в жизни ребенка, сохраняется в младшем школьном и подростковом возрасте (Аликин, Лукьянченко, 2012). В период отрочества позитивное влияние на благополучие матери и ребенка оказывает от-

крытость и совместность обсуждения и осмысления подростковых проблем (Horstman, Maliski, Hays, Cox, Enderle, Nelson, 2016) и, чем старше становится ребенок, тем больший личностный смысл мать вкладывает в общение с ним, не боясь выглядеть уязвимой, тем большую взаимность она получает (McLean, Morrison-Cohen, 2013). В дальнейшем важной задачей для матерей является принятие необходимости отделения ребенка от родительской семьи, физической и эмоциональной сепарации с ним. Этот процесс смягчает то, что окончание подросткового возраста у ребенка и его переход к юности знаменует изменения в детско-родительских отношениях: они становятся менее конфликтными, более согласованными. В исследовании М.Е. Пермяковой и М.А. Муртазиной была обнаружена связь между уровнем субъективного благополучия детей 17–22 лет и их матерей. Авторы трактовали данный результат, используя формулировку «у счастливых матерей вырастают счастливые дети» (Пермякова, Муртазина, 2016). Однако полагаем, что факт взаимосвязи дает возможность считать справедливой и обратную формулировку: матери счастливы тогда, когда счастливы их дети. И здесь опять требуется проявление гибкости и стрессоустойчивости со стороны матери, у которой родительство за долгие годы плотно вплелось в ролевую структуру и самосознание.

Таким образом, несмотря на то что характер отношений с ребенком и успешность его развития оказывают влияние на удовлетворенность материнством, все же наиболее сильными предикторами последнего, по мнению Е.И. Захаровой и Н.Ю. Калачева выступает отношение женщины к роли матери, позитивная оценка со стороны социального окружения, успешность реализации материнских функций, таких как воспитание, обучение, уход (Захарова, Калачева, 2012).

Заключение

В поле зрения современных исследователей, как отечественных, так и зарубежных, попадает весьма широкий спектр проблематики в области родительства. Большинство ученых рассматривает родительство как основную функцию института семьи, как единственный нормативный способ воспроизводства населения, преемственности поколений, передачи общественного опыта.

В субъективной картине материнства отражен спектр ее значений в различных масштабах бытия — от отдельного человека до общества в целом, в нее входят представления о различных сторонах

материнской роли, разнообразии в ее понимании, существующем и желаемом образе матери, факторах удовлетворенности родительством, границах материнской жертвенности. Культурные традиции, доминирующие в обществе ценностные ориентации, представления о личностной успешности, карьере, благополучии оказывают существенное влияние на субъективную картину материнства, но преобладающее значение имеют межличностные отношения в близком социальном окружении. Субъективная картина материнства представляет собой часть мироощущения и мировоззрения женщины. Она изменяется под влиянием жизненных планов и обстоятельств, многочисленных внешних и внутренних факторов.

Можно констатировать высокий исследовательский интерес к родительству и материнству в России и за рубежом. Обнаружены существенные различия в оценках и трактовках многих аспектов материнства. Трудности построения целостной и системной картины изучаемого феномена возникают и вследствие многочисленности самих подходов и эмпирических данных, что настоятельно требует расширения комплексных исследований, в том числе имеющих кросс-культурный характер, с целью выявления российской специфики обобщаемых явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аликин И.А., Лукьянченко Н.В. Нормативная динамика родительского отношения в современном обществе: возрастной и гендерный аспекты // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 4. С. 228–234.

Андрянова Е.А., Новокрещенова И.Г., Аранович И.Ю. Готовность к роли матери: медико-социологический анализ факторов формирования // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология 2011. Т. 11. Вып. 4. С. 5–12.

Борисова С.Н., Седельникова Ю.Р. Соотношение ценности материнства и психологической готовности к материнству с основными жизненными мотивами и ценностями у молодых женщин-студенток // Вестник ПГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2018. № 1. С.119–129. DOI: 10.24411/2308-7218-2018-00013

Брутман В.И., Ениколопов С.Н., Панкратова М.С. Некоторые результаты социологического и психологического обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31–36.

Валева Е.Х. Психологические особенности отношения девушки к себе как будущей матери: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Васягина Н.Н., Рыбакова Е.Н. Структурно-содержательный анализ самосознания матери // Образование и наука. 2007. № 2 (44). С. 75–84.

Васягина Н.Н. Сущностные характеристики самосознания матери // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2010. № 2. С. 181–186.

Векилова, С.А., Клецина, И.С., Семенова, Г.В. Профессиональные и семейные роли женщин в истории многопоколенной семьи // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 140–150. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.13

Газизова Ю.С. Модели репрезентации образа матери в российской ментальности // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 9. С. 190–197.

Галайтинова С.И., Кутушева Р.Р., Гумерова Р.Б. Психологическая готовность беременных женщин к родительству // *Российский гуманитарный журнал*. 2016. № 2. С. 243–250. DOI: 10.5643/libartrus-2016.2.13

Грицкевич Н.К., Долгих А.А., Большунова Н.Я. Психологическая характеристика системы ценностей женщины-матери // *Вестник ТГПУ*. 2015. № 3 (156). С. 14–18.

Гунзунова Б.А. Взаимосвязь психологической готовности к материнству и эмоциональных особенностей беременных женщин // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «Психология». 2019. Т. 28. С. 3–11. DOI: 10.26516/2304-1226.2019.28.3

Гурьянова Т.А. Особенности образа себя как матери и образа ребенка у женщин с разным типом психологической готовности к материнству // *Вестник Барнаульского государственного педагогического университета*. 2004. № 4–1. С. 43–53.

Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н., Потокина А.М. Специфика материнских установок женщин, имеющих детей в возрасте от 5 до 7 лет // *Вестник ОГУ*. 2018. № 5 (217). С. 94–99.

Еремина Ю.А. Доминирующие копинг-стратегии матери, воспитывающей ребенка раннего возраста // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 11 (164). С. 77–81.

Жупиева Е.И. Особенности психологической готовности к материнству студенток // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 100–108. DOI: 10.17223/17267080/56/8

Захарова Е.И. Особенности взаимодействия матерей с детьми в условиях «позднего» материнства // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 2 (14). С. 95–99.

Захарова Е.И., Калачева Н.Ю. Условия удовлетворенности материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 1226–1233.

Казаева Е.А. Исследование особенностей послеродовой депрессии у женщин // *Психология семьи в современном мире*. 2017. С. 176–182.

Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современные модели // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 72–90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

Колесова А.О. Представления младших школьников о родительских ролях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.

Копыл О.А., Баженова О.В., Баз Л.Л. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.

Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Силина Е.А. Особенности психологического компонента гестационной доминанты, внутрисемейных отношений и родительских установок у женщин в связи с возрастом и статусом (беременные и не беременные) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 83–93. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-83-93

Котлярова М.Н. Изучение влияния социальных отношений беременных женщин на характер протекания беременности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 3 (6). С. 36–58.

Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005.

Левченко А.В., Галкина Е.В. Репродуктивная мотивация и эмоциональное состояние женщин во время беременности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4 (129). С. 130–136.

Леус Т.В. Представление женщины о себе как о матери до и после родов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л. Материнство в зеркале невротического конфликта // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. С. 91–94.

Мережников А.П., Степанова О.П. Психические состояния будущих матерей, обучающихся в вузе // Перспективы Науки и Образования. 2019. № 1 (37). С. 327–338. DOI: 10.32744/pse.2019.124

Микляева А.В., Румянцева П.В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 67–77.

Миронова С.И. Специфика психологической готовности к материнству девушек-сирот: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014.

Мордас Е.С. Психологический кризис беременности // *Akademicka psychologie*. 2017. № 1. С. 39–48.

Мягкова М.А. Психологические особенности одинокого материнства // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 151–156.

Нартова Н.А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // Женщина в российском обществе. 2016. №3 (80). С. 39–53. DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.4

Невструева Т.Х., Кон Л.Л. Представления о материнстве девушек — социальных сирот в контексте проблемы психологической готовности к материнству // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. Том 7. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).

Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М.: Институт психотерапии, 2003.

Пайнз З. Бессознательное использование своего тела женщиной (психоаналитический подход). СПб.: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К, 1997.

Пермякова М.Е., Муртазина М.А. Субъективное ощущение счастья у матерей и их детей юношеского возраста // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 1 (147). С. 85–92.

Пьянкова Л.А., Хомичева В.Е. Психологический контекст феномена материнства // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 3. С. 40–44.

Разина Н.В. Культурные основы представлений о материнстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2012. № 15 (95). С. 192–199.

Савеньшиева С.С. Отношение к материнству у современных женщин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 4. С. 45–54.

Савеньшиева С.С., Чижова В.Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2013. № 3. С. 32–41.

Смирнова Е.О., Трушкина С.В. Варианты нормативных моделей материнства у современных женщин // Социология образования. Труды по социологии образования. М.: Изд-во Института социологии образования Российской академии образования, 2011. С. 122–134.

Собкин В.С., Халутина Ю.А. Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2017. № 7 (79). С. 4–16.

Тихомирова Е.В., Уманская И.А. Женщина в ранний период материнства как объект психологического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 147–151.

Устинова Н.А. Аксиологический подход к формированию осознанного материнства // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 204–208.

Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.

Хазова С.А., Золотова И.А. Особенности гестационной доминанты женщин, не встающих на учет по беременности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 5. С. 200–205.

Якупова В.А. Психологические условия успешного освоения материнской роли // Консультативная психология и психотерапия. 2017. № 1 (95). Т. 25. С. 59–71.

Behringer, J., Reiner, I., & Spangler, G. (2011). Maternal representations of past and current attachment relationships, and emotional experience across the transition to motherhood: A longitudinal study. *Journal of Family Psychology*, 25 (2), 210–219. DOI: 10.1037/a0023083

Carbines, M., Dickinson, A., McKenzie-Green, B. (2017). The Parenting Journey: Daily Parental Management in Families with Young Children. *Comprehensive child and adolescent nursing*, 40 (4), 223–239. DOI: 10.1080/24694193.2017.1373161

Christopher, K. (2012). Extensive mothering: Employed mothers' constructions of the good mother. *Gender & Society*, 26 (1), 73–96. DOI: 10.1177/0891243211427700

Copeland, D.B., Harbaugh, B.L. (2019). "It's Hard Being a Mama": Validation of the Maternal Distress Concept in Becoming a Mother. *The Journal of Perinatal Education*, 28 (1), 28–42. DOI: 10.1891/1058-1243.28.1.28

Darvill, R., Skirton, H., Farrand, P. (2010). Psychological factors that impact on women's experiences of first-time motherhood: a qualitative study of the transition. *Midwifery*, 26 (3), 357–366. DOI: 10.1016/j.midw.2008.07.006

Dubois-Comtois, K., Cyr, C., & Moss, E. (2011). Attachment behavior and mother-child conversations as predictors of attachment representations in middle childhood: A longitudinal study. *Attachment & human development*, 13 (4), 335–357. DOI: 10.1080/14616734.2011.584455

Dubois-Comtois, K., Moss, E., Cyr, C., & Pascuzzo, K. (2013). Behavior problems in middle childhood: The predictive role of maternal distress, child attachment, and mother-child interactions. *Journal of abnormal child psychology*, 41 (8), 1311–1324. DOI: 10.1007/s10802-013-9764-6

Easterbrooks, M.A., Bureau, J.F., & Lyons-Ruth, K. (2012). Developmental correlates and predictors of emotional availability in mother-child interaction: A longitudinal study from infancy to middle childhood. *Development and psychopathology*, 24 (1), 65–78. DOI: 10.1017/S0954579411000666

England, P. (2005). Gender inequality in labor markets: The role of motherhood and segregation // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 12 (2), 264–288. DOI: 10.1093/sp/jxi014

Frech, A. & Damaske, S. (2012). The relationships between mothers' work pathways and physical and mental health. *Journal of Health and Social Behavior*, 53 (4), 396–412. DOI: 10.1177/0022146512453929

Guendouzi, J. (2006). "The guilt thing": Balancing domestic and professional roles. *Journal of Marriage and Family*, 68, 901–909. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2006.00303.x

Harwood, K., McLean, N., & Durkin, K. (2007). First-and second-time parents' couple relationship: from pregnancy to second year postpartum. *Family Science*, 6 (1), 346–355. DOI: 10.1080/19424620.2015.1075894

Henderson, A., Harmon, S., & Newman, H. (2016). The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74 (11-12), 512–526.

Horstman, H.K., Maliski, R., Hays, A., Cox, J., Enderle, A., & Nelson, L.R. (2016). Unfolding narrative meaning over time: The contributions of mother-daughter conversations of difficulty on daughter narrative sense-making and well-being. *Communication Monographs*, 83 (3), 326–348. DOI: 10.1080/03637751.2015.1068945

Howell, E.A., Mora, P., & Leventhal, H. (2006). Correlates of early postpartum depressive symptoms. *Maternal and Child Health Journal*, 10 (2), 149–157. DOI: 10.1007/s10995-005-0048-9.

Johnston, D.D., & Swanson, D.H. (2006). Constructing the “good mother”: The experience of mothering ideologies by work status. *Sex Roles*, 54, 509–519. DOI: 10.1007/s11199-006-9021-3

Klein, P.S., Kraft, R.R., & Shohet, C. (2010) Behaviour patterns in daily mother-child separations: possible opportunities for stress reduction. *Early Child Development and Care*, 180 (3), 387–396. DOI: 10.1080/03004430801943290

Kushner, K.E., Pitre, N., Williamson, D.L., Breitreuz, R., Rempel, G. (2014). Anticipating Parenthood: Women’s and Men’s Meanings, Expectations, and Idea(l)s in Canada. *Marriage & Family Review*, 50 (1), 1–34. DOI: 10.1080/01494929.2013.834026

Liss, M., Schiffrin, H.H. & Rizzo, K.M. (2013). Maternal Guilt and Shame: The Role of Self-discrepancy and Fear of Negative Evaluation. *Journal of Child and Family Studies*, 22 (8), 1112–1119. DOI: 10.1007/s10826-012-9673-2

McLean, K.C., & Morrison-Cohen, S. (2013). Moms telling tales: maternal identity development in conversations with their adolescents about the personal past. *Identity*, 13 (2), 120–139. DOI: 10.1080/15283488.2013.776498

Negron, R., Martin, A., Almog, M., Balbierz, A., & Howell, E.A. (2013). Social support during the postpartum period: mothers’ views on needs, expectations, and mobilization of support. *Maternal and child health journal*, 17 (4), 616–623. DOI: 10.1007/s10995-012-1037-4

Reisz, S., Jacobvitz, D., & George, C. (2015). Birth and motherhood: childbirth experience and mothers’ perceptions of themselves and their babies. *Infant mental health journal*, 36 (2), 167–178. DOI: 10.1002/imhj.21500

Ridgeway, C.L. & Correll, S.J. (2004). Motherhood as a status characteristic. *Journal of Social Issues*, 60 (4), 683–700. DOI: 10.1111/j.0022-4537.2004.00380.x

Walls, J.K., Helms, H.M., & Grzywacz, J.G. (2016). Intensive mothering beliefs among full-time employed mothers of infants. *Journal of Family Issues*, 37 (2), 245–269. DOI: 10.1177/0192513X13519254

REFERENCES

Alikin I.A., Luk’yanchenko N.V. (2012) The normative dynamics of parenting in modern society: age and gender aspects. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf’eva (Bulletin of KSPU named after V.P. Astaf’eva)*, 4, 228–234. (in Russ.).

Andriyanova E.A., Novokreshchenova I.G., Aranovich I.Yu. (2011) Readiness for the role of the mother: medical and sociological analysis of formation factors. *Izvestiya Saratovskogo universiteta, Sotsiologiya. Politologiya (News of Saratov University)*, 11, 4, 5–12. (in Russ.).

Behringer J., Reiner I., & Spangler G. (2011) Maternal representations of past and current attachment relationships, and emotional experience across the transition to motherhood: A longitudinal study. *Journal of Family Psychology*, 25 (2), 210–219.

Borisova S.N., Sedel’nikova Yu.R. (2018) Correlation of the value of motherhood and psychological readiness for motherhood with the main life motives and values

of young female students. *Vestnik PGGPU. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki (Bulletin of the Perm State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences)*, 1, 119–129. (in Russ.).

Brutman V.I., Enikolopov S.N., Pankratova M.S. (1994) Some results of a sociological and psychological examination of women who abandoned their newborn children. *Voprosy psikhologii (Psychology Issues)*, 5, 31–36. (in Russ.).

Carbines M., Dickinson A., McKenzie-Green B. (2017) The Parenting Journey: Daily Parental Management in Families with Young Children. *Comprehensive child and adolescent nursing*, 40 (4), 223–239.

Christopher K. (2012) Extensive mothering: Employed mothers' constructions of the good mother. *Gender & Society*, 26 (1), 73–96.

Copeland D.B., Harbaugh B.L. (2019) “It’s Hard Being a Mama”: Validation of the Maternal Distress Concept in Becoming a Mother. *The Journal of Perinatal Education*, 28 (1), 28–42.

Darvill R., Skirton H., Farrand P. (2010) Psychological factors that impact on women’s experiences of first-time motherhood: a qualitative study of the transition. *Midwifery*, 26 (3), 357–366.

Dubois-Comtois K., Cyr C., Moss E. (2011) Attachment behavior and mother-child conversations as predictors of attachment representations in middle childhood: A longitudinal study. *Attachment & human development*, 13 (4), 335–357.

Dubois-Comtois K., Moss E., Cyr C., & Pascuzzo K. (2013) Behavior problems in middle childhood: The predictive role of maternal distress, child attachment, and mother-child interactions. *Journal of abnormal child psychology*, 41 (8), 1311–1324.

Easterbrooks M.A., Bureau J.F., & Lyons-Ruth K. (2012) Developmental correlates and predictors of emotional availability in mother-child interaction: A longitudinal study from infancy to middle childhood. *Development and psychopathology*, 24 (1), 65–78.

England P. (2005) Gender inequality in labor markets: The role of motherhood and segregation. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 12 (2), 264–288.

Epanchintseva G.A., Kozlovskaya T.N., Potokina A.M. (2018) Specificity of maternal attitudes of women with children aged 5 to 7 years. *Vestnik OGU (OGU Bulletin)*, 5 (217), 94–99. (in Russ.).

Eremina Yu.A. (2015) Dominant coping strategies of a mother raising a young child. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Tomsk State Pedagogical University)*, 11 (164), 77–81. (in Russ.).

Filippova G.G. (2002) *Psychology of motherhood: textbook*. Moscow: Izd-vo Instituta Psihoterapii. (in Russ.).

Frech A. & Damaske S. (2012) The relationships between mothers’ work pathways and physical and mental health. *Journal of Health and Social Behavior*, 53 (4), 396–412.

Galyautdinova S.I., Kutusheva R.R., Gumerova R.B. (2016) Psychological readiness of pregnant women for parenthood. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal (Russian Humanitarian Journal)*, 2, 243–250. (in Russ.).

Gazizova Yu.S. (2014) Models for representing the image of the mother in the Russian mentality. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia)*, 9, 190–197. (in Russ.).

Gritskevich N.K., Dolgikh A.A., Bol'shunova N. Ya. (2015) Psychological characteristic of a woman's mother system of values. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*, 3 (156), 14–18. (in Russ.).

Guendouzi J. (2006) “The guilt thing”: Balancing domestic and professional roles. *Journal of Marriage and Family*, 68, 901–909.

Gunzunova B.A. (2019) Interrelation of psychological readiness for motherhood and emotional characteristics of pregnant women. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Psikhologiya” (News of Irkutsk State University. Part “Psychology”)*, 28, 3–11. (in Russ.).

Gur'yanova T.A. (2004) Features of the image of oneself as a mother and the image of a child in women with different types of psychological readiness for motherhood. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Barnaul State Pedagogical University)*, 4-1, 43–53. (in Russ.).

Harwood K., McLean N., Durkin K. (2007) First-and second-time parents' couple relationship: from pregnancy to second year postpartum. *Family Science*, 6(1), 346–355.

Henderson A., Harmon S., Newman H. (2016) The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74 (11–12), 512–526.

Horstman H.K., Maliski R., Hays A., Cox J., Enderle A., Nelson L. R. (2016) Unfolding narrative meaning over time: The contributions of mother-daughter conversations of difficulty on daughter narrative sense-making and well-being. *Communication Monographs*, 83 (3), 326–348.

Howell E.A., Mora P., Leventhal H. (2006) Correlates of early postpartum depressive symptoms. *Maternal and Child Health Journal*, 10 (2), 149–157.

Johnston D.D., Swanson D.H. (2006) Constructing the “good mother”: The experience of mothering ideologies by work status. *Sex Roles*, 54, 509–519.

Kazaeva E.A. (2017) Study of the features of postpartum depression in women. *Psikhologiya sem'i v sovremennom mire (Family Psychology in the modern world)*, 176–182. (in Russ.).

Khazova S.A., Zolotova I.A. (2009) Features of the gestational dominant of women who do not register for pregnancy. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika (Bulletin KSU n.b. N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics)*, 15, 5, 200–205. (in Russ.).

Klein P.S., Kraft R.R., Shohet C. (2010) Behaviour patterns in daily mother-child separations: possible opportunities for stress reduction. *Early Child Development and Care*, 180 (3), 387–396.

Kletsina I.S., Ioffe E.V. (2019) The norms of female behavior: traditional and contemporary models. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian Society)*, 3, 72–90. (in Russ.).

Kolesova A.O. (2011) Predstavleniya mladshikh shkol'nikov o roditel'skikh rolyakh Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. (Representations of elementary school students about parental roles (PHd) Thesis). Saint Petersburg (in Russ.).

Kopyl O.A., Bazhenova O.V., Baz L.L. (1993) Preparedness for motherhood: identification of factors, psychological risk conditions for the future development of the child. *Sinaps (Synapse)*, 4, 35–42. (in Russ.).

Kornienko D.S., Radosteva A.G., Silina E.A. (2019) Features of the psychological component of the gestational dominant, family relationships and parental attitudes in women in connection with age and status (pregnant and non-pregnant). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya (Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology)*, 1, 83–93. (in Russ.).

Kotlyarova M.N. (2014) Studying the influence of social relations of pregnant women on the nature of pregnancy. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie (Personality in a changing world: health, adaptation, development)*, 3 (6), 36–58. (in Russ.).

Kryukova T.L., Saporovskaya M.V., Kuftyak E.V. (2005) *Family psychology: life difficulties and coping with them*. Saint Petersburg: Rech'. (in Russ.).

Kushner K.E., Pitre N., Williamson D.L., Breikreuz R., Rempel G. (2014) Anticipating Parenthood: Women's and Men's Meanings, Expectations, and Ideals in Canada. *Marriage & Family Review*, 50 (1), 1–34.

Leus T.V. (2001) Predstavlenie zhenshchiny o sebe kak o materi do i posle rodov. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk (Woman's self-image as a mother before and after childbirth) (PHd) Thesis. Moscow (in Russ.).

Levchenko A.V., Galkina E.V. (2013) Reproductive motivation and emotional state of women during pregnancy. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya (Bulletin of the Adygea State University. Part 3: Pedagogy and Psychology)*, 4 (129), 130–136. (in Russ.).

Liss M., Schiffrin H.H., Rizzo K.M. (2013) Maternal Guilt and Shame: The Role of Self-discrepancy and Fear of Negative Evaluation. *Journal of Child and Family Studies*, 22 (8), 1112–1119.

Mamysheva N.L., Shelekhov I.L. (2005) Maternity in the mirror of a neurotic conflict. *Vestnik TGPU (Bulletin TSPU)*, 1, 91–94. (in Russ.).

McLean K.C., Morrison-Cohen S. (2013) Moms telling tales: maternal identity development in conversations with their adolescents about the personal past. *Identity*, 13 (2), 120–139.

Merezhnikov A.P., Stepanova O.P. (2019) Mental conditions of expectant mothers studying at the university. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya (Prospects for Science and Education)*, 1 (37), 327–338. (in Russ.).

Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. (2018) “#SheIsAMother”: implicit social ideas about motherhood in modern Russian Internet discourse. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian society)*, 1 (86), 67–77. (in Russ.).

Mironova S.I. (2014) Spetsifika psikhologicheskoi gotovnosti k materinstvu devushek-sirot. Avtoref. diss... kand. psikhol. nauk (Specificity of psychological readiness for motherhood of orphaned girls (PHd) Thesis). Moscow. (in Russ.).

Mordas E.S. (2017) Psychological pregnancy crisis. *Akademicka psychologie (Akademicka psychologie)*, 1, 39–48. (in Russ.).

Myagkova M.A. (2011) Psychological features of single motherhood. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Surgut State Pedagogical University)*, 4, 151–156. (in Russ.).

Nartova N.A. (2016) Motherhood in contemporary Western sociological debate. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian Society)*, 3 (80), 39–53. (in Russ.).

Negron R., Martin A., Almog M., Balbierz A., Howell E.A. (2013) Social support during the postpartum period: mothers' views on needs, expectations, and mobilization of support. *Maternal and child health journal*, 17 (4), 616–623.

Nevstrueva T.Kh., Kon L.L. (2019) The concept of motherhood of girls-social orphans in the context of the problem of psychological readiness for motherhood. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and psychology)*, 4, 7. (Retrieved from <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf> (review date: 27.06.2020) (in Russ.).

Ovcharova R.V. (2003) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie roditel'stva (Psychological support of parenthood)*, Moscow: Izd-vo Instituta Psihoterapii. (in Russ.).

Painz Z. (1997) *Unconscious use of your body by a woman (psychoanalytic approach)*. Saint Petersburg: sovместnoe izdanie Vostochno-Evropejskogo instituta psihoanaliza i B.S.K. (in Russ.).

Permyakova M.E., Murtazina M.A. (2016) Subjective feeling of happiness in mothers and their young children. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury (News of the Ural Federal University. Problems of education, science and culture)*, 1 (147), 85–92. (in Russ.).

P'yankova L.A., Khomicheva V.E. (2017) Psychological context of the phenomenon of motherhood. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika (Society: sociology, psychology, pedagogy)*, 3, 40–44. (in Russ.).

Razina N.V. (2012) The cultural foundations of ideas about motherhood. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" (Bulletin of the RSUH. Series "Psychology. Pedagogy. Education")*, 15 (95), 192–199. (in Russ.).

Reisz S., Jacobvitz D., George C. (2015) Birth and motherhood: childbirth experience and mothers' perceptions of themselves and their babies. *Infant mental health journal*, 36 (2), 167–178.

Ridgeway C.L., Correll S.J. (2004) Motherhood as a status characteristic. *Journal of Social Issues*, 60 (4), 683–700.

Savenysheva S.S. (2008) Attitude to motherhood in modern women. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Sociology)*, 4, 45–54. (in Russ.).

Savenysheva S.S., Chizhova V.F. (2013) Maternal attitude as a factor in the mental development of a young child. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sotsiologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Sociology)*, 3, 32–41. (in Russ.).

Smirnova E.O., Trushkina S.V. (2011) *Variants of normative models of motherhood in modern women*. Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya (pp. 122–134). Moscow: Izdatel'stvo Instituta sociologii obrazovaniya (in Russ.).

Sobkin V.S., Khalutina Yu.A. (2017) Values of parents on the upbringing of children of senior preschool age and their relationship with parenting styles. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika (Modern Preschool Education. Theory and practice)*, 7 (79), 4–16. (in Russ.).

Tikhomirova E.V., Umanskaya I.A. (2016) Woman in the early period of motherhood as an object of psychological research. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, 4, 147–151. (in Russ.).

Ustinova N.A. (2015) Axiological approach to the formation of conscious motherhood. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical education in Russia)*, 6, 204–208. (in Russ.).

Valeeva E.Kh. (2006) *Psikhologicheskie osobennosti otnosheniya devushki k sebe kak budushchei materi*. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. (Psychological features of a girl's attitude to herself as a future mother (PhD), Moscow (in Russ.).

Vasjagina N.N., Rybakova E.N. (2007) Structural and meaningful analysis of the self-awareness of the material. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 2, 44, 75–84. (in Russ.).

Vasjagina N.N. (2010) Essential characteristics of self-awareness of the material. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy (Scientific problems of humanitarian research)*, 2, 181–186. (in Russ.).

Vekilova S.A., Kletsina I.S., Semenova G.V. (2018) Professional and family roles of females of the history of miltygenerational family. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian Society)*, 4, 140–150. (in Russ.).

Walls J.K., Helms H.M., Grzywacz J.G. (2016) Intensive mothering beliefs among full-time employed mothers of infants. *Journal of Family Issues*, 37 (2), 245–269.

Yakupova V.A. (2017) Psychological conditions for the successful development of the maternal role. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Advisory Psychology and Psychotherapy)*, 1 (95), 25, 59–71. (in Russ.).

Zakharova E.I. (2014) Features of the interaction of mothers with children in the conditions of «late» motherhood. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 2 (14), 95–99. (in Russ.).

Zakharova E.I., Kalacheva N.Yu. (2012) Conditions for satisfaction with maternity of women with children of early and preschool age. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo (News of PSPU n. b. V.G. Belinsky)*, 28, 1226–1233. (in Russ.).

Zhupieva E.I. (2015) Peculiarities of psychological readiness for motherhood of students. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 56, 100–108. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Леонид Васильевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: leon-piter@mail.ru

Малёнова Арина Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия. E-mail: malyonova@mail.ru

Потапова Юлия Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Омского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, Омск, Россия. E-mail: kardova.jv@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Kulikov Leonid Vasilevich — Doctor of Psychology, Professor, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: leon-piter@mail.ru

Malyonova Arina Yurievna — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. E-mail: malyonova@mail.ru

Potapova Yulia Viktorovna — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk State Medical University, Omsk, Russia. E-mail: kardova.jv@gmail.com

УДК: 159.922

doi: 10.11621/vsp.2020.04.08

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ СЛОВЕСНОГО И СЛОГОВОГО ВАРИАНТОВ ТЕСТА ДИХОТИЧЕСКОГО ПРОСЛУШИВАНИЯ

Т.С. Муромцева*, М.С. Ковязина

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

* Для контактов. E-mail: startamara92@mail.ru

Актуальность. В статье поднимается важная и актуальная для нейрпсихологии проблема развития и усовершенствования ее методического инструментария с целью решения научных и практических задач. Анализируются слоговой и словесный варианты дихотического прослушивания, рассматривается их различная функциональная направленность, демонстрируется актуальность развития методики дихотического прослушивания. Впервые в российской нейрпсихологии предлагается авторский слоговой тест, созданный с учетом фонетических особенностей русского языка.

Цели исследования. Сравнение эквивалентности двух вариантов дихотического прослушивания: словесного варианта, апробированного Б.С. Котик, с двумя вариантами согласного-гласного слогового теста.

Методы. В исследовании приняли участие две группы респондентов. Первая группа участников исследования ($N_{\text{количество}} = 88$; $M_{\text{возраст}} = 21,08$; $SD = 2,32$) выполняла словесный вариант и первый вариант слогового теста. Участникам второй группы ($N_{\text{количество}} = 44$; $M_{\text{возраст}} = 24,52$; $SD = 1,86$) предъявлялся словесный тест и второй вариант слогового дихотического прослушивания.

Результаты. Результаты подтверждают наличие различий между словесным тестом и двумя вариантами слогового теста. Различия и неэквивалентность слогового и словесного вариантов методики по коэффициентам правого уха ($K_{пу}$) и коэффициентам продуктивности (общий $K_{пр}$ и $K_{пр}$ правого и левого ушей) усиливаются по мере усовершенствования и модификации стимульного материала слогового дихотического прослушивания. Показано увеличение преимущества правого уха ($K_{пу}$) и снижение продуктивности выполнения ($K_{пр}$) при нарастании влияния рабочей памяти на результаты дихотического прослушивания.

Выводы. Словесный и слоговой варианты дихотического прослушивания оказались неэквивалентными методиками, направленными на исследование различных функциональных аспектов межполушарной асимметрии в слухоречевой сфере.

Ключевые слова: межполушарная асимметрия, нейропсихологические методики, дихотическое прослушивание согласно-гласный слоговой тест, словесный тест, рабочая память, top-down процессы, bottom-up процессы.

Для цитирования: Муромцева Т.С., Ковязина М.С. Эквивалентность словесного и слогового вариантов теста дихотического прослушивания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 168–186. doi: 10.11621/vsp.2020.04.08

Поступила в редакцию: 18.06.2020 / Принята к публикации: 23.07.2020

EQUIVALENCE OF WORD TEST AND CONSONANT-VOWEL SYLLABLES TEST OF DICHOTIC LISTENING

Tamara S. Muromtseva*, **Mariya S. Kovyazina**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Corresponding author*. E-mail: startamara92@mail.ru

Relevance. Development and improvement of methodological tools to solve scientific and practical problems is an important issue in modern neuropsychology. This study examines consonant-vowel (CV) syllable test and word test, considers their different functional orientation and shows relevance of the dichotic listening task development. For the first time in Russian neuropsychology the authors developed the dichotic listening consonant-vowel syllables test taking into account the phonetic features of the Russian language.

Objective. Comparison of the equivalence of two dichotic listening tests: the word test that was first tested by B. S. Kotik and the two CV-syllable dichotic listening tests.

Method. Two groups of respondents participated in the study. The first group of the participants (N = 88; M = 21.08; SD = 2.32) performed the word test and the first CV-syllable test. Participants of the second group (N = 44; M = 24.52; SD = 1.86) were presented with the word test and the second version of CV-syllable dichotic listening test.

Results. The results confirmed the differences between the word test and the two CV-syllable dichotic listening tests. The differences and nonequivalence of the word test and the CV-syllable tests in laterality index (LI) and productivity coefficients (general productivity, right- and left-ear accuracy scores) are amplified as the stimulus material of CV-syllable dichotic listening is improved and modified. The increase of the load on working memory enhances right ear advantage (LI) and reduces performance with an increase in the influence of working memory on the results of dichotic listening.

Conclusion. The study shows nonequivalence of the word test and the CV-syllable tests and their different functional orientation for the estimation of hemispheric specialization in audio-verbal domain.

Keywords: hemispheric asymmetry, neuropsychological techniques, dichotic listening, consonant-vowel syllable test, words test, working memory, top-down process, bottom-up process.

For citation: Muromtseva, T.S., Kovyazina, M.S. (2020) The risks of information socialization as a manifestation crisis of modern childhood. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 168–186. doi: 10.11621/vsp.2020.04.08

Received: June 18, 2020 / Accepted: July 23, 2020

Введение

Дихотическое прослушивание (дихотика) является неинвазивным методом определения функциональной специализации полушарий и межполушарной асимметрии в слухоречевой сфере (Westerhausen, 2019; de Bodea и др., 2007).

Суть методики дихотического прослушивания заключается в билатеральном предъявлении разных акустических стимулов одновременно (один стимул предъявляется на правое ухо, другой стимул — на левое) (Bryden, 1988; Westerhausen, Kompus, 2018). Участников исследования просят определять и сообщать услышанные стимулы. При предъявлении вербальных стимулов (например, слов или слогов) у респондентов наблюдается преимущество правого уха, которое, согласно различным теоретическим моделям, отражает левополушарную организацию речи.

В качестве стимульного материала в различных дихотических тестах используются цифры (Kimura, 1961a, 1961b), односложные слова (Sparks, Geschwind, 1968; Strauss и др., 1987; Wexler, Halwes, 1983)

и бессмысленные слоги (Shankweiler, Studdert-Kennedy, 1975). В различных исследованиях для разных вариантов дихотического прослушивания была получена хорошая или достаточная валидность и надежность. Однако сравнительный анализ разных вариантов дихотического прослушивания, созданных с использованием различного стимульного материала, показал, что получаемые с их помощью результаты нельзя использовать взаимозаменяемо (Westerhausen, 2019).

Так, Векслер и Халвес (Wexler, Halwes, 1985) получили низкую корреляцию ($r = 0,15$) между Кпу (индексами латерализации) слогового варианта дихотического прослушивания (гласный — согласный — гласный слоговой тест) и теста рифмованных слов на одних и тех же участниках. При этом надежность, устойчивость была высокой для обоих тестов (для слогового варианта $r = 0,90$ и для словесного варианта $r = 0,89$). Несмотря на наличие побочных факторов, которые могли повлиять на результаты (тесты дихотического прослушивания различались не только типом стимула, но и форматом ответа, степенью межканального «перекрытия» стимулов), основная интерпретация низкой взаимной корреляции заключается в том, что эти два теста оценивают различные этапы обработки речи. При сопоставлении воспринимаемых речевых сообщений с семантическими представлениями (Hickok, Poeppel, 2007) бессмысленные слоги могут различаться на более ранней стадии обработки, чем рифмующиеся слова. В свою очередь, различные этапы обработки, вероятно, связаны с различной степенью полушарных различий в данном процессе (Specht, 2014), что потенциально приводит к слабокоррелированным Кпу.

Кроме того, низкая корреляция между разными тестами дихотического прослушивания может объясняться влиянием bottom-up и top-down процессов на межполушарную асимметрию при обработке стимулов различных дихотических тестов. Bottom-up процессы связаны с механизмами восприятия слуховой информации (например, с природой воспринимаемых стимулов (акустико-фонетическими свойствами слогов) и анатомией восходящих слуховых путей), а top-down процессы — с влиянием когнитивных факторов, например, внимания и рабочей памяти (Hugdahl, Westerhausen, 2016).

В целом Вестехаузен и соавт. (Westerhausen и др., 2013) вслед за другими исследователями (Hiscock, Kinsbourne, 2011) предлагает

рассматривать процесс переработки дихотических стимулов, как двухэтапный: с начальной стадией «bottom-up», ведущей к «взвешиванию» представлений двух дихотических стимулов в рабочей памяти, и более поздней стадией («top-down»), характеризующейся когнитивно-контрольными процессами для выполнения заданных задачей инструкций. Пары стимулов, плохо сливающиеся в единый звуковой образ, по сравнению с парами стимулов, образующими единый звуковой образ, обеспечивают более неоднозначное представление стимулов после первой стадии, что приводит к более высокой вовлеченности когнитивно-контрольных процессов на второй стадии обработки.

В России широко используется словесная версия теста, апробированная Б.С. Котик (1974). Данная версия дихотического прослушивания создана аналогично классическому варианту дихотики (Kimura, 1961a, 1961b), где участникам исследования в каждой пробе одновременно на разные уши предъявляют 4 пары стимулов. Данный вариант словесной дихотики, по существу, является парадигмой рабочей памяти и показывает влияние когнитивных top-down эффектов на полушарную асимметрию при восприятии речевых звуков (Penner и др., 2009; Hugdahl, Westerhausen, 2016).

В тоже время влияние bottom-up процессов на аудиовербальную межполушарную асимметрию отчетливо прослеживается в слоговом варианте дихотического прослушивания, в котором участникам исследования предъявляется одна стимульная пара и необходимо сообщить лучше воспринятый стимул (Shankweiler, Studdert-Kennedy 1970; Hugdahl, Westerhausen, 2016).

Целью предлагаемого исследования является сравнение эквивалентности двух вариантов дихотического прослушивания: словесного варианта, апробированного Б.С. Котик (1974), с двумя вариантами слогового теста (Муромцева, Ковязина, 2019; Ковязина и соавт., 2019).

Задача исследования: продемонстрировать различную функциональную направленность слогового и словесного вариантов теста.

Гипотеза исследования: если слоговой и словесный варианты дихотического прослушивания измеряют разные аспекты межполушарной асимметрии в слухоречевой сфере и являются неэквивалентными методиками, то обнаружатся значимые различия по основным коэффициентам дихотики (коэффициенту правого уха и коэффициенту продуктивности).

Методы

Участники исследования

В исследование вошли две группы участников. Первую группу составили 88 участников исследования (44 мужчины и 44 женщины) в возрасте от 18 до 29 лет ($M = 21,08$; $SD = 2,32$). Вторая группа состояла из 44 участников исследования (23 мужчины и 21 женщина) в возрасте от 20 до 38 лет ($M = 24,52$; $SD = 1,86$). Кроме того, из первой группы участников была сформирована группа сравнения из 44 человек со второй группой в соответствии с полом (23 мужчины и 21 женщина) и возрастом ($M = 22,48$; $SD = 2,2$).

Все участники исследования были праворукими и не имели проблем со слухом по заключению врача-оториноларинголога.

Описание методик

Адаптированный **словесный вариант** дихотического прослушивания (Котик, 1974) состоял из 18 серий слов. Каждое предъявление включало 4 дихотические пары, между которыми присутствовали 20-секундные паузы. Инструкция звучала следующим образом: «Сейчас Вам в оба уха будут предъявляться слова, в каждое ухо — разные. Когда будет пауза, говорите мне все, что услышали. Старайтесь не концентрироваться на каком-то одном ухе». Сначала проводилось пробное предъявление 2-х первых серий, после которых регулировалась громкость. Фиксировались все ответы участника.

Первый слоговой вариант дихотического прослушивания был создан авторами статьи на ноутбуке Apple MacBook Pro (с операционной системой XYousemite) в программе Garageband. Слоговая аудиодорожка была записана электронным голосом «Милена». В окончательный вариант методики вошли сочетания согласных звуков в стимульных парах (м-л/р-л/м-н/п-т/п-к/т-к/ц-с) с употреблением гласных а/э/о/у как наиболее частотных. Разные дихотические пары слов предъявлялись разное количество раз в стимульном материале (например, пара /мили/ предъявлялась 2 раза, а пара /мана/ 6 раз), а также в некоторых случаях в дихотические пары были включены согласные с разными гласными (/току/, /поту/, /молу/). Всего было предъявлено 100 пар слогов.

Слоги подобраны с опорой на мнение экспертов-фонетистов и анализ соответствующей профессиональной литературы. При создании слогового теста учитывалась схожесть согласных в слоговой паре по акустическим «ключам». Акустические ключи — это

акустические характеристики, «...которые использует человек для соотнесения того или иного отрезка сигнала с определенным звукотипом» (Князев, Пожарицкая, 2011, с. 118). Так, согласные, характеризующиеся одинаковым способом артикуляции, обладают большим количеством сходных акустических «ключей», чем согласные с разной артикуляцией.

С учетом данных М. Стаддерт-Кеннеди и Д. Шанквеллер в стимульный материал были включены только открытые слоги (Shankweiler, Studdert-Kennedy, 1970). Стоит отметить, что в дихотическую пару одновременно не ставились глухой и звонкий согласные, так как было показано (Arciuli, 2010), что слоги с глухими согласными лучше и чаще сообщаются вне зависимости от того, на какое ухо они были предъявлены.

Время начала и интенсивность одновременного предъявления стимулов на разные слуховые каналы были выравнены, чтобы избежать побочных факторов, которые могут «смазывать» значение основных коэффициентов. Предъявляемые пары слогов были проранжированы в случайном порядке, пауза между ними составляла 2 секунды.

Инструкция была следующей: «Сейчас Вам в оба уха будут говорить слоги, в каждое ухо — разные. После каждого предъявления сообщаете все слоги, которые Вы услышали». Также проводилось пробное предъявление и фиксировались все ответы участников исследования.

Второй слоговой вариант был создан на ноутбуке Apple MacBook Pro (с операционной системой XYousemite) в программе Adobe Audition CS 2017. Слоговая аудиодорожка была записана электронным голосом «Милена». Слоги были открытыми, состоящими из согласного и гласного звуков. Были выбраны следующие согласные: звонкие взрывные согласные (б, г, д), взрывные глухие согласные (п, к, т), сонорные согласные (л, р, н, м) и фрикативные согласные (х, ф, с, ш). В дихотические пары включали согласные близкие по способу артикуляции (например, взрывные (ба-га; га-да); сонорные (ла-ра; ма-на) и т.д.). Со звонкими взрывными согласными в дихотической паре предъявлялся также слог «ва». Все согласные были предъявлены с гласной /а/. Длительность слогов варьировалась в промежутке от 425 мс до 608 мс, межстимульный интервал составил 2 секунды.

Во втором варианте слогового дихотического прослушивания стимульный материал был подобран по тем же принципам, что и

в первом варианте дихотического прослушивания (фонетические особенности постановки слогов в дихотическую пару, время начала стимулов, их интенсивность, межстимульный интервал, инструкция и тип ее предъявления) (см. выше). Однако в этот раз каждая дихотическая пара (всего их было 30 штук) предъявлялась по 3 раза. Кроме того, дихотические пары слогов были проранжированы в псевдорандомизированном порядке так, чтобы ни до, ни после, ни на правом, ни на левом ухе не повторялся один и тот же стимул, чтобы избежать влияния эффекта прайминга (Sætrevik, Hugdahl, 2007a, 2007b).

По результатам выполнения каждого варианта методики для каждого участника вычислялись следующие коэффициенты:

1. Коэффициент правого уха (Кпу; индекс латерализации):

Кпу = $\frac{D-S}{D+S} \times 100$, где D — общее количество правильно воспроизведенных стимулов, предъявлявшихся на правое ухо, S — соответственно, на левое.

2. Коэффициент продуктивности (Кпр): общий, Кпр правого уха, Кпр левого уха:

1) **Кпр общий** = $\frac{C}{OKC} \times 100$, где C — сумма верно воспроизведенных стимулов, OKC — общее количество эталонных стимулов;

2) **Кпр правого уха** = $\frac{C_R}{OKC_R} \times 100$, где C_R — сумма верно воспроизведенных стимулов с правого уха, OKC_R — количество эталонных стимулов с правого уха;

3) **Кпр левого уха** = $\frac{C_L}{OKC_L} \times 100$, где C_L — сумма верно воспроизведенных стимулов с левого уха, OKC_L — количество эталонных стимулов с левого уха.

Процедура проведения

Каждый участник выполнял словесный вариант и один из вариантов слогового дихотического прослушивания. Участникам первой группы предъявлялся словесный вариант дихотического прослушивания и первый вариант слогового теста. Участники второй группы выполняли словесный вариант и второй вариант слогового дихотического прослушивания.

Статистический анализ данных

Обработка полученных результатов осуществлялась в программе IBM SPSS.23. Для определения нормальности распределения переменных использовался критерий Шапиро–Уилка. Выявление раз-

личий между двумя зависимыми группами проводилось с помощью критерия *T-Вилкоксона*. Вариант дихотического прослушивания (слоговой или словесный) был взят в качестве независимой переменной, а Кпу, Кпр, Кпр правого уха, Кпр левого уха использованы в качестве зависимых переменных.

Различия считались достоверными при $p < 0,05$, величина эффекта вычислялась по формуле $r_{es} = \frac{Z}{\sqrt{N}}$ (см. Rosenthal, 1994), где $r = 0,1$ — маленькая величина эффекта; $r = 0,3$ — средняя величина эффекта; $r = 0,5$ — большой размер эффекта. Оценка связи проводилась с помощью коэффициентов корреляции ρ -Спирмена и r -Пирсона.

Результаты

В табл. 1 показан процент респондентов, продемонстрировавших отрицательное, нулевое и положительное значения Кпу по словесному и двум вариантам слогового дихотического прослушивания.

Таблица 1

Распределение респондентов по значениям Кпу и диапазон значений Кпу для слогового и словесного тестов

Группа	Значение Тип дихотики	Отрицательное	Нулевое	Положительное	Диапазон значений Кпу в %
		Кпу в %	Кпу в %	Кпу в %	
Первая группа (N = 88)	Словесный тест	17,05	2,27	80,68	от -43,4 до 84,91
	Первый слоговой тест	13,64	5,68	80,68	от -26,15 до 64,71
Вторая группа (N = 44)	Словесный тест	13,64	0	86,36	от -19,3 до 36,67
	Второй слоговой тест	9,09	6,82	84,09	от -8,41 до 35,19

Совпадение значений Кпу словесного теста с первым слоговым тестом для отрицательных значений Кпу равняется 20% (3 из 15); для нулевых значений Кпу — 0% (0 из 2); для положительных значений Кпу — 84,51% (60 из 71). Суммарное совпадение значений Кпу (отрицательных, нулевых, положительных) — 71,59% (63 из 88).

Совпадение значений Кпу словесного теста с вторым слоговым тестом для отрицательных значений Кпу равняется 16,67% (1 из 6); для нулевых значений Кпу — 0%; для положительных значений Кпу — 86,84% (33 из 38). Суммарное совпадение значений Кпу — 77,27% (34 из 44).

По данным двух вариантов слогового дихотического прослушивания для большей части коэффициентов не было получено нормального распределения. Для словесного теста нормальность распределения соблюдалась для всех коэффициентов (табл. 2).

Таблица 2

Значение критерия Шапиро–Уилка для различных переменных (коэффициентов)

Группа	Коэффициент	Кпу	Кпр	Кпр правого уха	Кпр левого уха
	Тип дихотики				
Первая группа (N = 88)	Словесный тест	W = 0,975; p = 0,090	W = 0,981; p = 0,229	W = 0,991; p = 0,797	W = 0,985; p = 0,398
	Первый слоговой тест	W = 0,956; p = 0,004	W = 0,923; p = 0,000	W = 0,979; p = 0,166	W = 0,965; p = 0,019
Вторая группа (N = 44)	Словесный тест	W = 0,965; p = 0,193	W = 0,952; p = 0,066	W = 0,967; p = 0,228	W = 0,954; p = 0,075
	Второй слоговой тест	W = 0,974; p = 0,423	W = 0,905; p = 0,002	W = 0,939; p = 0,022	W = 0,949; p = 0,048

Кроме того, показано среднее значение и стандартное отклонение по данным словесного и обоих вариантов слогового дихотического прослушивания для основных групп участников (см. табл. 3).

При сравнении словесного теста и первого варианта слогового дихотического прослушивания не было найдено значимых различий по *Кпу* ($Z = -1,381$; $p = 0,167$; $r_{es} = -0,15$). По *Кпр* ($Z = -6,196$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,66$), *Кпр правого уха* ($Z = -3,945$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,42$) и *Кпр левого уха* ($Z = -5,08$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,54$) были найдены значимые различия. Коэффициент корреляции Пирсона между *Кпу* первого слогового и словесного вариантов равен $r = 0,279$, $p = 0,008$, а коэффициент корреляции Спирмана $\rho = 0,218$, $p = 0,042$.

**Средние значения (M) и стандартные отклонения (SD)
 по Кпу, Кпр, Кпр правого уха и Кпр левого уха для слогового
 и словесного вариантов дихотического прослушивания**

Группа	Коэффициент	Кпу	Кпр	Кпр правого уха	Кпр левого уха
	Тип дихотики				
Первая группа (N = 88)	Словесный тест	M = 18,79; SD = 20,81	M = 43,53; SD = 5,07	M = 51,54; SD = 9,75	M = 35,52; SD = 10,4
	Первый слоговой тест	M = 14,55; SD = 17,14	M = 51,19; SD = 9,63	M = 58,39; SD = 12,4	M = 43,98; SD = 12,96
Вторая группа (N = 44)	Словесный тест	M = 15,68; SD = 13,96	M = 44,92; SD = 5,11	M = 52,38; SD = 9,59	M = 38,24; SD = 7,88
	Второй слоговой тест	M = 10,57; SD = 10,03	M = 59,32; SD = 9,84	M = 65,38; SD = 11,03	M = 53,23; SD = 11,78
Группа срав- нения (N = 44)	Словесный тест	M = 20,20; SD = 23,32	M = 43,33; SD = 4,21	M = 51,84; SD = 9,91	M = 34,83; SD = 11,32
	Первый слоговой тест	M = 15,86; SD = 18,18	M = 49,86; SD = 9,02	M = 57,72; SD = 12,95	M = 42,00 SD = 12,15

Между словесным вариантом и вторым вариантом слогового дихотического прослушивания были выявлены значимые различия по всем коэффициентам: по *Кпу* ($Z = -2,066$; $p = 0,039$; $r_{es} = -0,31$), по *Кпр* ($Z = -5,765$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,87$), по *Кпр правого уха* ($Z = -4,878$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,74$) и по *Кпр левого уха* ($Z = -5,473$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,83$). Коэффициент корреляции Пирсона между *Кпу* второго слогового и словесного вариантов равен $r = 0,188$, $p = 0,222$, а коэффициент корреляции Спирмана $\rho = 0,165$, $p = 0,285$.

При сравнении одного и того же словесного варианта дихотического прослушивания, которое выполнили две разных группы участников, не было найдено значимых различий по *Кпу* ($Z = -1,039$; $p = 0,299$; $r_{es} = -0,16$), *Кпр* ($Z = -1,819$; $p = 0,069$; $r_{es} = -0,27$), *Кпр правого уха* ($Z = -0,056$; $p = 0,955$; $r_{es} = -0,008$) и *Кпр левого уха* ($Z = -1,47$; $p = 0,141$; $r_{es} = -0,22$).

При сравнении первого и второго слогового тестов, которые так же выполняли различные группы респондентов, не было выявлено

значимых различий по *Кпу* ($Z = -1,352$; $p = 0,176$; $r_{es} = -0,20$), однако по *Кпр* ($Z = -4,54$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,68$), *Кпр правого уха* ($Z = -2,737$; $p = 0,006$; $r_{es} = -0,41$) и *Кпр левого уха* ($Z = -3,985$; $p = 0,000$; $r_{es} = -0,60$) были обнаружены значимые различия.

Обсуждение результатов

В данном исследовании проведено сравнение эквивалентности разных вариантов дихотического прослушивания. Предполагается, что словесная и слоговые тесты дихотического прослушивания характеризуются различной функциональной направленностью при исследовании межполушарной асимметрии.

При анализе доли респондентов с различным значением *Кпу* (отрицательным, нулевым, положительным) для словесного и слоговых вариантов дихотики получены соответствующие литературе данные (Bryden, 1988, Hugdah et al., 2016) относительно процента лиц с преимуществом правого уха. Наличие расхождений при сопоставлении отрицательных, нулевых и положительных значений *Кпу* между словесным тестом и двумя вариантами слоговой дихотики может быть следствием неэквивалентности методик (словесная направлена на исследование феномена рабочей памяти, слоговая — перцептивного феномена (Hugdah, Westerhausen, 2018)).

Меньше всего совпадений между словесным и двумя вариантами слогового дихотического прослушивания получено для лиц, продемонстрировавших отрицательное и нулевое *Кпу*. Это может быть связано с тем, что несмотря на то, что 95% правой имеют левополушарную организацию речи по ВАДА-пробе, преимущество правого уха (положительное *Кпу*) по результатам дихотики наблюдается у 70–80% лиц (Bryden, 1988, Hugdah et al., 2016). Таким образом, часть респондентов, показавших нулевое или отрицательное *Кпу* по одному из дихотических тестов, в реальности могут иметь левополушарную организацию речи, и продемонстрировать иной результат по другому варианту дихотики. К тому же, в исследовании надежности вероятность сохранения преимущества правого уха при повторных тестированиях выше, чем левого уха (Geffen&Caudrey, 1981), поэтому ожидаемо получить больше совпадений при сопоставлении словесного и слогового тестов для лиц, показавших преимущество правого уха.

При сравнении словесного варианта и первого варианта слогового дихотического прослушивания не было найдено различий и была получена слабая, но значимая связь между величинами лате-

рализации (Кпу). Полученные данные, возможно, свидетельствуют о том, что на результаты, полученные с помощью первого варианта слогового дихотического прослушивания, оказывают ощутимое влияние top-down процессы.

Данный вывод может объясняться тем, что первый слоговой тест характеризуются достаточной когнитивной сложностью (стимульный материал включал многообразие различных сочетаний согласных с гласными, что могло усложнять процесс восприятия и обработки поступающей информации, требуя вовлечение в данный процесс больше когнитивных ресурсов). Кроме того, некоторые пары слогов различались друг от друга не только согласной, но и гласной, ухудшая возможность слияния слогов в единый звуковой образ, что повышает когнитивные требования задачи (Westerhausen, 2019; Westerhausen и др., 2013) и усиливает влияние когнитивно-контрольных процессов (top-down эффектов).

В то же время словесный вариант дихотического прослушивания считается моделью рабочей памяти (Hugdahl, Westerhausen, 2018; Penner и др., 2009), и получаемое с помощью данного варианта дихотического прослушивания преимущество правого уха может являться не столько перцептивным феноменом, сколько феноменом рабочей памяти (Jäncke, Shah, 2002). Поэтому отсутствие значимых различий по Кпу и наличие слабой связи между первым слоговым и словесным вариантами дихотического прослушивания может объясняться более значимым влиянием top-down эффектов на процесс обработки данных стимулов.

При этом коэффициенты общей продуктивности выполнения методики и продуктивности правого и левого ушей значимо выше по данным первой слоговой дихотики, чем словесной. Что может свидетельствовать о том, что по сравнению со словесным вариантом дихотического прослушивания, первая слоговая дихотика когнитивно легче и требует от перцептивной системы меньших затрат при обработке стимулов, соответственно, меньшего включения top-down процессов. Кроме того, процесс обработки слогов и слов различается, что может отражаться и в наблюдаемой на поведенческом уровне степени межполушарных различий (Westerhausen, 2019; Hickok, Poeppel, 2007; Specht, 2014).

Перед описанием результатов сравнения словесного теста и второго варианта слогового теста стоит отметить, что вторая слоговая дихотика была модифицирована и доработана (так, каждая пара слогов, в отличие от первого слогового теста, предьявлялась

одинаковое количество раз, все согласные были предъявлены с одной гласной, был проконтролирован эффект прайминга с помощью ранжирования стимулов в псевдорандомизированном порядке, в стимульном материале были представлены 4 группы согласных близких по способу артикуляции, что увеличивало вероятность слияния различных слогов в единый звуковой образ), в том числе для уменьшения влияния когнитивно-контрольных процессов (top-down эффектов) на получаемые результаты. Это согласуется с полученными результатами при сравнении второго слогового теста со словесным вариантом и с первым слоговым тестом.

Во-первых, различия между словесным и вторым слоговым тестами выражены сильнее, чем различия между словесным тестом и первым вариантом слоговой дихотики. При сравнении со словесным вариантом, в отличие от первого слогового теста, для второго слогового варианта дихотики были получены значимые различия по Кпу, а также низкий коэффициент корреляции между Кпу, что соответствует литературным данным (Wexler и Halwes, 1985). Так, преимущество правого уха (Кпу) значимо выше для словесного варианта дихотического прослушивания по сравнению со вторым слоговым вариантом, что, как было показано Пеннер и соавт. (Penner и др., 2009), связано с увеличением нагрузки на рабочую память.

При этом по коэффициентам общей продуктивности и продуктивностям правого и левого ушей выявляются значимо более высокие значения по второму слоговому тесту, что свидетельствует о большей когнитивной простоте теста по сравнению со словесным вариантом.

Во-вторых, при сравнении двух слоговых вариантов дихотического прослушивания, проведенных на разных группах участников исследования, также было показано, что общая продуктивность выполнения методики и продуктивность правого и левого ушей выше для второго слогового варианта, что указывает на уменьшение когнитивной сложности второй слоговой дихотики по сравнению с первой.

Отсутствие различий между слоговыми вариантами дихотического прослушивания по Кпу может объясняться тем, что этапы обработки слогов в различных дихотических прослушиваниях схожи, что также отражается на наблюдаемой на поведенческом уровне степени полушарных различий (Westerhausen, 2019). Кроме того, снижение влияния когнитивно-контрольных процессов на результаты второго слогового теста не приводит к значимому уменьшению

преимущества правого уха (Кпу) по сравнению с первым слоговым тестом, что, как предполагают авторы, было достигнуто за счет подбора сензитивных стимулов в стимульный материал второго варианта слогового теста.

При сравнении результатов одного и того же варианта словесного дихотического прослушивания, полученных на разных группах респондентов, как и ожидалось, не было обнаружено значимых различий по всем коэффициентам. Эти данные доказывают, что найденные различия между первым и вторым слоговыми тестами не являются случайными различиями между разными группами респондентов, а свидетельствуют о снижении влияния когнитивно-контрольных процессов (например, рабочей памяти) на результаты дихотического прослушивания.

Для более полноценного сопоставления эквивалентности двух вариантов слогового дихотического прослушивания, поиска различий между основными коэффициентами и, в особенности, расчета коэффициента корреляция между величинами латерализации (Кпу) необходимо сравнить результаты выполнения данных слоговых тестов на одних и тех же респондентах.

Наше предположение о различии словесного и слогового тестов основывается на двух положениях, которые описаны выше. Для более подробного и полного исследования первого положения о том, что разные варианты дихотического прослушивания оценивают различные этапы обработки речи (Nickok, Roerpel, 2007; Westerhausen, 2019), обоснованно провести сравнительный анализ эквивалентности согласно-гласного слогового теста и теста рифмованных слов (по аналогии с Векслером и Халвесом (Wexler, Halwes, 1985)), в которых равноценно снижено влияние рабочей памяти на результаты дихотического прослушивания. Однако в нашей стране тест рифмованных слов не был создан и апробирован.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

Во-первых, словесный и слоговой варианты дихотического прослушивания оказались неэквивалентными методиками, направленными на исследование различных функциональных аспектов межполушарной асимметрии в слухоречевой сфере. Слоговой вариант дихотического прослушивания больше направлен на исследование перцептивных процессов, в то время как словесный тест является парадигмой рабочей памяти.

Во-вторых, различия и неэквивалентность слогового и словесного вариантов методики по Кпу, Кпр, Кпр правого и левого ушей усиливаются по мере усовершенствования и модификации стимульного материала слогового дихотического прослушивания.

В-третьих, снижение влияния когнитивно-контрольных (top-down) факторов и повышение чувствительности второго согласогласного слогового теста было достигнуто с помощью предъявления каждой пары слогов одинакового количества раз, контроля эффект прайминга, презентации дихотических пар слогов с одной гласной, включение в стимульный материал четырех групп согласных близких по способу артикуляции.

В-четвертых, подтверждено, что по мере увеличении нагрузки на рабочую память увеличивается преимущество правого уха (Кпу) и снижается продуктивность выполнения методики (общий Кпр, Кпр правого уха и Кпр левого уха).

Таким образом, неэквивалентность словесного и слогового варианта дихотического прослушивания, их разная функциональная направленность показывает важность разработки методического инструментария нейропсихологии для дальнейшего грамотного использования разных вариантов дихотического прослушивания при исследовании различных аспектов межполушарной асимметрии и разных этапов обработки речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Князев, С.В., Пожарицкая, С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, орфоэпия, графика и орфография. М.: Академический Проект, 2011.

Ковязина, М.С., Муромцева, Т.С., Черкасова, А.Н. Диагностические возможности методики дихотического прослушивания в клинике локальных поражений головного мозга // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 86–97.

Котик, Б.С. Исследование латерализации речи методом дихотического прослушивания // Психологические исследования. 1974. № 6. С. 67–77.

Муромцева, Т.С., Ковязина, М.С. Слоговой вариант методики дихотического прослушивания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 3. С. 494–510.

Arciuli, J., Rankine, T., Monaghan, P. (2010). Auditory discrimination of voice-onset time and its relationship with reading ability. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, 15 (3), 343–360.

Bryden, M. (1988). An overview of the dichotic listening procedure and its relation to cerebral organization. In K. Hugdahl (Eds.), *Handbook of dichotic listening: Theory, methods and research* (pp. 1–43). Chichester: Wiley & Sons.

de Bode, S., Sininger, Y., Healy, E. W., Mathern, G. W., Zaidel, E. (2007). Dichotic listening after cerebral hemispherectomy: Methodological and theoretical observations. *Neuropsychologia*, 45(11), 2461–2466.

Geffen G., Caudrey D. (1981) Reliability and validity of the dichotic monitoring test for language laterality. *Neuropsychologia*, 19 (3), 413–423.

Hickok, G., Poeppel, D. (2007). The cortical organization of speech processing. *Nature Reviews Neuroscience*, 8(5), 393–402.

Hiscock, M., Kinsbourne, M. (2011). Attention and the right-ear advantage: What is the connection? *Brain and cognition*, 76 (2), 263–275.

Hugdahl, K., Westerhausen, R. (2016). Speech processing asymmetry revealed by dichotic listening and functional brain imaging. *Neuropsychologia*, 93, 466–481.

Jäncke, L., Shah, N.J. (2002). Does dichotic listening probe temporal lobe functions? *Neurology*, 58 (5), 736–743.

Kimura, D. (1961, a). Some effects of temporal-lobe damage on auditory perception. *Canadian Journal of Psychology/Revue canadienne de psychologie*, 15, 156–165.

Kimura, D. (1961, b). Cerebral dominance and the perception of verbal stimuli. *Can J Psychol.* 1961 b. V. 15. P. 166–1717.

Penner, I. K., Schläfli, K., Opwis, K., Hugdahl, K. (2009). The role of working memory in dichotic-listening studies of auditory laterality. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 31 (8), 959–966.

Rosenthal, R., Cooper, H., Hedges, L. (1994). Parametric measures of effect size. *The handbook of research synthesis*, 621 (2), 231–244.

Sætrevik, B., Hugdahl, K. (2007a). Endogenous and exogenous control of attention in dichotic listening. *Neuropsychology*, 21, 285–290.

Sætrevik B., Hugdahl K. (2007b). Priming inhibits the right ear advantage in dichotic listening: Implications for auditory laterality. *Neuropsychologia*, 45, 282–287.

Shankweiler, D., Studdert-Kennedy, M. (1975). A continuum of lateralization for speech perception. *Brain and Language*, 2 (2), 212–225.

Sparks, R., Geschwind, N. (1968). Dichotic listening in man after section of neocortical commissures. *Cortex*, 4 (1), 3–16.

Specht, K. (2014). Neuronal basis of speech comprehension. *Hearing Research*, 307, 121–135.

Strauss, E., Gaddes, W.H., Wada, J. (1987). Performance on a free-recall verbal dichotic listening task and cerebral dominance determined by the carotid amygdal test. *Neuropsychologia*, 25 (5), 747–753.

Westerhausen, R. (2019). A primer on dichotic listening as a paradigm for the assessment of hemispheric asymmetry. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, 24 (6), 740–771.

Westerhausen, R., Kompus, K. (2018). How to get a left-ear advantage: A technical review of assessing brain asymmetry with dichotic listening. *Scandinavian journal of psychology*, 59 (1), 66–73.

Westerhausen, R., Passow, S., Kompus, K. (2013). Reactive cognitive-control processes in free-report consonant–vowel dichotic listening. *Brain and cognition*, 83 (3), 288–296.

Wexler, B.E., Halwes, T. (1983). Increasing the power of dichotic methods: The fused rhymed words test. *Neuropsychologia*, 21 (1), 59–66.

Wexler, B.E., Halwes, T. (1985). Dichotic listening tests in studying brain-behavior relationships. *Neuropsychologia*, 23 (4), 545–559.

REFERENCES

Arciuli, J., Rankine, T., & Monaghan, P. (2010). Auditory discrimination of voice-onset time and its relationship with reading ability. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, 15 (3), 343–360.

Bryden, M. (1988). An overview of the dichotic listening procedure and its relation to cerebral organization. In K. Hugdahl (Eds.), *Handbook of dichotic listening: Theory, methods and research* (pp. 1–43). Chichester: Wiley & Sons.

de Bode, S., Sininger, Y., Healy, E.W., Mathern, G.W., & Zaidel, E. (2007). Dichotic listening after cerebral hemispherectomy: Methodological and theoretical observations. *Neuropsychologia*, 45 (11), 2461–2466.

Geffen G., Caudrey D. (1981) Reliability and validity of the dichotic monitoring test for language laterality. *Neuropsychologia*, 19 (3), 413–423.

Hickok, G., & Poeppel, D. (2007). The cortical organization of speech processing. *Nature Reviews Neuroscience*, 8 (5), 393–402.

Hiscock, M., & Kinsbourne, M. (2011). Attention and the right-ear advantage: What is the connection? *Brain and cognition*, 76 (2), 263–275.

Hugdahl, K., & Westerhausen, R. (2016). Speech processing asymmetry revealed by dichotic listening and functional brain imaging. *Neuropsychologia*, 93, 466–481.

Jäncke, L., & Shah, N. J. (2002). Does dichotic listening probe temporal lobe functions? *Neurology*, 58 (5), 736–743.

Kimura, D. (1961, a). Some effects of temporal-lobe damage on auditory perception. *Canadian Journal of Psychology/Revue canadienne de psychologie*, 15, 156–165.

Kimura, D. (1961, b). Cerebral dominance and the perception of verbal stimuli. *Can J Psychol.* 1961 b. V. 15. P. 166–171.

Knyazev, S.V., & Pozharickaya, S.K. (2011). Current Russian literary language: phonetics, orthoepy, graphics and orthography. M.: Akad. Proekt. (in Russ).

Kotik, B.S. (1974) A study of the lateralization of speech functions by the method of dichotic listening. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Studies)*, 6, 69–76. (in Russ).

Kovязина, M.S., Muromtseva, T.S., & Cherkasova, A.N. (2019). Diagnostic capabilities of the dichotic listening in clinical research of local brain damage. *Voprosy psikhologii (Questions of psychology)*, (2), 86–97.

Muromtseva, T., & Kovязина, M. (2019). The Syllable Version of the Dichotic Listening Method. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 16 (3), 494–510. (in Russ).

Penner, I.K., Schläfli, K., Opwis, K., & Hugdahl, K. (2009). The role of working memory in dichotic-listening studies of auditory laterality. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 31 (8), 959–966.

Rosenthal, R., Cooper, H., Hedges, L. (1994). Parametric measures of effect size. *The handbook of research synthesis*, 621 (2), 231–244.

Sætrevik, B. & Hugdahl, K. (2007a). Endogenous and exogenous control of attention in dichotic listening. *Neuropsychology*, 21, 285–290.

Sætrevik B. & Hugdahl K. (2007b). Priming inhibits the right ear advantage in dichotic listening: Implications for auditory laterality. *Neuropsychologia*, 45, 282–287.

Shankweiler, D., & Studdert-Kennedy, M. (1975). A continuum of lateralization for speech perception. *Brain and Language*, 2 (2), 212–225.

Sparks, R., & Geschwind, N. (1968). Dichotic listening in man after section of neocortical commissures. *Cortex*, 4 (1), 3–16.

Specht, K. (2014). Neuronal basis of speech comprehension. *Hearing Research*, 307, 121–135.

Strauss, E., Gaddes, W.H., & Wada, J. (1987). Performance on a free-recall verbal dichotic listening task and cerebral dominance determined by the carotid amygdal test. *Neuropsychologia*, 25 (5), 747–753.

Westerhausen, R. (2019). A primer on dichotic listening as a paradigm for the assessment of hemispheric asymmetry. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, 24 (6), 740–771.

Westerhausen, R., & Kompus, K. (2018). How to get a left-ear advantage: A technical review of assessing brain asymmetry with dichotic listening. *Scandinavian journal of psychology*, 59 (1), 66–73.

Westerhausen, R., Passow, S., & Kompus, K. (2013). Reactive cognitive-control processes in free-report consonant–vowel dichotic listening. *Brain and cognition*, 83 (3), 288–296.

Wexler, B.E., & Halwes, T. (1983). Increasing the power of dichotic methods: The fused rhymed words test. *Neuropsychologia*, 21 (1), 59–66.

Wexler, B.E., & Halwes, T. (1985). Dichotic listening tests in studying brain-behavior relationships. *Neuropsychologia*, 23 (4), 545–559.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковязина Мария Станиславовна — доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: kms130766@mail.ru

Муромцева Тамара Станиславовна — аспирант факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: startamara92@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Kovyazina — Doctor of psychology, Professor, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia. E-mail: kms130766@mail.ru

Tamara S. Muromtseva — post-graduate student of the faculty of psychology, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia. E-mail: startamara92@mail.ru

УДК: 159.972
doi: 10.11621/vsp.2020.04.09

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ У ПАЦИЕНТОВ С СИНДРОМОМ ИМПУЛЬСИВНЫХ ЭКСКОРИАЦИЙ

М.Г. Виноградова^{1*}, А.А. Ермушева²

¹ МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

² Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (Москва, Россия).

* Для контактов. E-mail: mvinogradova@yandex.ru

Актуальность. Категоризация, являясь одним из основных когнитивных процессов, участвует в восприятии и осмыслении объектов, обладающих значением, зависящих от личностных смыслов человека. Вследствие исключительной субъективности телесного опыта представляется актуальным изучение способов его структурирования, опосредования знаком через анализ категоризации телесных ощущений у пациентов с психическими расстройствами, сопровождающимися жалобами на патологические телесные ощущения.

Цель работы: характеристика особенностей категоризации телесных ощущений у пациентов с импульсивными экскорациями.

Методики и выборка. В исследовании приняли участие 15 пациентов с импульсивными экскорациями (средний возраст 47 ± 17 лет) и 50 пациентов с соматизированными депрессиями (средний возраст 42 ± 13 лет). Им предлагалось выполнить психосемантическую методику «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» для описания всех телесных ощущений и телесных ощущений состояния здоровья.

Результаты. Пациенты с синдромом импульсивных экскораций при категоризации всех телесных ощущений и телесных ощущений состояния здоровья выбирают дескрипторы действий с кожей и дескрипторы негативных эмоциональных состояний. Обнаружены значимые различия в выборах дескрипторов эмоциональных состояний — их меньшее количество у пациентов с импульсивными экскорациями в сравнении с пациентами с соматизированными депрессиями на фоне разнообразия выборов дескрипторов разных классов в ответ на обе инструкции методики у последних.

Выводы. Исследование особенностей категоризации телесных ощущений позволяет обсудить своеобразие телесного опыта вообще и телесного

опыта состояния здоровья. Особенности категоризации телесных ощущений у пациентов с синдромом импульсивных экскораций проявляются в отнесении действий с кожей и эмоциональных переживаний к телесному опыту. Характеристика выборов отдельных телесных ощущений у пациентов разных групп позволяет интерпретировать особенности категоризации телесных ощущений в сопоставлении с клинической картиной данных психических расстройств.

Ключевые слова: категоризация, телесный опыт, патологические телесные ощущения, психодерматологические расстройства, импульсивные экскорации, соматизированные депрессии.

Для цитирования: Виноградова М.Г., Ермушева А.А. Категоризация телесных ощущений у пациентов с синдромом импульсивных экскораций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 187–203. doi: 10.11621/vsp.2020.04.09

Поступила в редакцию 07.06.2020 / Принята к публикации 27.06.2020

CATEGORISATION OF BODILY SENSATIONS IN PATIENTS WITH EXCORIATION DISORDER WITH IMPULSIVE ACTIONS

Maria G. Vinogradova¹, Anastasia A. Ermusheva²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Moscow, Russia.

Corresponding author*. E-mail: mvinogradova@yandex.ru

Relevance. Categorization, being one of the main cognitive processes, is involved in the perception and comprehension of objects with meaning, depending on the personal significance. Exceptional subjectivity of bodily experience makes it important to explore its structuring and mediating with sign through the analysis of bodily sensations categorisation in patients with complaints of pathological bodily sensations.

Objective: description of specific characteristic features of categorization of bodily sensations in patients with excoriation disorder with impulsive actions.

Methods and Sample. 15 patients with excoriation disorder with impulsive actions (mean age 47±17 years) and 50 patients with depression with somatic symptoms (mean age 42±13 years) took part in the study. They were asked to

perform psychosemantic test “Choice of intrceptive sensations descriptors” for describing all bodily sensations and health-related bodily sensations.

Results. Patients with excoriation disorder with impulsive actions, when categorizing all bodily sensations and health-related bodily sensations, chose descriptors of actions with the skin and descriptors of negative emotional states. Significant differences were found in the choice of descriptors of emotional states. Their number was less in patients with excoriation disorder with impulsive actions in comparison with patients with depression with somatic symptoms who demonstrated a variety of choices of descriptors of different classes in response to both instructions of the test.

Conclusion. Bodily sensations categorisation study allowed to discuss the features of bodily experience in general and health-related bodily experience. In excoriation disorder with impulsive actions the bodily sensations categorisation was characterized by an attribution of actions with skin and emotions to bodily experience. The characteristics of bodily sensations choices in patients from different groups allowed to associate features of bodily sensations categorisation with clinical symptoms of these mental disorders.

Keywords: categorisation, bodily experience, pathological body-sensations, psychodermatological disorders, excoriation disorder with impulsive actions, depression with somatic symptoms.

For citation: Vinogradova, M.G., Ermusheva, A.A. (2020). Categorisation of bodily sensations in patients with excoriation disorder with impulsive actions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 187–203. doi: 10.11621/vsp.2020.04.09

Received: June 07, 2020 / Accepted: June 27, 2020

Введение

В качестве одного из основных когнитивных процессов категоризация участвует в восприятии и осмыслении объектов как обладающих значением, поскольку обеспечивает их отнесение к определенному классу, роду и виду (Brosch, Pourtois, Sander, 2010; Cohen, Lefebvre, 2005). В общем виде категоризация может быть осмыслена как любое поведение, включающее определение или классификацию объектов и событий на основе выбранных ключевых признаков (Bruner, Goodnow, Austin, 2017). В результате категоризации видоизменяется восприятие и его результат: будучи отнесенным к определенной категории, объект наделяется свойствами, относящимися к категории в целом.

Свойства категорий определяются природой человеческих способностей и опытом функционирования в физическом и социальном окружении, требованиями культуры и среды (Лакофф, 2004; Артемьева, 1999; Bruner, Goodnow, Austin, 2017), категории встроены в поведение и подвержены контекстуальным влияниям (Rigoli et al., 2017). В аспекте чувствительности к индивидуальным различиям и выделении системы значений во всей полноте необходимо учитывать процессуальный характер категоризации (Холодная, 2012; Moutat, 2015), а также связь с эмоциональной значимостью ситуации (Петренко, 2005; Brosch, Pourtois, Sander, 2010). Представления о подвижности категориальных систем в соответствии с актуальными целями и условиями познавательной деятельности субъекта соотносимы с пониманием когнитивных процессов как проактивных (Bar, 2007), выделением метакогнитивных процессов работы со знаниями с включением ситуативных смысловых контекстов изучаемой деятельности (Величковский, 2006), вниманием к индивидуальным факторам познавательной деятельности, в том числе мотивации индивида (Botvinick, Braver, 2015). Это позволяет предполагать подвижность и своеобразие категориальных структур в зависимости от принятых значений и одновременно от индивидуальных личностных смыслов человека, что открывает возможности для исследования особенностей опосредования и механизмов означения жизненного опыта человека, в том числе его телесного опыта.

При этом телесный опыт может рассматриваться как совокупность индивидуальных представлений субъекта, возникающих в результате активного восприятия телесных ощущений. Участвуя в этом процессе, категоризация переводит ощущения в конкретные, обладающие чувственным наполнением, с квалификацией в эмоционально-оценочных категориях (Тхостов, Нелюбина, 2019; Тхостов, 2002). Индивид ощущает постоянный поток интрацептивной стимуляции и делает категориальные предположения относительно значения этой стимуляции (Van den Bergh et al., 2017), которая в крайних случаях может принимать форму интрацептивных иллюзий (Zacharioudakis et al., 2020; Perepelkina et al., 2019). В широком смысле телесный опыт может рассматриваться как *совокупность всех пережитых в реальности и фантазируемых ощущений, связанных с ними аффективных реакций, а также представлений и воспоминаний о них, неизбежно подвергаемых когнитивной переработке при необходимости эксплицировать их вовне для наблюдателя*. Такое понимание телесного опыта показывает актуальность изучения

способов его структурирования, опосредования знаком через анализ категоризации телесных ощущений.

Обращение к изучению категоризации телесных ощущений при психодерматологических расстройствах и, в частности, при синдроме импульсивных эксфолиаций связано с возможностью использования критерия «ведущего» телесного симптома, поскольку для психических расстройств, реализующихся в пространстве кожного покрова, предложена психопатологическая модель, определяющая базисную роль кожных ощущений в их клинической картине (Смулевич, Романов, Львов, 2015). Вместе с тем, пациенты с психическими расстройствами, реализующимися в пространстве кожного покрова, традиционно считаются клиницистами «трудными» в лечении, их телесный опыт индивидуализирован и сложен для типологического описания. Эти пациенты затрудняются последовательно и структурированно рассказать о своих переживаниях и телесном опыте, отнестись к нему рефлексивно, что часто выражается во фрагментарности изложения и стереотипном повторении отдельных жалоб. Своеобразие и исключительная субъективность телесного опыта диктует необходимость сопоставления разных групп пациентов вследствие невозможности «усреднения» телесного опыта и недостаточности обращения только к нормативным данным. Так, необходимо сравнение с пациентами, страдающими от психических расстройств, сопровождающихся жалобами на патологические телесные ощущения. Для сопоставления в данном исследовании были выбраны пациенты с соматизированными депрессиями, у которых в клинической картине заболевания наряду с депрессивным синдромом выявляются соматовегетативные расстройства (Власюк, Иванов, Малютин, 2015).

Процедура исследования

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 15 пациентов с синдромом импульсивных эксфолиаций (5 мужчин, 10 женщин в возрасте от 21 до 67, средний возраст 47 ± 17 лет). По МКБ-10 этому синдрому соответствовал шифр L98.1 («невротическое расчесывание кожи»). Включение в исследование проводилось по результатам клинической оценки состояния и дифференциации от синдрома компульсивных эксфолиаций: все пациенты были консультированы психиатрами при условии информированного согласия с дальнейшим представлением на клинических разборах, проводившихся под руководством академика РАН А.Б. Смулевича. В клинической картине отмечались моносимптомные овладевающие

ощущения — зуд по типу интрадермальной дизестезии, а также телесные ощущения пенетрирующего характера: ощущения повреждения целостности кожного покрова и проникновения внутрь. На пике телесных ощущений у пациентов возникали импульсы к непровольному расчесыванию кожи, что сопровождалось чувством внутреннего напряжения и дисфорическим аффектом, вслед за этим наступала разрядка и возникало ощущение внутреннего удовлетворения.

В группу сравнения были включены 50 пациентов (17 мужчин, 33 женщины) в возрасте от 21 до 68 лет (средний возраст 42 ± 13 лет) с соматизированными депрессиями (депрессивный синдром с соматовегетативными расстройствами), с диагнозами по МКБ-10 «шизоаффективное расстройство (депрессивный тип)» (F25.1), «циклотимия» (F34.0), «дистимия» (F34.1), «рекуррентное депрессивное расстройство» (F33.0). Особенностью психической патологии данных пациентов является значимость телесных ощущений, что предоставляет возможность сопоставления их результатов с результатами пациентов с синдромом импульсивных эксориаций.

Методика исследования. Для исследования особенностей категоризации телесных ощущений применялась психосемантическая методика «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (далее по тексту — ВДИО) (Тхостов, Елшанский, 2011) с авторскими модификациями этапов выполнения методики (Malyutina, Vinogradova, 2017). Методика представляет собой набор из 80 стимульных карточек со словами-дескрипторами ощущений, среди которых: кожные ощущения (например, «зуд»), общесоматические ощущения (например, «лихорадка»), ощущения динамики телесных процессов (например, «истощение»), ощущения мучительного характера (например, «изнуряющий»), характеристики эмоциональных состояний (например, «тревога»), экстероцептивные ощущения (например, «темный») и приятные телесные ощущения (например, «удовольствие»). Респондентам были даны две инструкции: 1) выбрать все телесные ощущения; 2) выбрать телесные ощущения состояния здоровья. По результатам проведения каждого этапа определялись частотные характеристики словарей этих ощущений с оценкой значимости различий между группами с применением точного критерия Фишера. Для иллюстрации возможных различий категоризации телесных ощущений использовался метод кластерного анализа (метод Варда, евклидово расстояние). Вычисления производились в программе STATISTICA 8.0 (StatSoft Inc).

Результаты

1. Категоризация всех телесных ощущений в рамках первого этапа методики ВДИО

У пациентов с синдромом импульсивных экскориацій анализ выборов дескрипторов с применением точного критерия Фишера в сравнении с пациентами с соматизированными депрессиями не выявил значимого преобладания определенных дескрипторов. В то же время при анализе данных внутри группы по результатам кластерного анализа (дендрограмма А представлена на рис. 1) в структуре отмечаются два объединения. Первое из них (I) включает в себя основную часть дескрипторов кожных ощущений (например, «зуд», «жжение», «защекотать», «царапнуть»), а также ряд ощущений динамики телесных процессов («возбуждение», «напряжение», «усталость»), общесоматических ощущений (например, «боль», «жар», «слабость») и единичное приятное телесное ощущение («легкость»). В этом кластере присутствуют и два дескриптора эмоционального состояния, которые обозначают переход от возбужденного состояния («тревога») до состояния удовлетворения («покой»). Важно отметить, что часть общесоматических и приятных телесных ощущений может быть отнесена к динамике процессов в теле — от возникновения возбуждения до его разрядки.

Второе объединение (II) включает общесоматические ощущения и дескрипторы эмоциональных состояний (как негативных, так и положительных). Например, в кластере II(а) присутствуют такие дескрипторы как «удовольствие», «приятный», но и «депрессия», и «опустошение», а в кластере II(б) — дескрипторы: «блаженствовать» и «страдание».

У пациентов с соматизированными депрессиями по результатам применения точного критерия Фишера отмечаются статистически значимые отличия в сравнении с пациентами с импульсивными экскориациями в выборах дескрипторов негативных эмоциональных переживаний «отчаяние» и «подавленность» ($p = 0,014$ и $p = 0,024$, соответственно). Кластерный анализ (дендрограмма Б представлена на рис. 1) позволяет выделить в структуре всех телесных ощущений три основных объединения. Первое объединение (I) состоит из дескрипторов общесоматических телесных ощущений (например, «тошнота», «тяжесть», «лихорадка»), ощущений состояния истощения (например, «усталость», «вялый») и отдельных кожных ощущений («зуд»).

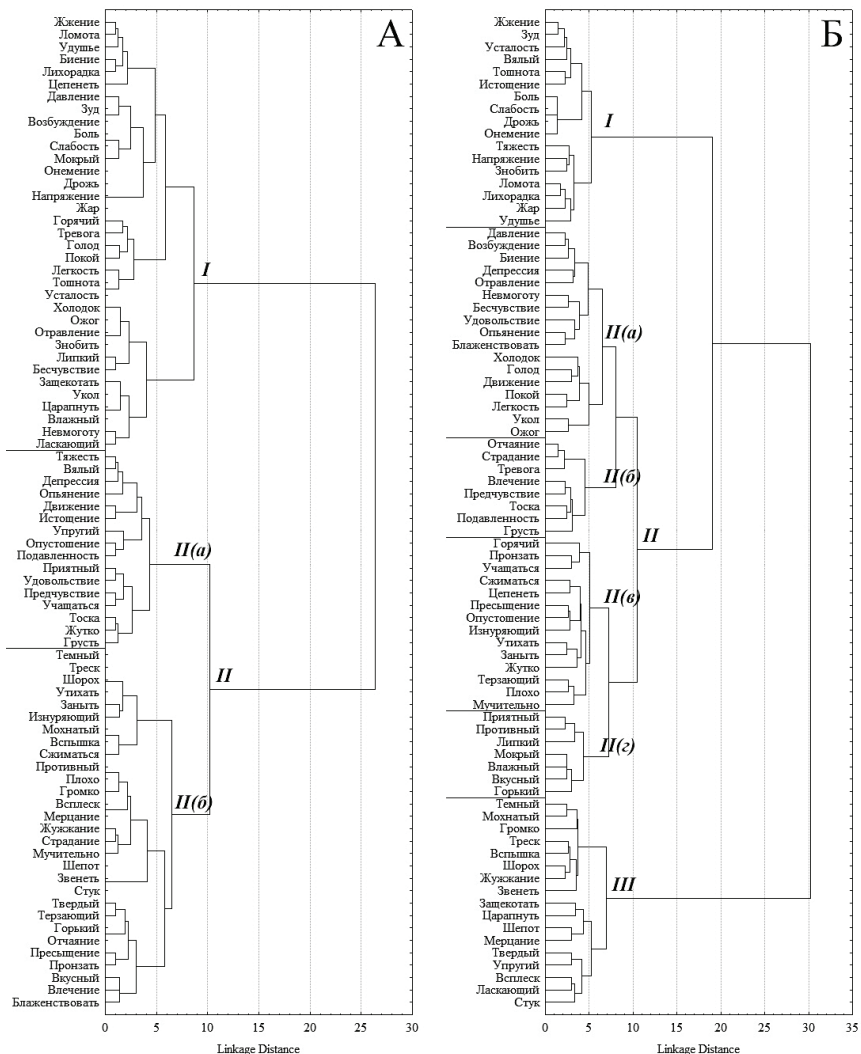

Рис. 1. Кластерная структура всех телесных ощущений у пациентов с синдромом импульсивных эксориаций (А) и у пациентов с соматизированными депрессиями (Б)

Второе объединение (II) состоит из 4 кластеров. Кластер II(а) образован единичным дескриптором болезненного состояния этих пациентов («депрессия»), общесоматическими ощущениями (например, «давление», «отравление»), телесными ощущениями состояния возбуждения («возбуждение»), характеристиками мучительности переживаемых ощущений («невозмогу»), приятными телесными ощущениями («блаженствовать») и единичными кожными ощущениями («укол»).

Кластер II(б) состоит преимущественно из дескрипторов негативных эмоциональных переживаний (например, «отчаяние» и «подавленность»), единичных дескрипторов мучительного характера ощущений («страдание») и ощущений динамики телесных процессов (например, «предчувствие»).

Содержание кластеров II(в) и II(г) определяется дескрипторами разных классов, среди которых представлены отдельные характеристики динамики телесных процессов, мучительного характера телесных ощущений, экстероцептивных ощущений и приятных ощущений.

Третье объединение (III) представлено редко выбираемыми дескрипторами, среди которых присутствуют экстероцептивные ощущения (например, «всплеск») и единичные характеристики приятных ощущений (например, «ласкающий»).

2. Категоризация телесных ощущений состояния здоровья в рамках второго этапа методики ВДИО

Трудности выполнения данного этапа связаны с актуализацией представлений о телесном опыте, не определяющихся текущей ситуацией обследования в клинике, а, напротив, моделирующих ситуацию избавления от болезни или затрагивающих идеальные представления о состоянии своего тела. Особенно ярко эти трудности проявляются в единичных случаях, когда пациенты поначалу отказываются выбирать какие-либо дескрипторы в ответ на инструкцию, объясняя это тем, что «здоровое тело никак не ощущается». Феномен не является распространенным, в исследовании был зафиксирован лишь у одного пациента с синдромом импульсивных экскораций и у пяти пациентов группы сравнения.

Пациенты с синдромом импульсивных экскораций проявили большую заинтересованность в выполнении этого этапа методики ВДИО. Более чем в половине случаев выбираются дескрипторы приятных телесных ощущений («покой», «легкость», «удовольствие»),

«блаженствовать», «ласкающий», «приятный»), среди которых лидирует по количеству выборов дескриптор «покой». Следует отметить, что 49 из 80 дескрипторов вообще не используются этими пациентами, также анализ частот выборов дескрипторов с применением точного критерия Фишера в сравнении с пациентами с соматизированными депрессиями не выявил преобладания определенных дескрипторов. Результаты кластерного анализа (дендрограмма А представлена на рис. 2) позволяют обсудить две группы телесных ощущений состояния здоровья.

Первое объединение (I) образовано дескрипторами положительных эмоциональных состояний (например, «удовольствие», «блаженствовать») и приятных телесных ощущений (например, «ласкающий»). Использование дескриптора «покой» может рассматриваться как отражение желанности отсутствия напряжения у этих пациентов в представлениях о состоянии здоровья.

В структуре второго объединения (II) кластер II(a) образуется вокруг дескрипторов состояния возбуждения (например, «возбуждение»), к ним присоединяются сопровождающие это состояние общесоматические ощущения (например, «цепенеть»), кожные ощущения (например, «дрожь»), в том числе дескрипторы действий с кожей («царапнуть», «защекотать»). В кластере II(б) объединяются дескрипторы кожных ощущений (например, «упругий») и характеристики негативных эмоциональных состояний (например, «подавленность»), а также ощущения состояния возбуждения (например, «влечение»).

При категоризации телесных ощущений состояния здоровья у пациентов с *соматизированными депрессиями* значимо преобладают выборы дескрипторов положительных эмоциональных состояний («удовольствие» ($p = 0.041$) и «приятный» ($p = 0.046$)) в сравнении с пациентами с синдромом импульсивных экскориаций по результатам применения точного критерия Фишера. Кластерная структура телесных ощущений состояния здоровья включает три крупных объединения (дендрограмма Б представлена на рис. 2). Первое объединение (I) образовано дескрипторами приятных телесных ощущений (например, «приятный», «легкость», «ласкающий») и единичными общесоматическими ощущениями (например, «влечение»).

Второе объединение (II) образовано двумя кластерами. В кластер II(a) включены дескрипторы динамики телесных процессов (например, «пресыщение»), кожных ощущений (например, «упругий») и единичных экстероцептивных ощущений (например, «всплеск»).

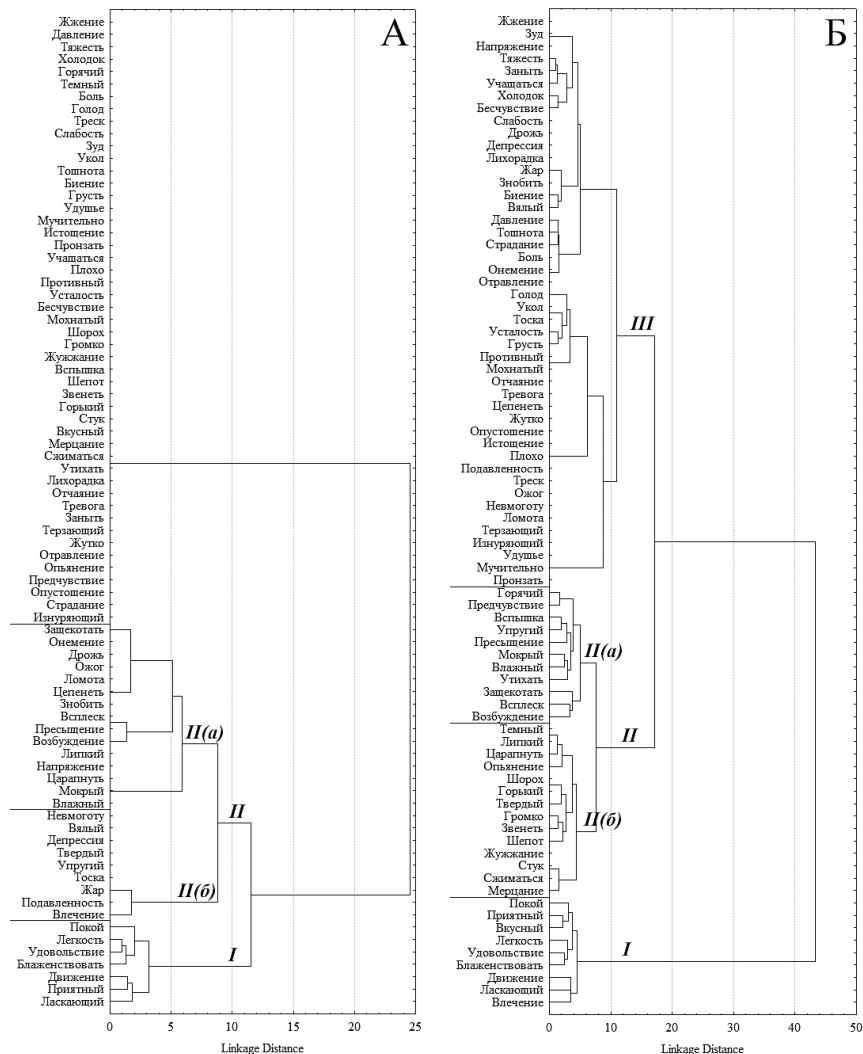

Рис. 2. Кластерная структура телесных ощущений состояния здоровья у пациентов с синдромом импульсивных экскораций (А) и у пациентов с соматизированными депрессиями (Б)

Кластер II(б) образован уже реже выбираемыми общесоматическими, кожными и отдельными экстероцептивными ощущениями. Выявленное разнообразие телесных ощущений, выбранных для описания телесного опыта состояния здоровья, согласуется с использованием пациентами разнообразных слов и изобразительных средств языка, в том числе метафорических обозначений, в ходе беседы.

В третьем объединении (III), образованном самыми разными телесными ощущениями, обращают на себя внимание выбранные некоторыми респондентами дескрипторы отрицательных эмоций (например, «депрессия», «грусть») и болезненных телесных ощущений (например, «страдание»).

Обсуждение

У пациентов с синдромом импульсивных экскориаций при характеристике всех телесных ощущений выборы неприятных кожных ощущений, дескриптора «царапнуть» и дескрипторов состояния возбуждения соответствуют клиническим описаниям напряжения и его удовлетворения в наносимых расчесах при этом психическом расстройстве (Романов, 2014). Полученные результаты можно интерпретировать как определенное сходство этих телесных ощущений или наличие у них объединяющих черт. Такая интерпретация имеет ряд ограничений, однако позволяет сопоставить данные с разрозненными клиническими наблюдениями этих пациентов с их слабоструктурированными жалобами.

Использование дескрипторов «движение» и «царапнуть» для характеристики телесных ощущений состояния здоровья можно соотнести со значимостью в клинической картине синдрома импульсивных экскориаций повторяющихся действий, производимых пациентами с кожей. Однако место именно этих ощущений в категориальной структуре телесного опыта пациентов требует дальнейшего исследования.

Выбор негативных эмоциональных состояний в характеристике всех телесных ощущений и ощущений здоровья у пациентов с синдромом импульсивных экскориаций согласуется с содержащимися в литературе указаниями на одну из функций самоповреждающего поведения как разрядки дисфорических состояний напряжения, тревоги и агрессии (Kocalevent et al, 2005). В работе N.J. Keuthen с соавторами (2010) у пациентов с патологическими расчесами кожи, не связанными напрямую с дерматозами, также описана динамика состояния: до — нарастание напряжения и нервозности, как и при

сопротивлении расчесам, а во время и после — удовольствие и облегчение. К тому же, обнаруженные значимые различия в выборах дескрипторов эмоциональных состояний с учетом их меньшего количества у пациентов с импульсивными эксхориациями в сравнении с пациентами с отчетливой аффективной патологией позволяют предположить использование характеристик эмоциональных переживаний в качестве связанных именно с телесным опытом. Эти результаты исследования создают предпосылки для обсуждения клинически наблюдаемой связи эмоциональных переживаний и действий, производимых с кожей у данной группы пациентов.

Обращаясь к результатам пациентов с соматизированными депрессиями, следует отметить разнообразие выборов дескрипторов разных классов в ответ на обе инструкции, что отражает меньшую фиксированность этих пациентов на определенных телесных ощущениях и индивидуализированность их телесного опыта. Также обращает на себя внимание отнесение отдельных дескрипторов отрицательных эмоций и болезненных телесных ощущений к телесным ощущениям состояния здоровья, что может рассматриваться как своеобразие их представлений — отнесение эмоционального страдания, с его телесными проявлениями, к условно здоровому состоянию.

Выявленное в исследовании включение в характеристику телесного опыта дескрипторов эмоциональных состояний, наряду с телесными ощущениями, отражают трудность рефлексии телесного опыта, в частности фоновых ощущений нормального телесного функционирования (Рупчев, 2000). Также полученные результаты соотносятся с тем, что эмоциональные переживания и телесные ощущения обладают сходством в их «непрозрачности» и особой ситуации «неуправления состояниями», овладевающими человеком (Тхостов, 2002).

Заключение

Исследование категоризации телесных ощущений у пациентов с психическими расстройствами, сопровождающимися жалобами на патологические телесные ощущения, позволяет обсудить своеобразие телесного опыта вообще и телесного опыта состояния здоровья. Особенности категоризации у пациентов с синдромом импульсивных эксхориаций проявляются в отнесении действий с кожей и эмоциональных переживаний к телесному опыту. Характеристика выборов отдельных телесных ощущений у пациентов

разных групп позволяет интерпретировать особенности категоризации в соотношении с клинической картиной данных психических расстройств, что, однако, требует уточнения в рамках дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемяева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, Смысл, 1999.

Величковский Б.М. Когнитивные науки: Основы психологии познания. Т. 2. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2006.

Власюк А.П., Иванов С.В., Малютин А.А. Непсихотические депрессии эндогенного круга, протекающие с соматоипохондрическими расстройствами // Психические расстройства в общей медицине. 2015. № 1. С. 18–26.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и очень опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.

Романов Д.В. Психические расстройства в дерматологической практике (психопатология, эпидемиология, терапия): дисс. ... д-ра мед. наук. М., 2014.

Рупчев Г.Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на модели соматоформных расстройств): дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Смулевич А.Б., Романов Д.В., Львов А.Н. Дерматозойный бред и ассоциированные расстройства. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Тхостов А.Ш., Елианский С.П. Метод исследования словаря интрацептивных ощущений // Психология субъективной семантики: истоки и развитие / Под ред. И.Б. Ханиной, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 274–284.

Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С. Культурно-исторический подход к психологии здоровья: культурология, семиотика и мифология здоровья // Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 102–152.

Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Bar, M. (2007) The proactive brain: Using analogies and associations to generate predictions. *Trends in Cognitive Sciences*, 11 (7), 280–289.

Botvinick, M., Braver, T. (2015) Motivation and Cognitive Control: From Behavior to Neural Mechanism. *Annual Review of Psychology*, 66, 83–113.

Brosch, T., Pourtois, G., Sander, D. (2010) The perception and categorisation of emotional stimuli: a review. *Cognition and Emotion*, 24 (3), 377–400.

Bruner, J.S., Goodnow, J.J., Austin, G.A. (2017) *A Study of Thinking*. New York: Routledge.

Cohen, H., Lefebvre, C. (2005) Bridging the category divide. Handbook of categorization in cognitive science. In Cohen H., Lefebvre C. (Eds.) (pp. 1–17). Oxford: Elsevier.

Kocalevent, R.-D., Fliege, H., Rose, M., Walter, M., Danzer, G., Klapp, B.F. (2005) Autodestructive Syndromes. A Literature Review. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 74 (4), 202–211.

Keuthen, N.J., Koranb, L.M., Aboujaoudeb, E., Largec, M.D., Serped, R.T. (2010) The prevalence of pathologic skin picking in US adults. *Comprehensive Psychiatry*, 51 (2), 183–186.

Malyutina, A. A., Vinogradova, M. G. (2017). Dysfunction of categorisation of bodily sensations in delusional parasitosis. *European Neuropsychopharmacology*, 27(4), 908.

Moutat, A. (2015) Du sensible à l'intelligible. Pour une sémiotique de la perception. Limoges: Lambert-Lucas.

Perepelkina, O., Romanov, D., Arina, G., Volel, B., and Nikolaeva, V. (2019). Multisensory mechanisms of body perception in somatoform disorders. *Journal of Psychosomatic Research*, 127, 1–8.

Rigoli, F., Pezzulo, G., Dolan, R., Friston, K. (2017) A Goal-Directed Bayesian Framework for Categorization [Electronic resource]. *Frontiers in Psychology*, 8, 408. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5360703/> (date of retrieval: 30.05.2020).

Van den Bergh, O., Witthöft, M., Petersen, S., Brown, R.J. (2017). Symptoms and the body: Taking the inferential leap. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 74, 185–203.

Zacharioudakis, N., Vlemincx, E., Van den Bergh, O. (2020). Categorical interoception and the role of threat. *International Journal of Psychophysiology*, 148, 25–34.

REFERENCES

Artemèva E.Yu. (1999) Fundamentals of psychology subjective semantics. Moscow: Nauka, Smysl. (in Russ.).

Bar, M. (2007) The proactive brain: Using analogies and associations to generate predictions. *Trends in Cognitive Sciences*, 11 (7), 280–289.

Botvinick, M., Braver, T. (2015) Motivation and Cognitive Control: From Behavior to Neural Mechanism. *Annual Review of Psychology*, 66, 83–113.

Brosch, T., Pourtois, G., Sander, D. (2010) The perception and categorisation of emotional stimuli: a review. *Cognition and Emotion*, 24 (3), 377–400.

Bruner, J.S., Goodnow, J.J., Austin, G.A. (2017) A Study of Thinking. New York: Routledge.

Cohen, H., Lefebvre, C. (2005) Bridging the category divide. Handbook of categorization in cognitive science. In Cohen H., Lefebvre C. (Eds.) (pp. 1–17). Oxford: Elsevier.

Keuthen, N.J., Koranb, L.M., Aboujaoudeb, E., Largec, M.D., Serped, R.T. (2010) The prevalence of pathologic skin picking in US adults. *Comprehensive Psychiatry*, 51 (2), 183–186.

Kholodnaya M.A. (2012) Psychology of conceptual thinking: from generating structures to conceptual abilities. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». (in Russ.).

Kocalevent, R.-D., Fliege, H., Rose, M., Walter, M., Danzer, G., Klapp, B.F. (2005) Autodestructive Syndromes. A Literature Review. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 74 (4), 202–211.

Lakoff Dzh. (2004) Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.).

Malyutina, A.A., Vinogradova, M.G. (2017). Dysfunction of categorisation of bodily sensations in delusional parasitosis. *European Neuropsychopharmacology*, 27 (4), 908.

Moutat, A. (2015) Du sensible à l'intelligible. Pour une sémiotique de la perception. Limoges: Lambert-Lucas.

Perepelkina, O., Romanov, D., Arina, G., Volel, B., Nikolaeva, V. (2019). Multisensory mechanisms of body perception in somatoform disorders. *Journal of Psychosomatic Research*, 127, 1–8.

Petrenko V.F. (2005) Fundamentals of Psychosemantics. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

Rigoli, F., Pezzulo, G., Dolan, R., Friston, K. (2017) A Goal-Directed Bayesian Framework for Categorization [Electronic resource]. *Frontiers in Psychology*, 8, 408. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5360703/> (date of retrieval: 30.05.2020).

Romanov D.V. (2014) Psikhicheskie rasstroistva v dermatologicheskoi praktike (psikhopatologiya, epidemiologiya, terapiya): diss. ... d-ra med. nauk. (Mental disorders in dermatological practice: psychopathology, epidemiology, therapy). Doctoral dissertation (Medical sciences). Moscow. (in Russ.).

Rupchev G.E. (2000) Psikhologicheskaya struktura vnutrennego telesnogo opyta pri somatizatsii (na modeli somatoformnykh rasstroistv): diss. ... kand. psikhol. nauk. (Psychological structure of the inner body experience with somatization (on the model of somatoform disorders): Ph.D. (Psychology)). Moscow. (in Russ.).

Smulevich A.B., Romanov D.V., Lvov A.N. (2015) Delusional parasitosis and related disorders. Moscow: GEOTAR-Media. (in Russ.).

Tkhostov A.Sh. (2002) Psychology of corporeality. Moscow: Smysl. (in Russ.).

Tkhostov A.Sh., Elshanskii S.P. (2011) Method for studying the intraceptive sensations dictionary. In Khanina I.B., Leont'ev D.A. (Eds.) Psychology of subjective semantics. The origins and development (pp. 274–284). Moscow: Smysl. (in Russ.).

Tkhostov A.Sh., Nelyubina A.S. (2019) Cultural and historical approach to health psychology: cultural studies, semiotics and mythology of health. In Tkhostov A., Rasskazova E. (Eds.) Handbook of Health Psychology (pp. 102–152). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.).

Van den Bergh, O., Witthöft, M., Petersen, S., Brown, R. J. (2017). Symptoms and the body: Taking the inferential leap. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 74, 185–203.

Velichkovsky B.M. (2006) Cognitive Science: The Basics of Psychology of Cognition. Vol. 2. Moscow: Smysl, Izdatel'skii tsentr "Akademiya". (in Russ.).

Vlasyuk A.P., Ivanov S.V., Malyutina A.A. (2015) Non-psychotic endogenous depressions with somatohypochondriac disorders. *Psikhicheskie rasstroistva v obshchei meditsine (Mental Disorders in General Medicine)*, 1, 18–26. (in Russ.).

Zacharioudakis, N., Vlemincx, E., Van den Bergh, O. (2020). Categorical interoception and the role of threat. *International Journal of Psychophysiology*, 148, 25–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградова Марина Геннадьевна — кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: mvinogradova@yandex.ru

Ермушева Анастасия Алексеевна — ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия. E-mail: aermusheva@gmail.com

ABOUT THE AUTHERS

Vinogradova Marina G. — PhD in Psychology, Associate Professor of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: mvinogradova@yandex.ru

Ermusheva Anastasia A. — Assistant of the Department of Pedagogy and Medical Psychology of the First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov, Russian Ministry of Health (Sechenov University), Moscow, Russia. E-mail: aermusheva@gmail.com

УДК: 159.923
doi: 10.11621/vsp.2020.04.10

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

О.С. Ковшова*, **Т.И. Киреева**

Клиники ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России — ГБУЗ СО Самарская городская детская поликлиника № 9, Самара, Россия.

* Для контактов. E-mail: ol1955ga@yandex.ru

Своевременная комплексная диагностика психосоциальных факторов, участвующих в становлении ДЦП у детей, их влияние на формирование детско-родительских отношений актуальна и практически значима. Негармоничное воспитание, эмоциональные нарушения и личностные характеристики родителя могут повлиять на психическое развитие ребенка, способствовать нарушениям психосоциальной адаптации.

Цель исследования: выявить психологические характеристики детей с ДЦП и их матерей, определить особенности воспитания и детско-родительские взаимоотношения, провести клинико-психологическое сопровождение данного контингента с элементами когнитивно-поведенческой коррекции выявленных нарушений.

Методы исследования. Клиническая беседа и экспериментально-психологический метод, включающий: методы «Составления фигур» по 4 субтесту Векслера; метод рисуночных ассоциаций С. Розенцвейга (детский вариант) в модификации Н.В. Тарабриной, 1978; метод Рене Жиля, 1950; тест «СМОЛ», (В.П. Зайцев, 1981); метод «PARI» Е.С. Шефер, Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Нещерет, 1984. Методы статистического анализа.

Выборка состояла: 1 группа — 37 детей дошкольного возраста с ДЦП в возрасте 5–6 лет (17 девочек и 20 мальчиков) и их матери в Муниципальном казенном учреждении г. о. Самара РЦ «Журавушка»; 2 группа — 37 условно здоровых детей того же возраста и пола в ГБУЗ СО Самарская городская детская поликлиника № 9.

Результаты исследования. Установлено, что у детей с ДЦП эмоциональное реагирование в ситуации фрустрации идет с высокими самообвинительными реакциями, низкой социально-психологической адаптацией и заниженной самооценкой. Детско-родительские отношения находятся в

неоптимальном эмоциональном диапазоне. Проведена эффективная программа клинико-психологической когнитивно-поведенческой коррекции эмоциональных и поведенческих нарушений при ДЦП в детско-родительской группе.

Выводы. Выявлены психосоциальные факторы, влияющие на процессы адаптации детей дошкольного возраста при ДЦП. Семьи, имеющие детей с хроническими инвалидизирующими заболеваниями, такими как ДЦП, нуждаются в организации обучения и воспитания, включающих психокоррекционные и коррекционно-развивающие занятия.

Ключевые слова. Детский церебральный паралич, дети дошкольного возраста, детско-родительские отношения, психология семьи, когнитивно-поведенческая психологическая коррекция.

Для цитирования: Ковшова О.С., Киреева Т.И. Клинико-психологическое сопровождение детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 204–220. doi: 10.11621/vsp.2020.04.10

Поступила в редакцию: 02.07.2020 / Принята к публикации: 23.07.2020

CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR PRESCHOOL CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY

Olga S. Kovshova*, Tatiana I. Kireeva

Clinics of the Federal state Budgetary Educational Institution of Higher Education “Samara state medical University” of the Ministry of health of the Russian Federation; State Budgetary Healthcare Institution of the Samara region Samara city children’s polyclinic No. 9 (Samara, Russia).

*Corresponding author. E-mail: ol1955ga@yandex.ru

Relevance. Timely comprehensive diagnostics of psycho-social factors involved in the formation of cerebral palsy in children, their influence on the formation of child-parent relationships is relevant and practically significant. Inharmonious upbringing, emotional disorders and personal characteristics of the parent can affect the child’s mental development, contribute to violations of psycho-social adaptation.

Objective of the study: to reveal the psychological characteristics of children with cerebral palsy and those of their mothers, to determine the characteristics of upbringing and parent-child relationships, to conduct clinical and psychological

support of children with this disabling disease and their parents with elements of cognitive-behavioral correction of the identified disorders.

Methods of research. Clinical conversation and experimental psychological method including: “Assembling Figures” method according to the 4th Wechsler subtest; method of drawing associations by S. Rosenzweig (children’s version) modified by N.V. Tarabrina(1978); René Gilles method, 1950; test “SMOL” (V.P. Zaitsev, 1981); “PARI” method by E.S. Schaefer and R.K. Bell, adapted by T. V. Neshcheret (1984). Methods of statistical analysis were used as well.

The sample consisted of: Group1 (n1) — 37 pre-school children with cerebral palsy aged 5–6 years (17 girls and 20 boys) and their mothers in the MCU of Samara RC “Zhuravushka”; Group 2 (n2) — 37 conditionally healthy children of the same age and gender in the SBU SAMARA city children’s polyclinic No. 9.

Research results. It was found that in children with cerebral palsy, emotional response in a situation of frustration is accompanied by high self-accusatory reactions, low socio-psychological adaptation and low self-esteem. Child-parent relationships are in the suboptimal emotional range. An effective program of clinical and psychological cognitive-behavioral psychological correction of emotional and behavioral cerebral palsy disorders in the parent-child group was carried out.

Conclusions. Psychosocial factors affecting the adaptation processes of preschool children with cerebral palsy were identified. Families with children with chronic disabling diseases such as cerebral palsy, need to organize training and education, including psycho-corrective and correction-developmental classes.

Keywords: Cerebral palsy, children, parent-child relationships, family psychology, cognitive-behavioral psychocorrection.

For citation: Kovshova, O.S., Kireeva, T.I. (2020) Clinical and psychological support for preschool children with cerebral palsy. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 204–220. doi: 10.11621/vsp.2020.04.10

Received: July 02, 2020 / Accepted: July 23, 2020

Введение

В России, как и за рубежом, по данным статистики заболеваемость ДЦП составляет (5,0–6,0 на 1000), что предполагает около миллиона этого контингента детей. С каждым годом общее количество детей с диагнозом ДЦП остается стабильно высоким и не уменьшается число семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации инвалидизирующего заболевания, что свидетельствует

об актуальности данной проблемы и оказания психологической помощи таким детям и их семьям. Особенно важна психологическая помощь матерям, поскольку, в большинстве случаев, именно они несут основную нагрузку по уходу, воспитанию, развитию и лечению детей с ДЦП, что подтверждается в ряде исследований (Тихомирова, 2013; Пятакова, Мамайчук, Умнов, 2017; Бурлакова, 2018; Краснощёкова, Ковшова, 2019).

Во многих исследованиях показано, что рождение в семье ребенка с отклонениями в психофизическом развитии изменяет функционирование семьи. Зарубежные исследователи подтверждают, что семьи, имеющие детей с хроническими инвалидизирующими заболеваниями и проблемами развития, такими как ДЦП, нуждаются в организации специальных условий обучения и воспитания, включающих психокоррекционные и коррекционно-развивающие занятия (Arel, M., 2007).

В ситуации хронического эмоционального стресса, связанного с болезнью ребенка от матери требуется мобилизация усилий по преодолению сложной жизненной ситуации. Своевременная комплексная диагностика психологических и социальных факторов, участвующих в становлении ДЦП у детей и их матерей, актуальна и практически значима. Установлено, что у матерей, имеющих ребенка с ДЦП, преобладает эмоционально-напряженное отношение к его заболеванию, что снижает их психологический компенсаторный потенциал и возможности адаптации в условиях сложного восстановительного лечения детей (Herring, 2006; Okurowska-Zawada, 2011).

В работах отечественных и зарубежных ученых (Савина, Чарова, 2002; Мамайчук, 2006; Киселева, 2017; Vijesh, 2007; Rentinck, 2009) установлены психологические и социальные факторы в развитии ДЦП у детей, которые позволили сформировать и обосновать систему психокоррекционных мероприятий, направленных на психосоциальную адаптацию детей, профилактику эмоциональных нарушений, повышение психолого-педагогической культуры родителей, гармонизацию детско-родительских отношений.

Эмоциональные нарушения и личностные характеристики матери, негармоничное воспитание могут влиять на развитие ребенка, способствовать нарушениям психологической адаптации. В связи с этим актуальным представляется комплексная диагностика психосоциальных факторов, которые могут способствовать нарушению развития и психологической адаптации ребенка с ДЦП.

Цель исследования: выявить психологические характеристики детей с ДЦП и их матерей, определить особенности воспитания и детско-родительские взаимоотношения, провести клинико-психологическое сопровождение детей и их матерей, с когнитивно-поведенческой коррекцией выявленных нарушений.

В процессе исследования ставились следующие задачи: определить особенности мышления детей с ДЦП, тип и направление эмоционального реагирования в ситуации фрустрации, фрустрационную толерантность и психологическую адаптацию детей с ДЦП и психологические характеристики матерей, особенности воспитания и детско-родительские взаимоотношения у данного контингента, провести когнитивно-поведенческую психологическую коррекцию выявленных психологических нарушений.

Выборка. Исследование проводилось на базе Государственного учреждения Детского реабилитационного центра для детей с ограниченными возможностями «Журавушка», г. Самара и ГБУЗ СО Самарская городская детская поликлиника № 9. Выборка состояла из 2-х групп сравнения: 1 группа — 37 детей дошкольного возраста с ДЦП, в возрасте 5–6 лет (17 девочек и 20 мальчиков) и их матери. «Умственная отсталость» исключена в сочетанном диагнозе ДЦП. 2 группа — 37 человек (17 девочек и 20 мальчиков) условно здоровых детей того же возраста и пола, не состоящих на диспансерном учете с каким-либо заболеванием и не предъявляющие жалоб, а также их матери. Характеристика неврологических нарушений при ДЦП представлена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика неврологических нарушений у детей при ДЦП*

Диагноз ДЦП	Экспериментальная группа	
	Мальчики (n = 20)	Девочки (n = 17)
Нижняя спастическая диплегия	7	6
Спастический тетрапарез	5	5
Левосторонний гемипарез	7	6
Левый смешанный нижний парапарез	1	0

Примечание: * ДЦП без сочетанного диагноза «Умственная отсталость».

Методы исследования

Клиническая беседа и экспериментально-психологический метод, включающий: методы «Составления фигур» по 1–4 субтесту Векслера; метод рисуночных ассоциаций С. Розенцвейга (детский вариант) в модификации Н.В. Тарабариной (Тарабарина, 1978); метод Рене Жилия (Рене Жиль 1950); «Рисунок семьи»; тест «СМОЛ» по В.П. Зайцеву (В.П. Зайцев, 1981); метод «PARI» по Е.С. Шеферу, Р.К. Беллу в адаптации Т.В. Нещерет, (Е.С. Шефер, Р.К. Белл, 1984).

Методы статистического анализа. В работе использованы методы статистической обработки результатов U- критерий Манна-Уитни и статистического «критерия s_2 ».

Результаты исследования

Установлены высокие достоверно значимые различия в группах сравнения по высокому и среднему уровню сформированности аналитико-синтетического мышления ($U = 10$, при $p \leq 0,001$).

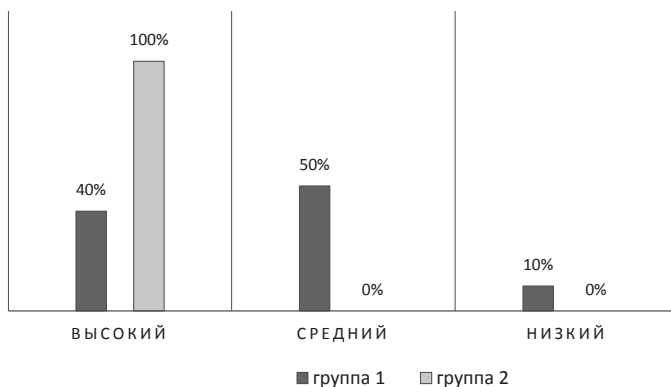

Рис. 1. Аналитико-синтетическое мышление у детей в группах сравнения

Выявлено, что высокий уровень выполнения интеллектуальных заданий продемонстрировали 40% из числа детей с ДЦП и 100% здоровых дошкольников. Средний уровень показали 50% детей с ДЦП, во 2-й группе средних значений выявлено не было. Низкий уровень выполнения характерен для 10% обследуемых с ДЦП. Таким образом, менее половины обследованных детей с ДЦП характеризуется высоким уровнем формирования аналитико-синтетических

способностей, половина — средним уровнем, низкий уровень характерен для 10% детей с ДЦП (рис. 1).

По результатам проведения методики «Составление фигур» было выявлено, что высокий уровень сформированности сенсомоторной координации, способности синтеза целого из частей характерен для 60% детей с ДЦП и в 100% здоровых дошкольников.

Средний уровень сформированности встречается у 30% детей с ДЦП, а низкий — в 10% случаев. Различия между группами подтверждены статистически ($U = 15$, при $p \leq 0,004$). Уровень сформированности сенсомоторной координации, способности синтеза целого из частей у детей с ДЦП достоверно ниже, чем у здоровых дошкольников, что можно объяснить сужением общего поля зрения и нарушением или задержкой формирования пространственных представлений у детей дошкольного возраста с ДЦП (рис. 2).

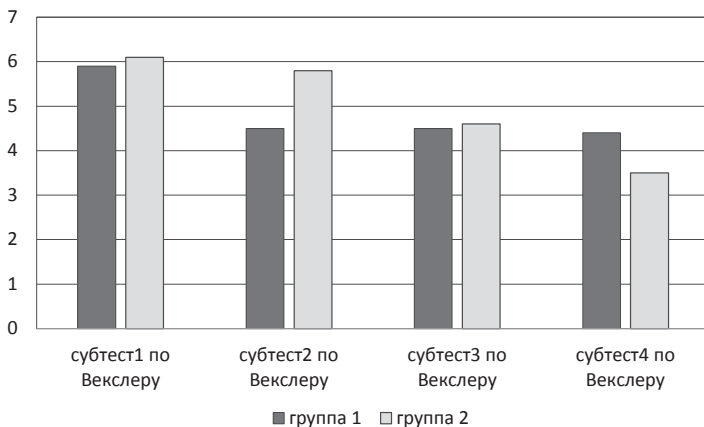

Рис. 2. Уровень сформированности сенсомоторной координации

У детей дошкольного возраста с ДЦП в ситуации фрустрации преобладает препятственно-доминантный тип эмоционального реагирования ($OD > ED > NP$) и импунитивное направление эмоционального реагирования ($M > I > E$).

Диагностируется высокий «удельный вес» интрапунитивных реакций (ΣI) в форме удовлетворения ситуативной потребности ($i = 3.13$), повышения удельного веса самообвинительных реакций и низким коэффициентом социальной адаптации ($GCR = 28$).

Таблица 2

Показатели эго-блокинговых факторов по методу С. Розенцвейга

Эго-блокинговые факторы	1 группа	2 группа	Стандарт
«Направление агрессии» ($\Sigma E/\Sigma I$)	0,4±0,10*	0,2 ±0,92	1,3–3,1
«Внешняя агрессия» ($\Sigma E/\Sigma M$)	1,3±0,50	0,6± 0,19	1,1–2,2
«Трансформация агрессии» (E/e)	0,7±0,25*	0,2±0,10	1,3–3,6
«Решение проблем самостоятельно» (i/e)	1,9±0,70*	4,3±0,78	0,6–1,7

Примечание: * статистически значимые различия при $p < 0,05$.

Характер эмоционального реагирования в ситуации фрустрации у детей с ДЦП можно отнести к варианту внутриличностной дезадаптации, тип и направление эмоционального реагирования значительно отличаются от стандарта (табл. 2). Диагностировано достоверное снижение самозащитных реакций (ED) и «направления агрессии» ($\Sigma E/\Sigma M$) — (0,4±0,10, $p < 0,05$) по сравнению со стандартом, с высоким индексом (i/e), самостоятельного решения проблемы что свидетельствует о низкой фрустрационной толерантности. Исходя из этого, можно предположить, что дети с ДЦП более уязвимы в отношении устойчивости к фрустрации, чем их нормально развивающиеся сверстники и нуждаются в профилактике неадаптивного эмоционального реагирования (Ковшова, 2015; Краснощекова, Ковшова, 2019).

Клиническая беседа и наблюдение выявили более, чем у половины матерей 1-й группы формирование доверительных отношений: они хорошо вступали в контакт с психологом, проявляли заинтересованность в общении, были активными. В табл. 3 представлены психологические характеристики личности матерей по методике СМОЛ в группах сравнения.

Определена достоверность результатов по восьми клиническим шкалам — 1-й (ипохондри), 2-й (депрессии), 3-й (истерии), 4-й (асоциальной психопатии), 6-й (паранойяльных изменений), 7-й (психастении), 8-й (шизоидии) и 9-й (гипомании). Было выявлено преобладание черт «шизоидности» и «асоциальной психопатии» в 1-й группе матерей, воспитывающих детей с ДЦП, диагностируемых в рамках акцентуации характера. Различия в группах сравнения подтверждены статистически: «шизоидность» ($U = 14,5$ при $p \leq 0,007$) и «асоциальная психопатия» ($U = 25$, при $p \leq 0,052$) по сравнению с матерями, воспитывающими здоровых детей дошкольного возраста.

Таблица 3

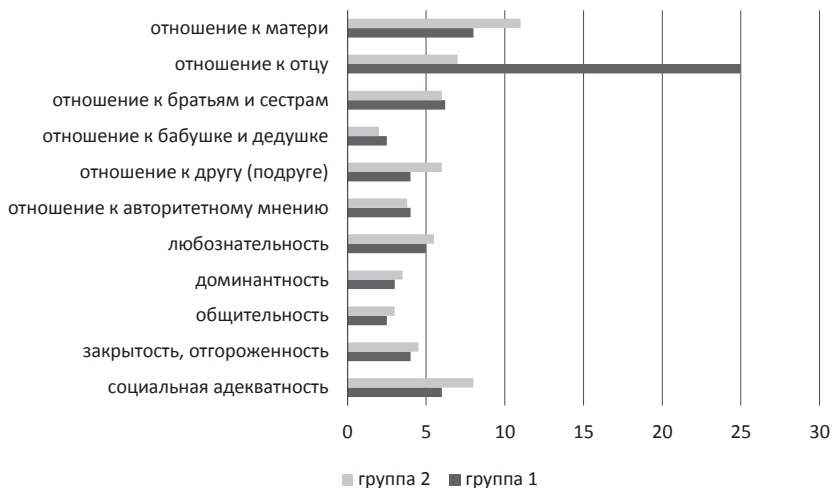
Результаты методики СМОЛ (m)

Клинические шкалы Группы	1 — иппохондрия	2 — депрессия	3 — истерия	4 — асоц. психопатия	5 — паранойяльность	6 — психастения	7 — шизоидность	8 — гипомания
	1 группа	7,8	7,1	11	9,6	3,7	13,7	14
2 группа	5,9	8,5	9,7	7,6	4,7	9,6	9	5,7
U-критерий Манна-Уитни	34,00	33,00	39,00	25,00	33,00	30,00	14,50	36,50
p	0,223	0,193	0,399	0,052	0,191	0,128	0,007	0,302

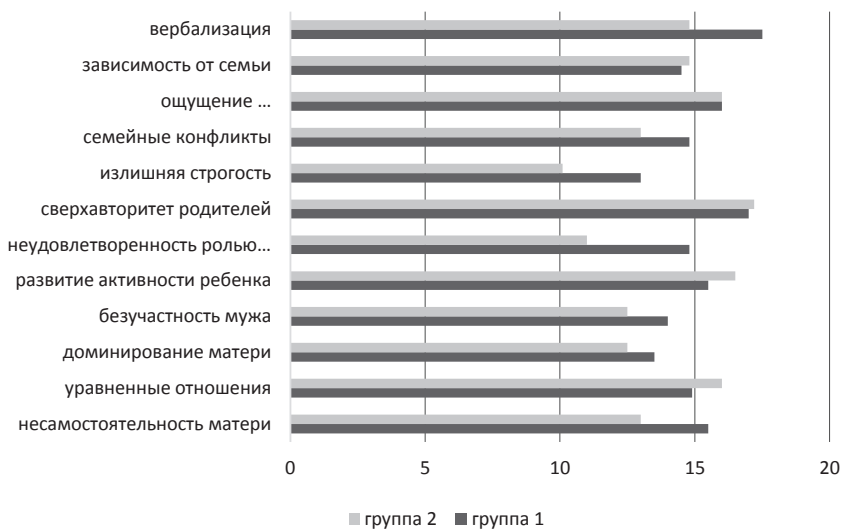
Черты шизоидной акцентуации характера говорят о преобладании аутистического поведенческого паттерна в психологии личности матери, воспитывающей ребенка с ДЦП, которая избегает широких социальных контактов, имеет сочетание повышенной чувствительности с эмоциональной холодностью и отчужденностью в межличностных отношениях. Акцентуация характера по типу «асоциальной психопатии» свидетельствует о наличии проблем, связанных с социальной дезадаптацией, проявляющейся в пренебрежении социальных норм, высокой обидчивостью, возбудимостью и чувствительностью в построении коммуникаций.

В межличностном взаимодействии детей дошкольного возраста с ДЦП достоверно значимо доминирует построение отношений с отцом ($p < 0,045$), что возможно связано с частым пребыванием ребенка с матерью во время болезни. Диагностируется снижение отношений со сверстниками ($p < 0,005$) и низкая социальная адекватность поведения по сравнению со здоровыми дошкольниками ($p < 0,0001$). В межличностных отношениях у детей дошкольного возраста с ДЦП отмечается низкая общительность, стремление доминировать, отдаление от сверстников (рис. 3).

Детско-родительские отношения у детей с ДЦП находятся в неоптимальном эмоциональном состоянии. Ребенок с ДЦП замкнут, избегает какого-либо общения, изолирован от окружающего мира, что приводит к психосоциальной дезадаптации, болезненным переживаниям, к трудностям установления межличностных контактов.

Рис. 3. Показатели межличностного взаимодействия детей в группах сравнения

Рис. 4. Детско-родительские отношения у детей в группах сравнения

Обсуждение результатов

Установлено, что у детей с ДЦП по сравнению со здоровыми детьми отмечены легкие когнитивные нарушения. Отмечено, что у 40% обследованных детей с ДЦП отмечается высокий уровень сформированности аналитико-синтетического мышления, в 50% — средний и в 10% — низкий уровень.

Эмоциональное реагирование в ситуации фрустрации — импунитивное, необходимо-упорствующее с высокими самообвинительными реакциями, низкой фрустрационной толерантностью, низкой социально-психологической адаптацией.

В межличностных отношениях у детей дошкольного возраста с ДЦП снижена общительность, выявляется стремление к доминированию и отдалению от сверстников. Детско-родительские отношения у детей с ДЦП находятся в неоптимальном эмоциональном состоянии: у матерей — побуждение словесных проявлений, вербализация, с излишней строгостью воспитания, неудовлетворенность ролью матери и низкая самостоятельность действий с желанием ускорить развитие ребенка.

Исследование психологических характеристик личности у матерей, имеющих детей с ДЦП, по сравнению со здоровыми детьми дошкольного возраста, выявило преобладание черт «шизоидности» и «асоциальной психопатии», диагностируемые в рамках акцентуации характера, свидетельствующие о наличии психологических проблем и социальной дезадаптации матери в ситуации болезни ребенка. Материнская эмоциональная напряженность, по мнению М.Г. Киселевой (Киселева, 2017) негативно влияет на психическое развитие не только здорового, но особенно больного ребенка. В ситуации хронического эмоционального стресса, связанного с болезнью ребенка, от матери требуется мобилизация усилий по преодолению сложной жизненной ситуации.

В работах отечественных и зарубежных исследователей (Серебрякова, Конева, 2019; Arel, 2007) утверждается, что материнские убеждения в самоэффективности, компетентности в воспитании детей и поведение самой матери значительно влияют на психологическое развитие ребенка. Эмоциональные нарушения и личностные характеристики родителя, негармоничное воспитание, могут влиять на развитие личности и поведение ребенка, способствовать нарушениям психологической адаптации. Исследования В.С. Тихомировой (Тихомирова, 2013) достоверно подтверждают, что матери дошкольников, страдающих детским церебральным параличом, независимо

от пола ребенка, проявляют к ним положительное эмоциональное отношение, но дают более низкую оценку их возможностей в отличие от матерей, воспитывающих здоровых детей. Поэтому своевременная комплексная диагностика психологических и социальных факторов, участвующих в становлении ДЦП у детей и их матерей, актуальна и практически значима.

Программа медико-психологической коррекции и психотерапии при ДЦП у детей дошкольного возраста строилась по общепринятому методологическому подходу (Мамайчук, 2006; Шевырева, Запорожец, 2016) и была направлена на развитие коммуникативных навыков, повышение психосоциальной адаптации в болезни, гармонизацию детско-родительских отношений в их стремлении проявлять заботу и чувствовать себя нужным человеком для ребенка и самосовершенствовать себя в процессе воспитания детей.

Основной этап медико-психологического сопровождения состоял в формировании психотерапевтической детско-родительской группы (8–10 человек). Работало параллельно 2 психотерапевтические группы: детская и взрослая психотерапевтические группы. Групповая когнитивно-поведенческая психотерапия с матерями проводилась отдельно 2 раза в неделю, 20 занятий. Время групповой работы 45 минут. Групповая психотерапия с детьми (5–8 человек) проводилась по типу интегративной детской психотерапии с элементами игровой и когнитивно-поведенческой психотерапии с участием матерей 2 раза в неделю, 20 занятий. Время групповой работы 30 минут.

Задача интегративной детской психотерапии, как и в обучении — постепенно переводить зону ближайшего развития ребенка, в зону актуального развития, в то, что он может сделать самостоятельно. В связи с этим выделяли линии психотерапевтического воздействия в коррекции эмоциональных и поведенческих нарушений у детей: от сказок и рассказов к рисункам, к играм (звук — образ — действие). У дошкольника основная деятельность — это игра. Поэтому игра являлась ведущим средством психологической коррекции данного возраста. Основные задачи коррекции в игре: снижение беспокойства и эмоционального напряжения, отреагирование агрессии в игровом действии, безопасным способом. Графические художественные техники и арттерапия позволили детям с ДЦП построить отношения между психологом, ребёнком и другими участниками группы, стимулировать воображение и помочь разрешать конфликты, налаживать

отношения между участниками. Совместное участие в художественной деятельности способствовало созданию отношений эмпатии и взаимного принятия. Применялись различные изобразительные средства: карандаши, фломастеры, гуашь, чернила, мелки, листы бумаги больших размеров.

Использование метода сказкотерапии с дошкольниками в сочетании с настольным театром, с графическим методом, способствовало формированию произвольного внимания, развивая наглядно-образное мышление, вербальное взаимодействие, способствуя развитию внутренних представлений, образного и логического мышления, речи.

Отличительной чертой и важным преимуществом когнитивно-поведенческой психокоррекции явилось развитие навыков эмоциональной саморегуляции у детей с ДЦП и их родителей, дети обучились целому ряду приемов, позволяющих им снизить тревожное состояние и эмоциональный дискомфорт, используя приемы релаксации, развивать двигательные функции и коммуникативные навыки через сюжетно-ролевые игры.

Эффективность психотерапии у детей дошкольного возраста с ДЦП оценивалась по клиническим и диагностическим критериям по GCR (коэффициенту групповой адаптации по методике С. Розенцвейга). После проведения программы у детей с ДЦП выявлено достоверное повышение показателя групповой адаптации (GCR) с 28 до 37% ($p < 0,05$), что свидетельствовало об эффективности и успешности проведения программы когнитивно-поведенческой и интегративной детско-родительской психотерапии.

Таким образом, выявлены психосоциальные факторы, влияющие на развивающуюся личность ребенка и на процессы психологической адаптации детей дошкольного возраста при ДЦП. Семьи, имеющие детей с хроническими инвалидизирующими заболеваниями и проблемами развития, такими как ДЦП, нуждаются в организации специальных условий обучения и воспитания, включающих психокоррекционные и коррекционно-развивающие занятия. Отличительной чертой и важным преимуществом когнитивно-поведенческой психокоррекции явилось развитие навыков саморегуляции у детей с ДЦП и их матерей, которые обучились когнитивно-поведенческим техникам, позволяющим самостоятельно справляться с возникающими негативными переживаниями и жизненными проблемами.

Выводы

1. У детей с ДЦП по сравнению со здоровыми дошкольниками в 10% случаев установлен низкий уровень сформированности аналитико-синтетического мышления, у большинства детей с ДЦП — средние (50%) и легкие (40%) нарушения в виде стереотипии мышления.

2. Эмоциональное реагирование в ситуации фрустрации — импунитивное, необходимо-упорствующее с высокими самообвинительными реакциями, низкой фрустрационной толерантностью, низкой социально-психологической адаптацией (GCR).

3. Ребенок с ДЦП замкнут, избегает какого-либо общения, изолирован от окружающего мира, что приводит к психосоциальной дезадаптации, эмоциональным переживаниям, к трудностям установления эмоциональных контактов с другими людьми.

4. В психологическом портрете матерей, воспитывающих детей с ДЦП выявлено преобладание черт «шизоидности» и «асоциальной психопатии» в рамках акцентуации характера, которые отражаются в эмоциональных дисфункциях, пониженном контроле эмоций и поведения, что свидетельствуют о наличии проблем, связанных с нарушением психологической адаптации.

5. Детско-родительские отношения у детей с ДЦП находятся в неоптимальном эмоциональном диапазоне, что диктует необходимость реконструкции детско-родительских взаимоотношений и гармонизацию межличностных отношений между членами семьи, используя когнитивно-поведенческий подход в психологической коррекции.

6. Семьи, имеющие детей с хроническими инвалидизирующими заболеваниями и проблемами развития, такими как ДЦП, нуждаются в организации обучения и воспитания, включающих психокоррекционные и коррекционно-развивающие занятия.

7. Программа медико-психологической коррекции на основе когнитивно-поведенческого подхода направлена на психопрофилактику эмоциональных нарушений и формирование навыков адаптивного поведения и отношения в семье, воспитывающей ребенка с ДЦП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлакова Н.С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 17–29.

Киселева М.Г. Депрессия у детей младенческого и раннего возраста // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95–104.

Ковшова О.С., Хрячкова Н.В. Формирование личности и психическая адаптация подростков с детским церебральным параличом // XIII Мнухинские чтения. Международная научная конференция «Расстройства личности, адаптации и поведения в детском и подростковом возрасте», СПб. 2015. С. 113–118.

Краснощёкова И.В., Ковшова О.С. Психологические характеристики личности матери, воспитывающей ребенка с психическим дизонтогенезом // Неврологический Вестник. 2019. № 3. С. 36–43.

Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии. СПб.: Речь. 2006. 400 с.

Пятакова Г.В., Мамайчук И.И., Умнов В.В. Психологические защитные механизмы у детей с ДЦП в контексте материнского отношения к болезни ребенка // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. 2017. Т. 5. Вып. 3. С. 58–65.

Савина Е.А., Чарова О.Б. Особенности материнских установок по отношению к детям с нарушениями в развитии // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 15–23.

Серебрякова Т.А., Конева, И.А. и др. Эмпирический подход к изучению гендерных особенностей представлений о родительстве // Национальный психологический журнал. 2019. № 2 (34). С. 99–109.

Тихомирова В.С. Специфика оказания психологической помощи матерям, воспитывающих детей дошкольного возраста с ДЦП. // Сборник методических материалов «Клиническая психология. Наука и практика: пути интеграции» / Под ред. А.Н. Алехина, Е.Д. Глухой, Е.А. Трифоновой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. С. 237–246.

Шевырева Е.Г., Запорожец А.В. Клинико-психологические особенности детей с церебральным параличом // Современный ученый. 2016. № 4. С. 30–32.

Arel, M. (2007) Mother's psychological distress 1 year after very preterm childbirth. *Child Care Health*, 2 (33), 137–143.

Herring, S. (2006) Behavior and emotional problems in toddlers with pervasive developmental disorders and developmental delay: associations with parental mental health and family functioning. *Journal of Intellectual Disability Research*, 50 (12), 874–882.

Okurowska-Zawada, B. (2011) Quality of life of parents of children with cerebral palsy. *Progress in Health Sciences*, Vol. 1 (1), 116–123.

Rentinck, I.C.M. (2009) Parental adaptation in families of young children with cerebral palsy. Utrecht : Labor Grafimedia BV.

Vijesh, P.V. (2007) Stress among mothers of children with cerebral palsy attending special schools. *Asia Pacific Disability Rehabilitation Journal*, 18 (1), 76–92.

REFERENCES

- Arel, M. (2007) Mother's psychological distress 1 year after very preterm childbirth. *Child Care Health and Development*, 2, 33, 137–143.
- Burlakova N.S. (2018) Mental development of children who survived mass disasters: from consequences studying to development designing on the basis of cultural and historical analysis. *National Psychological Journal*, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 11 (1), 17–29. (in Russ.).
- Chevireva E.G., Zaporozhets A.V. (2016) Clinical and psychological characteristics of children with cerebral palsy. *Modern scientist*, 4, 30–32. (in Russ.).
- Herring, S. (2006) Behavior and emotional problems in toddlers with pervasive developmental disorders and developmental delay: associations with parental mental health and family functioning. *Journal of Intellectual Disability Research*, 50, 12, 874–882.
- Kiseleva M.G. (2017) Depression in infants and toddlers. *National Psychological Journal*, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4, 104–113. (in Russ.).
- Kovshova O.S., Chryachkova N.V. (2015) Factors of mental adaptation of adolescents with cerebral palsy. In *Materials of the conference. Disorders of personality, adaptation and behavior in childhood and adolescence (113–118)*. Saint-Petersburg. (in Russ.).
- Krasnoshchekova I.V., Kovshova O.S. (2019) Psychological characteristics of the personality of a mother bringing up a child with a psychic dysontogenesis. *Neurological Bulletin*, T. LI (3): 36–43 (in Russ.).
- Mamajchuk I.I. *Psycho technologies for children with problems in development*. St. Petersburg: Speech. 2006. 400 p. (in Russ.).
- Pyatakova G.V., Mamaichuk I.I., Umnov V.V. (2017) Psychological defense mechanisms in children with cerebral palsy in the context of the maternal attitude to the child's illness. *Pediatric Traumatology, Orthopedics and Reconstructive Surgery*, 5, 3, 58–65. (in Russ.).
- Okurowska-Zawada, B. (2011) Quality of life of parents of children with cerebral palsy. *Progress in Health Sciences*, 1, 1, 116–123.
- Rentinck, I.C.M. (2009) *Parental adaptation in families of young children with cerebral palsy*. Utrecht: Labor Grafimedia BV. Dankwoord.
- Savina E.A., Charova O.B. (2002) Features of maternal attitudes towards children with developmental disabilities. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 6, 15–23. (in Russ.).
- Tatyana A. Serebryakova, Irina A. Koneva, Lydia E. Semenova, Vera E. Semenova. (2019). An empirical approach to studying gender attitude to parenting. *National Psychological Journal*, 2, 99–109. (in Russ.).
- Tikhomirova B.C. (2013) Specificity of providing psychological assistance to mothers raising preschool children with cerebral palsy. In *Collection of methodological materials "Clinical Psychology, Science and practice: ways of integration"*, Saint Petersburg: publishing house of the A.I. Herzen RGPU, (237–246). (in Russ.).
- Vijesh, P.V. (2007) Stress among mothers of children with cerebral palsy attending special schools. *Asia Pacific Disability Rehabilitation Journal*, 18, 1, 76–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковшова Ольга Степановна — доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской психологии и психотерапии ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России, Самара, Россия. E-mail: OI1955ga@yandex.ru

Киреева Татьяна Ивановна — кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры медицинской психологии и психотерапии ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России, Самара, Россия. E-mail: kireevatatjana@lenta.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Kovshova — Doctor of Medicine, Associate Professor, Head of the Department of medical psychology and psychotherapy of the Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: OI1955ga@yandex.ru

Tatiana I. Kireeva — PhD in Medicine, Associate Professor, Department of medical psychology and psychotherapy Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: kireevatatjana@lenta.ru

УДК 159.9

doi: 10.11621/vsp.2020.04.11

ЛИЧНОСТНАЯ НАДЕЖНОСТЬ СПАСАТЕЛЕЙ МЧС И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ

Н.Н. Симонова*, **А.С. Мастренко**, **Ф.Р. Султанова**,
Л.М. Губайдулина, **В.В. Барабанщикова**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.

Для контактов*. E-mail: n23117@mail.ru

Актуальность: Профессиональная надежность — сложный многоаспектный конструкт, который используется для прогнозирования профессиональной успешности специалистов экстремального профиля. Такое прогнозирование осуществляется в масштабных исследованиях путем сложного многоэтапного моделирования, однако прогноз будет абстрактным, неприложимым к отдельным случаям. Альтернатива — прогнозирование отдельных аспектов успешности. При этом наибольшей прогностической ценностью обладают компоненты «личностной надежности», поскольку с развитием цивилизации и изменением отношений «человек-машина» внутреннее содержание профессиональной надежности сместилось с преимущественно функциональной составляющей на мотивационную, морально-нравственную и социально-психологическую, включая феномен саморегуляции.

Цель исследования: изучение компонентов личностной надежности в качестве возможных предикторов отдельных аспектов профессиональной успешности спасателей.

Выборка: 31 специалист (мужчины), спасатели одного из подразделений МЧС в возрасте от 24 до 45 лет.

Методики исследования: экспертная оценка профессиональной успешности; самооценка уровня профессионализма; метод кейсов; тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции»; «11 личностных факторов»; тест «Мотивационный профиль» Ричи Ш., Мартина П.; тест фрустрационных реакций Розенцвейга; «экспресс-методика» по изучению социально-психологического климата в коллективе (О.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто); диагностика привлекательности труда (В.М. Снетков).

Выводы (кратко): а) возможно использование показателя успешности в тренировочной ситуации в качестве прогностического средства профессиональной успешности; б) влияние личностной надежности на профессиональную успешность дифференцированное — отдельные компоненты надежности определяют успешность отдельных результатов, поэтому прогнозирование невозможно в целом, но возможно дифференцированно; в) эффективность социально-психологического взаимодействия вносит важный вклад в профессиональную успешность, причем компоненты социально-психологического климата играют в этом разные роли.

Ключевые слова: профессиональная успешность, спасатели МЧС, личностная надежность, прогнозирование.

Благодарности: исследование выполнено при финансировании гранта 19-013-00799 А «Прогностическая модель адаптивности и надежности профессионалов в экстремальных условиях труда».

Для цитирования: *Симонова Н.Н., Мастренко А.С., Султанова Ф.Р., Губайдулина Л.М., Барабаншичкова В.В.* Личностная надежность спасателей МЧС и их профессиональная успешность // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 221–250. doi: 10.11621/vsp.2020.04.11

Поступила в редакцию: 29.09.2020 / Принята к публикации: 01.11.2020

PERSONAL RELIABILITY OF RESCUERS OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS AND THEIR PROFESSIONAL SUCCESS WHEN LEAVING FOR EMERGENCIES AND IN A TRAINING SITUATION

Natalia N. Simonova*, **Alexandra S. Mastrenko**,
Faniya R. Sultanova, **Lyudmila M. Gubaidulina**,
Valentina V. Barabanshchikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Corresponding author*. E-mail: n23117@mail.ru

Relevance. Professional reliability is a complex multidimensional construct that is used to predict the professional success of specialists working in extreme conditions. Such forecasting is possible in large-scale studies using complex mul-

ti-stage modeling, but the forecast will be abstract, not applicable to individual cases. An alternative is to predict certain aspects of success. At the same time, the components of “personal reliability” have the greatest predictive value, since with the development of civilization and changes in the “man-machine” relationship, the internal content of professional reliability shifted from a predominantly functional component to motivational, moral and socio-psychological, including the phenomenon of self-regulation.

The purpose of the research is to study the components of personal reliability as possible predictors of certain aspects of professional success of rescuers.

Sample: 31 specialists (men), rescuers of one of the Subdivision Ministry of Emergency Situations AQUASPASS, aged 24 to 45 years.

Research methods: expert assessment of professional success; self-assessment of the level of professionalism; case method; test questionnaire A.V. Zverkova and E.V. Eydman “Research of volitional self-regulation”; “11 personality factors”; test “Motivational Profile” by Ritchie S., Martin P.; Rosenzweig frustration test; “Express methodology” for studying the social and psychological climate in a team (OS Mikhalyuk and A.Yu. Shalyto); diagnostics of the attractiveness of labor (V.M. Snetkov).

Conclusions (briefly): a) it is possible to use the indicator of success in a training situation as a predictor of professional success; b) the influence of each of the components of personal reliability on different aspects of professional success is differentiated, therefore, forecasting is more optimal also in differentiated options; c) the effectiveness of socio-psychological interaction makes an important contribution to professional success, and the components of the socio-psychological climate play different roles in this.

Key words: professional success, rescuers of the Ministry of Emergency Situations, personal reliability, forecasting.

Acknowledgments: The study was carried out with funding from grant 19-013-00799 A “Predictive model of adaptability and reliability of professionals in extreme working conditions”.

For citation: Simonova, N.N., Mastrenko, A.S., Sultanova, F.R., Gubaidulina, L.M., Barabanshchikova, V.V. (2020) Personal reliability of rescuers of the Ministry of Emergency situations and their professional success when leaving for emergencies and in a training situation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, P. 221–250. doi: 10.11621/vsp.2020.04.11

Received: April 09, 2020 / Accepted: June 01, 2020

Введение

Профессия спасателя по многим причинам становится все более востребованной. Это одна из наиболее ответственных и опасных профессий. Условия, в которых работают спасатели, в том числе сотрудники Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС), чаще всего экстремальные и сверхэкстремальные. Экстремальные условия включают в себя огромное число стрессогенных факторов, которые при отсутствии достаточной физической и психологической подготовки спасателя к труду в данной сфере приводят к снижению профессиональной успешности, к сбоям и отказам, психологическая и экономическая цена за которые очень высока (Небылицын, 1964; Cooper et al., 1980; Леонова, 2018; Bell & Williams, 2018; Бодров, 2019; Губайдулина и др., 2019; Федотов, 2020). В ситуациях экстремального спектра человеческие возможности испытываются на прочность, при этом вероятность и цена ошибки возрастают (Кабанова, 2017). Поэтому обеспечение успешности профессиональной деятельности спасателей — первостепенное дело в современном мире. Для этого необходима адекватная времени упреждающая и профилактическая работа, опирающаяся на грамотную диагностику, которая позволит прогнозировать и адаптивность специалистов, и их успешность, а также правильное распределение сил при подготовке профессионалов.

Именно в экстремальных ситуациях проявляется такое качество специалиста, как профессиональная надежность, причем в оптимальных ситуациях проявления этого качества сглажены (Небылицын, 1964; Крук и др., 2018). Надежность играет ключевую роль в обеспечении безошибочной работы в психологически стрессовых условиях (Morosanova et al., 2017). Успешность профессиональной деятельности в экстремальных условиях с высокой долей вероятности обеспечивается надежностью (Бодров, 2019), поэтому актуальной остается проблема диагностики надежности спасателя как предиктора или детерминанты успешности, но решать ее нужно в контексте сегодняшних реалий.

Профессиональная надежность в наиболее общем виде — это вероятность успешного выполнения задания, основа профессиональной успешности, предполагающая возможность достижения определенной цели, а также соответствие сотрудника предъявляемым к его профессии требованиям (Небылицын, 1964; Леонова, 2018; Бодров, 2019; Федотов, 2020 и др.). Надежность подтверждается

конечным результатом деятельности, а также точностью и своевременностью действий в трудовом процессе (Рыбников, 2000), но точность может колебаться в допустимых пределах с сохранением параметров функционирования работающей системы (Леонова, 2018; Бодров, 2019).

В 1970-х годах исследователи обнаружили, что от 40 до 70% различных аварий и катастроф связаны с ошибкой человека, а не с отказами оборудования или погодой. И в исследованиях, посвященных выполнению профессиональных обязанностей в экстремальных условиях максимум внимания получили профессии типа человек-машина (оператор), а ведущее место в изучении надежности заняли реакции человека на машину — скорость, точность, длительность рабочего периода до утомления, восстановление и т.д. (Небылицын, 1964; Бодров, 2019; Bell & Williams, 2018). В одном из самых содержательных сборников NASA, в котором дана многосторонняя характеристика различных подходов к обучению и отбору летного экипажа, человеческий фактор назван самой сложной частью общего моделирования ситуации достижения цели (Cooper et al., 1980: 222), однако предлагаемые рекомендации на тот момент касались преимущественно взаимодействия человека с машиной, и разрабатывались в направлении уменьшения вероятности совершения ошибок человеком.

То есть традиционно понятие «надежность» явно или косвенно опиралось на категорию «работоспособности» человека, что означает системное свойство, образующееся в результате включения в деятельность (Крук и др. 2018) и на требование сохранения работоспособности в изменившихся (усложнившихся) условиях, включая изменения временных и режимных характеристик. В этом смысле работоспособность наиболее близка к понятию функциональной надежности, которая понимается большинством исследователей как совокупность функциональных резервов организма, позволяющая специалисту выполнять задачи по предназначению и сохранять профессиональное долголетие.

Однако исследования лишь реакций и резервов организма сегодня явно недостаточно для обеспечения надежности. Кроме того, поскольку современная цивилизация ориентирована на высокий уровень развития экономики и технологий, на резкое усложнение профессиональной деятельности и техники, то и надежность, как саморазвивающаяся система во всей совокупности факторов, специфических для различных видов профессиональной деятель-

ности (Бодров, 2019), будет усложняться. Один из путей решения проблемы диагностики надежности — усложнение: многоэтапный мониторинг и прогнозирование ситуаций путем разработки громоздких моделей влияния, в которых значительное место занимают сбор квалификационных, характерологических и биографических сведений, сбор информации на уровне кейсов, а затем многомерный математико-статистический анализ, конструирование предполагаемых взаимодействий и соотношения рабочих групп (Рыбников, 2000; Карпинский, 2014; Бондур, 2016; Крук и др., 2018; Федотов, 2020).

Но такие сложные модели невозможно использовать в практике работы с реальным составом спасателей. Они прогнозируют лишь общее влияние, не учитывающее опосредующее воздействие большого количества дополнительных факторов. Поэтому необходим более практикоориентированный подход, обслуживающий более частные задачи, например, прогнозирование отдельных аспектов успешности в зависимости от целей и задач в конкретной ситуации.

Исследователи столкнулись с ситуациями, в которых профессиональная надежность может быть низкой, даже если функциональная составляющая вполне удовлетворительна. Человек не выдерживает нужный режим или допускает сбой по причинам субъективного характера — эмоционального состояния, ценностного неприятия ситуации и отсутствия мотивации, моральной неустойчивости, недобросовестности, плохого отношения к своей профессии и к коллегам (Стрельникова, 2013). Это могут быть факторы социально-психологического характера, когда профессиональная деятельность требует эффективного взаимодействия. В связи с этим в науке сейчас происходит смещение акцентов актуальности компонентов надежности: 1) потребовалось более эффективное социальное взаимодействие специалистов в процессе выполнения трудовых действий; 2) потребовался пересмотр стратегий контроля за выполнением профессиональных заданий: в глобальных системах, обслуживающих гигантские комплексы и имеющих огромное количество исполнителей, невозможно контролировать каждое действие, но можно контролировать морально-нравственные и мотивационные качества, которые с высокой вероятностью обеспечат саморегуляцию (Murayama et al., 2015; Kanfer & Ackerman, 2004). Это важно, поскольку именно профессиональная психическая саморегуляция является базовым качеством и необходимым условием для проявления других свойств надежности в наиболее выгодном варианте (Morosanova, 2017; Кабанова, 2017; Федотов, 2020).

Этот путь оказался более продуктивным для практиков. Мотивацию и морально-нравственные качества специалистов удобно использовать как предикторы, выявляя их на стадии оптации и отбора на вакансию. Убедительно показано: то, что мы можем назвать «внутренней мотивацией», непосредственно влияет на результат профессиональной деятельности (Kruglanski et al., 2015; Murayama et al., 2015; Scholer et al., 2018). Интересно, что хотя оценка мотивации, к примеру, выполнялась еще при создании первых стандартизированных методов диагностики надежности (Bell & Williams, 2018), сейчас она более актуальна и выполняется более адресно.

Мотивационные факторы и социальное взаимодействие занимают значительное место в современных разработках, например, тренинг управления ресурсами экипажа (CRM) (Helmreich et al., 1993; Flin, 1997) или разработки, позволяющие смещать измерения с индивидуальных на групповые или на те, которые позволят дифференцировать группы, что повышает прогностическую ценность измерений (Bliese et al., 2019). Показано также, что для достижения достаточного уровня профессиональной надежности мотивационная сфера должна пройти процесс профессионализации, при этом различные компоненты направленности играют в этой профессионализации разную роль (Kanfer & Ackerman, 2004; Федотов, 2020).

Вследствие всего происходящего в современной науке от понятий профессиональной и даже психологической надежности начинает автономизироваться такое понятие, как «личностная надежность», которая как раз более сосредоточена на мотивационных, социально-психологических и морально-нравственных качествах. В.М. Крук, отталкиваясь от психофизиологии, опосредует роль последней более высокими, социально ориентированными уровнями регуляции: «Личностная надежность определяется как базирующееся на психофизическом благополучии интегральное психологическое качество, обеспечивающее соответствие поведения специалиста установленным требованиям и корпоративным нормам» (Крук и др., 2018: 73).

Делается также серьезная заявка на обоснование и операционализацию еще более узких понятий — морально-нравственной надежности (Лазебная и Бессонова, 2014; Савинков, 2019) и смысловых аспектов профессиональной деятельности. К.В. Карпинский (2014), делая обзор зарубежных исследований профессиональной деятельности, обращает внимание, что в течение последних десятилетий оформилась самостоятельная область теоретико-эмпирических

исследований, именуемая «смысл работы» (meaning of work) — «...о психологических признаках и критериях, предпосылках и последствиях осмысленного труда, а также об условиях и механизмах, благодаря которым профессиональная деятельность становится значимой частью (сферой, доменом) индивидуальной жизни» (Карпинский, 2014: 36). Ссылаясь на конкретные исследования, К.В. Карпинский отмечает расплывчатость данного понятия, но подчеркивает, что смысл труда — это крайне действенный фактор психической регуляции как процессуальной стороны трудовой деятельности и делового общения, так и в целом профессиональной карьеры личности.

Это более перспективный путь для достижения практической эффективности. Личностную (шире — психологическую) и функциональную надежность можно считать равноправными компонентами профессиональной надежности.

Можно видеть, что исторически исследования профессиональной надежности двигались от измерения параметров наиболее объективированных, имеющих возможности строгого измерения, к характеристикам субъектного наполнения. Такое направление движения обусловлено как более глубоким и системным пониманием данной проблемы, так и изменениями в системе взаимодействия человек-машина.

Существующие операционализации конструктов «профессиональная успешность» и «профессиональная надежность»

Профессиональная успешность

Многочисленные исследователи профессиональной успешности в целях операционализации конструкта предлагают структурную модель этого системного, интегрального качества. В ряде работ в структуре профессиональной успешности выделяются внешние и внутренние факторы (Родина, 1996; Климов 2003), которые, в свою очередь, подразделяются на более локальные, первичные качества. Отсутствие или недостаточная выраженность этих качеств может привести не только к недостижению результата, но и к ухудшению психологического и физического здоровья специалистов (Родина, 1996; Кононова, 2018; Хаертдинова и Баринаова, 2019).

Основания для такого структурного решения вполне объективные. Внутренние факторы — качества, присущие, собственно, самому человеку, благодаря его индивидуальной основе, с одной стороны,

и опыту и воспитанию — с другой. Внешние факторы — это некое последствие совершаемой деятельности, внешне наблюдаемые результаты, доступные экспертной оценке. При этом В.Д. Небылицын сначала предложил такую структуру качеств (внутренние-внешние) для характеристики профессиональной надежности. Внутренние качества — анатомо-физиологические, учитываемые при медицинском отборе; психофизиологические — связанные с работой нервной системы; психологические, к которым В.Д. Небылицын относил сначала преимущественно интеллектуальные возможности индивида, но потом пересмотрел свое мнение и на первые места стал выдвигать волевые и характерологические качества (Небылицын, 1964; Крук и др., 2018). И практически все исследователи предлагают измерять профессиональную успешность через результат, по результату.

Поскольку профессиональная успешность специалиста, работающего в таких условиях, может считаться показателем наличия у него профессиональной надежности, при этом диагностика успешности более доступна и объективна, она может в исследовании играть роль некоего эмпирического индикатора наличия надежности.

Профессиональная надежность

Самыми распространенными качествами, измеряемыми при диагностике профессиональной надежности, являются физиологическая выносливость и работоспособность, которые являются основой функциональной надежности (Небылицын, 1964; Бодров, 2019; Крук, 2011; Лазебная и Бессонова, 2014; Леонова, 2018; Рыбников, 2000; Cooper et al., 1980; Flin, 1997; Bell et al., 2018). Здесь мнения исследователей очень близки, а методы измерения похожи.

На втором месте по популярности — качества, обеспечивающие саморегуляцию (Мильман, 1983; Кабанова и др., 2017; Леонова и Султанова, 2018; Федотов, 2020; Morosanova V. I. et al., 2017; Murayama et al., 2015; Scholer et al., 2018). При этом параметры саморегуляции становится целесообразнее измерять в связи с морально-нравственными и ценностными качествами, а также в контексте новых представлений о механизмах влияния мотивации (Kruglanski et al., 2015; Murayama et al., 2015), о метамотивационных убеждениях (Scholer et al., 2018). Актуализируются исследования, в которых внимание уделяется изучению ценностных, смысловых и социально-психологических факторов (Федотов, 2019; Веселова и Кузьмина, 2013; Карпинский, 2014; Кононова, 2018; Крук и др., 2018; Леонова и Султанова, 2018; Лазебная и Бессонова, 2014; Савинков, 2019;

Стрельникова, 2013; Bliese et al., 2019; Braver, 2014; Kanfer & Ackerman, 2004; Kruglanski et al., 2015). В последние годы исследователи признали важность более унифицированного и междисциплинарного подхода к измерению мотивации («наука о мотивации») (Braver et al., 2014; Kruglanski et al., 2015).

«Смысл работы», о котором пишет К.В. Карпинский, «...обуславливает такие психические и поведенческие феномены, как трудовая мотивация, производительность труда, абсентеизм, увлеченность работой, удовлетворенность работой, профессиональный стресс, профессиональная и корпоративная идентичность, карьерный рост, профессиональная самореализация и т.д.» (Карпинский, 2014: 37).

Диагностика неких интегральных показателей профессиональной надежности как основы профессиональной успешности специалистов экстремального профиля — сложный многомерный и многоэтапный процесс (Крук и др., 2013; Карпинский, 2014; Bell & Williams, 2018; Рыбников, 2000; Федотов, 2020). Практика показывает низкую рабочую эффективность этого подхода при всей его научной ценности.

Мы пошли по пути поиска дифференцированного прогноза профессиональной успешности. Как показал анализ проблемы, высокой прогностической ценностью обладают следующие параметры личностной надежности: специфика социально-психологического взаимодействия участников в процессе выполнения профессиональной деятельности, отношения внутри коллектива, а также мотивация труда и отношение специалиста к своей профессиональной деятельности, которые опосредуют влияние всех остальных факторов. Саморегуляция в структуре профессиональной надежности также будет опосредована перечисленными факторами. Таким образом, можно видеть, что в задаче прогнозирования на первый план выдвигаются качества, характеризующие личностную надежность.

Все эти соображения повлияли на наш дизайн исследования.

Постановка цели эмпирического исследования

Разнообразие целей, форм и условий реализации даже одной профессии в одном ведомстве становится более существенным фактором, чем наличие инвариантных моментов, а значит, более актуальными будут более частные прогностические задачи (для какой цели, какой роли в команде, в какие временные отрезки, где климатически и территориально, с какими людьми и с какой техникой, какие приоритеты у руководства и др.). Поэтому **целью нашего**

исследования является пилотное изучение компонентов личностной надежности в качестве возможных предикторов отдельных аспектов профессиональной успешности спасателей.

Общая гипотеза эмпирического исследования. Компоненты личностной надежности спасателя МЧС (специалиста экстремально-го профиля) оказывают дифференцированное влияние на отдельные аспекты профессиональной успешности, при этом интегративный уровень успешности невозможно прогнозировать на основе простой совокупности отдельных компонентов личностной надежности.

Дополнительные гипотезы

1. Волевая саморегуляция и мотивационные факторы не имеют прямого влияния на профессиональную успешность спасателя.

2. Успешность выполнения учебных и тренировочных заданий, приближенных к реальным, может выступать прогностическим фактором для будущих специалистов.

3. Эффективность взаимодействия на выезде (в реальной ситуации ЧС) и в тренировочной ситуации обеспечивается разными психологическими механизмами (факторами).

Дизайн исследования

Выборку составил 31 специалист (мужчины), работающие в службе спасения в одном из подразделений МЧС в возрасте от 24 до 45 лет (средний возраст $35,21 \pm 2,266$).

Методики исследования:

1. Метод экспертных оценок (в качестве экспертов — 3 руководителя):

а) оценка результативности деятельности на выезде и в тренировочной ситуации;

б) оценка эффективности взаимодействия на выезде и в тренировочной ситуации;

с) оценка инициативности профессиональной деятельности.

2. Самооценка уровня профессионализма.

3. Метод кейсов (оценка эффективности решения заданий в форме кейса: задания в стиле деловой игры «Что ты будешь делать, если»).

4. Тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции».

5. Методика «11 личностных факторов».

6. Тест «Мотивационный профиль» Ричи Ш., Мартина П.
  7. Тест фрустрационных реакций Розенцвейга.
  8. «Экспресс-методика» по изучению социально-психологического климата в коллективе (О.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто).
  9. Диагностика привлекательности труда (В.М. Снетков).
- Обработка проводилась на персональном компьютере с помощью пакета статистических программ SPSS 25.00.

Подтверждение возможности использования того или иного качества надежности как предиктора профессиональной успешности выполняется в этом исследовании с помощью выявления его связи с теми или иными аспектами успешности (результативности) деятельности профессионала.

Диагностика профессиональной успешности

Профессиональная успешность диагностировалась в соответствии со структурой, выделенной О.Н. Родиной (Родина, 1996): 1) результативность деятельности, 2) эффективность взаимодействия, 3) инициативность, 4) удовлетворенность трудом.

Внешний фактор выявлялся с помощью экспертной оценки результата тремя руководителями спасателей по 5-балльной шкале по следующим критериям:

1. Успешность профессиональной деятельности. Экспертам предлагалось оценить результативность, качество, безошибочность деятельности спасателей, отдельно на выезде и в тренировочной ситуации.

2. Продуктивность деятельности спасателя (без деления на реальные выезды и тренировочный процесс).

3. Дисциплинированность спасателя, отдельно на выезде и в тренировочной ситуации.

4. Эффективность взаимодействия в профессиональной сфере. Оценка ставилась обобщенно, включая взаимодействие с начальством, взаимодействие с коллегами, взаимодействие с пострадавшими, отдельно на выезде и в тренировочной ситуации.

5. Инициативность сотрудника как профессионально важное качество (Толочек и Винокуров, 2006, Мильман, 1983, Карамова, 2008).

Внутренний фактор — это удовлетворенность специалиста своей профессиональной деятельностью, которая выражается как благоприятное эмоциональное состояние, побуждающее к продолжению труда (Родина, 1996), как привлекательность труда (Веселова, Кузьмина, 2013) и измерялось нами с помощью методики самооценки

привлекательности труда (В.М. Снетков). Кроме того, в диагностику профессиональной успешности нами были включены для полноты картины самооценка уровня профессионализма, успешность выполнения кейс-заданий по специальности и экспертная оценка дисциплинированности.

Итоговые (интегративные) показатели профессиональной успешности спасателей включают 3 компонента экспертной оценки: 1) средняя оценка результативности, качества, безошибочности деятельности на выезде и в тренировочной ситуации, 2) средняя оценка эффективности взаимодействия на выезде и в тренировочной ситуации, 3) средняя оценка инициативности профессиональной деятельности, а также удовлетворенность трудом.

Диагностика личностной надежности

Личностная надежность представлена отдельными параметрами, которые включались разными исследователями в ее структуру: волевая саморегуляция, профессиональная мотивация, личностные качества, специфика проявления агрессивности, фрустрационные реакции, социально-психологический климат.

Результаты исследования

Профессиональная успешность

Результативность деятельности (табл. 1) в тренировочной ситуации ($\bar{x} = 4,77$; $SD = 0,31$) количественно практически не отличается от результативности деятельности на выезде ($\bar{x} = 4,78$; $SD = 0,29$). Скорее всего, это обусловлено тем, что условия тренировки максимально приближены к условиям на выезде. Также это может быть связано с высоким уровнем подготовки спасателей и ответственным отношением к профессиональной деятельности не только в реальной ситуации опасности, но и на тренировках.

Эффективность взаимодействия (экспертная оценка плюс экспресс методика оценки социально-психологического климата) (табл. 1). Экспертная оценка в тренировочной ситуации ($\bar{x} = 4,7$; $SD = 0,31$) и на выезде ($\bar{x} = 4,78$; $SD = 0,32$) имеет схожий уровень, поскольку, вероятно, многие руководители могут видеть работу сотрудников только в тренировочной ситуации и дают оценку «на выезде» со слов старших смены.

Инициативность, как третий компонент успешности профессиональной деятельности, также имеет высокий уровень (табл. 1), то есть сотрудники проявляют инициативность и развиваются в

своей профессии, они способны совершать самостоятельные волевые решения, ставить цели и достигать их.

Таблица 1

**Описательные статистики наиболее важных экспертных оценок
компонентов профессиональной успешности на выезде
и в тренировочной ситуации**

Наименование характеристики	$\bar{x}$	SD
Результативность деятельности в тренировочной ситуации	4,77	0,31
Результативность деятельности на выезде	4,78	0,29
Эффективность взаимодействия в тренировочной ситуации	4,78	0,32
Эффективность взаимодействия на выезде	4,7	0,31
Инициативность	4,6	0,45

Удовлетворенность трудом (измерена при помощи методики оценки привлекательности труда) неоднозначна: у сотрудников аварийно-спасательных служб меньше всего удовлетворены потребности в материальном и социальном обеспечении ($\bar{x} = -2,98$; SD = 0,58), утилитарные потребности ($\bar{x} = -2,23$; SD = 0,48) и потребности в благоприятных условиях ($\bar{x} = -1,03$; SD = 0,40). Несмотря на наличие неудовлетворенных потребностей, спасатели МЧС поддерживают хороший психологический климат и эффективность взаимодействия в коллективе, что помогает сохранять высокую результативность труда не только в тренировочных, но и в экстремальных условиях.

Компоненты личностной надежности

Личностная надежность определяется многочисленными качествами, обладающими высокой интер- и интраиндивидуальной вариативностью, однако показатели социально-психологического климата имеют определенное социально-желательное значение. Средние баллы трех компонентов социально-психологического климата (табл. 2) находятся в диапазоне высоких значений, однако эмоциональный компонент занимает из всех самое низкое положение ($\bar{x} = 0,77$; SD = 0,08), среднее — поведенческий компонент ($\bar{x} = 0,77$; SD = 0,08), а высокое — когнитивный компонент ($\bar{x} = 0,8$; SD = 0,1). В целом можно сделать вывод, что в коллективе преобладает атмосфера взаимопомощи и уважения, желание работать с

коллегами, а также дружеские отношения между сотрудниками, что очень важно для работы в команде.

Таблица 2

**Описательные статистики компонентов
социально-психологического климата**

Наименование характеристики	$\bar{x}$	SD	Уровень выраженности характеристики
Эмоциональный компонент социально-психологического климата	0,77	0,08	Высокий
Когнитивный компонент социально-психологического климата	0,9	0,1	Высокий
Поведенческий компонент социально-психологического климата	0,8	0,1	Высокий

Выявление связей между аспектами профессиональной успешности и компонентами личностной надежности

Аналитический обзор привел нас к выводу о том, что интегративные показатели успешности профессиональной деятельности спасателя не могут быть жестко детерминированы каким-то определенным комплексом профессионально-важных качеств, поскольку ни один из выявленных комплексов не продемонстрировал высокой прогностической силы, а кроме того, мы убедились, что в составе профессионально-важных качеств в современном мире значительное место стали занимать параметры личностной надежности, поэтому для дальнейшей работы мы попытались связать дифференцированные аспекты профессиональной успешности на выезде (в реальной ситуации ЧС) и в тренировочной ситуации с наиболее актуальными личностными качествами, определяющими личностную надежность спасателя.

Связь между экспертной оценкой эффективности взаимодействия и компонентами социально-психологического климата

Мы предположили сложную структуру связей между этими характеристиками, поэтому воспользовались двухэтапным кластерным анализом (учитывались экспертные оценки эффективности во взаимодействии и компоненты социально-психологического кли-

мата) с дальнейшим уточнением ключевых различий полученных кластеров средствами пошагового дискриминантного анализа. На основании кластерного анализа было выделено две группы спасателей, которые, как выяснилось, разделились практически по критерию эффективности во взаимодействии (по экспертной оценке), поэтому мы назвали их «эффективные...» и «неэффективные во взаимодействии». Для выявления дальнейших различий между кластерами был использован пошаговый дискриминантный анализ, где в качестве зависимой переменной выступала принадлежность к кластеру. Независимые переменные были представлены экспертными оценками эффективности взаимодействия на выезде и характеристиками социально-психологического климата. Дискриминантный анализ выявил одну статистически значимую каноническую функцию — эффективность (Лямбда Уилкса = 0,317 при уровне значимости $\leq 0,001$) с оценкой предсказанных значений сгруппированных наблюдений 96,7% (табл. 3).

Таблица 3

Итоговые результаты классификации предсказанной принадлежности к кластерам эффективности взаимодействия на выезде

Сопряженность исходной и предсказанной принадлежностей к кластерам		Предсказанная принадлежность к кластеру		Всего
		1	2	
	Эффективные	17	0	17
	Неэффективные	1	12	13
Исходная принадлежность к кластеру, %	Эффективные	100	0	100
	Неэффективные	7,7	92,3	100

Примечание. 96,7% исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно.

Исходя из полученных данных, распределение центроидов групп произошло следующим образом: значение функции в центроидах для 1 группы — (1,241) — эффективная во взаимодействии, для 2 группы (–1,623) — неэффективная во взаимодействии. При этом в итоговую матрицу структуры вошли только поведенческий и эмоциональный компоненты социально-психологического климата (табл. 4). То есть, этот анализ поляризовал 2 группы, при этом спасатели, получившие

мую, причем отрицательную, корреляцию с интегративным показателем успешности — с разностью между экспертными оценками на выезде и тренировочной ситуации ($\rho = -0,487$; знч. = 0,006), то есть, чем больше разница между экспертной оценкой эффективности в реальной ситуации спасения и в тренировочной ситуации, тем ниже оценивает себя человек как профессионал. Интерпретировать эту связь можно таким образом: разница в оценке эффективности на выезде и на тренировке может восприниматься специалистом как нестабильность или недоработка, кроме того, в тренировочной ситуации руководители подразделений дают оценку сразу же и на каждое задание, поэтому критика воспринимается более остро, а эффективность в реальном деле оценивается в основном по итогу и без детальной оценки за каждое действие, она и занимает в повседневной деятельности гораздо меньше время, поэтому такое одобрение менее заметно. Возможно, что это действие известного эффекта «старт плюс» для значительной части спасателей: наличие такой разницы, когда эффективность в реальной ситуации выше, чем на тренировках. В любом случае, самооценка уровня профессионализма существенно отличается от экспертной оценки профессиональной успешности. Оценка кейса также достаточно автономна, она имеет лишь одну корреляцию на 5% уровне с общей экспертной оценкой продуктивности ($\rho = 0,422$; знч. = 0,020). То есть, можно сказать, что способность человека выполнять задания кейса в некоторой степени влияет на реальную результативность в работе.

Итоговая интерпретация корреляций аспектов успешности с показателями надежности

Если учесть тот факт, что самооценка профессионализма не имеет вообще корреляций с отдельными показателями (аспектами) успешности, можно предположить, что она формируется исключительно под влиянием личностных качеств. Высокой самооценке профессиональной успешности способствуют следующие психологические качества и особенности личности, которые мы считаем **компонентами личностной надежности**: низкие уровни мотивации 1) вознаграждения ($\rho = -0,391$; знч. = 0,029), 2) условий работы ($\rho = -0,424$; знч. = 0,018), 3) структурирования ($\rho = -0,394$; знч. = 0,028), высокий уровень мотивации достижения ($\rho = 0,433$; знч. = 0,015), низкий уровень по Хэнд-тесту 1) агрессии ($\rho = -0,392$; знч. = 0,029), 2) напряжения ($\rho = -0,412$; знч. = 0,021) и 3) пассивной безличности ($\rho = -0,525$; знч. = 0,002).

Итоговая (интегративная) оценка профессиональной успешности вообще не имеет значимых корреляций с показателями личностной надежности. По отдельным аспектам: Высокой результативности на тренировке (по экспертной оценке) способствуют такие качества, как: высокая выраженность эмоционального ($\rho = 0,414$; знч. = $0,020$) и когнитивного ($\rho = 0,376$; знч. = $0,037$) компонентов социально-психологического климата и высокий GCR коэффициент групповой конформности (тест Розенцвейга) ($\rho = 0,380$; знч. = $0,035$), а результативности в реальной обстановке, на выезде, способствует только когнитивный компонент социально-психологического климата ($\rho = 0,378$; знч. = $0,036$), а также мотивация разнообразия ($\rho = 0,425$; знч. = $0,017$). Можно сказать, что в реальной обстановке эмоциональное общение может мешать, помогая при этом на тренировках, а вот интерес к разнообразию может выступать залогом быстрого накопления необходимого опыта, актуального в реальной ситуации ЧС.

Когнитивный компонент социально-психологического климата вообще имеет максимальное количество значимых связей с аспектами успешности (экспертными оценками).

Таблица 5

Корреляции (по Спирмену) когнитивного компонента социально-психологического климата с аспектами успешности

		Экспертная оценка результативности тренировочная	Экспертная оценка результативности на выезде	Экспертная оценка качества тренировочная	Экспертная оценка эффективности взаимодействия на выезде	Экспертная оценка эффективности взаимодействия тренировочная	Экспертная оценка продуктивности	Экспертная оценка инициативности	Экспертная оценка дисциплинированности тренировочная
Социально-психологич. климат когнитивный компонент	ρ	0,376*	0,378*	0,435*	0,404*	0,359*	0,446*	0,409*	0,413*
	Знч. (2-ст.)	0,037	0,036	0,014	0,024	0,047	0,012	0,022	0,021

Залогом высокого качества выполняемой работы на выезде (экспертная оценка) является выраженность поведенческого компонента социально-психологического климата ($\rho = 0,360$; знч. = 0,047) (в процессе выполнения работы важно, чтобы коллеги понимали друг друга по поведению), высокий уровень аффективности ($\rho = 0,437$; знч. = 0,014) и низкий — напряжения ($\rho = -0,457$; знч. = 0,010), а в тренировочном процессе качество обеспечивает лишь когнитивный компонент социально-психологического климата (табл. 5). То есть, возможно, в реальной ситуации ЧС аффективность заставляет спасателей сопереживать спасаемым и более качественно выполнять свои действия, а на тренировке можно не переживать по поводу пострадавших, зато есть больше возможности обдумывать свои действия.

Можно заметить, что результативность и качество выполняемой работы по личностному вкладу в некоторой степени противопоставлены друг другу, а тренировочный процесс и работа на выезде при большом сходстве имеют значимые различия по вкладу компонентов личностной надежности специалистов в тот или иной процесс.

Безошибочность на выезде обеспечивается следующими компонентами профессиональной надежности: низким уровнем потребности в благоприятных условиях (что близко понятию выносливости или неприхотливости) ($\rho = -0,370$; знч. = 0,040) и высоким уровнем активной безличности по хэнд-тесту (можно назвать это деловитостью, хлопотливостью — человеку все время нужно делать что-то полезное, не быть бездейственным) ($\rho = 0,457$; знч. = 0,010), а также высоким уровнем групповой конформности (для согласованности действий) ($\rho = 0,379$; знч. = 0,036), а безошибочность в тренировочном процессе не имеет значимых связей с компонентами личностной надежности. Возможно, в тренировочном процессе безошибочность достигается путем упражнений и благодаря вкладу интеллекта, что требует отдельного эмпирического подтверждения.

Эффективность взаимодействия на выезде и на тренировке требует от специалистов высокого уровня эмоционального ($\rho = 0,452$; знч. = 0,011) и когнитивного (табл. 5) компонентов социально-психологического климата, а на тренировке — эмоционального ($\rho = 0,390$; знч. = 0,030), когнитивного (табл. 5), и поведенческого ($\rho = 0,416$; знч. = 0,020), на выезде требуется сниженный уровень экстрапунитивных реакций с фиксацией на самозащите (когда нежелательна склонность обвинять окружение в своих неудачах, которая возникает

из-за желания защитить себя) ($\rho = -0,357$; $z_{\text{нч.}} = 0,049$), что вполне логично — на выезде команда должна действовать слаженно, несмотря на проблемы в личных взаимоотношениях.

Для того, чтобы обеспечить продуктивность, спасателям требуется высокий уровень эмоционального ($\rho = 0,506$; $z_{\text{нч.}} = 0,004$) и когнитивного (табл. 5) компонентов социально-психологического климата и высокий уровень групповой конформности ($\rho = 0,366$; $z_{\text{нч.}} = 0,043$). То есть продуктивность как аспект успешности обусловлена не личностными, а социально-психологическими факторами.

Инициативность имеет отрицательную корреляцию с потребностью в принципиальных и требовательных взаимоотношениях в коллективе ($\rho = -0,425$; $z_{\text{нч.}} = 0,017$), но положительно коррелирует с когнитивным компонентом социально-психологического климата (табл. 5) и уровнем групповой конформности ($\rho = 0,475$; $z_{\text{нч.}} = 0,007$). При этом у показателя инициативности довольно высокий уровень корреляции с экспертной оценкой продуктивности и с остальными экспертными оценками успешности.

Оценка кейсовых заданий как один из показателей готовности и надежности специалиста в профессиональной деятельности имеет отрицательные корреляции на 1% уровне статистической значимости с потребностью в благоприятных условиях труда и с выраженностью экстрапунитивных реакций, положительные корреляции на 5% уровне статистической значимости — с общим количеством ответов хенд-теста, с выраженностью импунитивных реакций и с экспертной оценкой продуктивности профессиональной деятельности.

Экспертная оценка общая на выезде (успешность как среднее всех показателей на выезде) имеет всего одну корреляцию — с аффективностью по хенд-тесту Вагнера ($\rho = 0,402$; $z_{\text{нч.}} = 0,028$), при этом тренировочная успешность по общей оценке такой корреляции не имеет. Объяснение здесь вполне логично — для общей успешности на выезде требуется мобилизация сил, которая выше при определенной аффектации для людей с сильным типом нервной системы (каковыми являются все спасатели, на основании профотбора). Экспертная оценка общая на тренировке и общая экспертная оценка успешности (успешность как среднее всех показателей и на выезде и на тренировке) вообще не имеют корреляционных связей с параметрами личностной надежности. Видимо потому, что отдель-

ные аспекты успешности слишком существенно отличаются друг от друга. Этот факт имеет большое значение для прогнозирования надежности: даже в такой узкой сфере, как профессия спасателя, невозможно однозначно прогнозировать успешность профессиональной деятельности в общем, требуется специализация или ориентация на определенный аспект успешности. Проще говоря, для разных участков спасательных работ подходят разные специалисты и задача руководителя — грамотно использовать потенциал каждого работника. Таким образом, наша гипотеза подтверждается — отдельные компоненты личностной надежности позволяют прогнозировать успешность в том или ином варианте, аспекте, но предсказать общую интегративную успешность по совокупности компонентов личностной надежности нельзя в силу разнообразия и опосредованности их влияния.

Параметры волевой саморегуляции имеют значимые корреляции лишь с мотивационными компонентами, в основном на 1% уровне значимости. У них нет значимых связей лишь с мотивами признания, достижения и власти. Причем выше было показано, что с компонентами мотивационного профиля имеет тесные связи самооценка профессионализма, которая, в свою очередь, не имеет прямых связей с экспертными оценками профессиональной успешности, только с их разницей. То есть, можно сказать, что существует некая саморегулятивная автономная система, обеспечивающая успешность профессиональной деятельности в представлениях самих спасателей, но эти представления не совпадают с мнением экспертов. Такое несовпадение чаще всего бывает обусловлено тем, что оценка экспертов включает неосознаваемые качества, связанные с лояльностью и дисциплиной.

Интересно, что для обеспечения многих аспектов успешности в этой профессиональной деятельности от специалистов требуется сниженный уровень многих потребностей, особенно потребности в благоприятных условиях. Любопытно также, что корреляции экспертной оценки дисциплинированности в нашем исследовании свидетельствуют о необходимости сдерживать многие свои потребности для выполнения дисциплинарных требований, а также иметь выраженные экстрапунитивные реакции (то есть приписывать ответственность за происходящее внешним факторам). Поэтому критерии для экспертного оценивания, возможно, следует пересмотреть.

Заключение

У спасателей были описаны компоненты личностной надежности и профессиональная успешность, показаны особенности связи этих компонентов с отдельными аспектами и общими показателями успешности в профессиональной деятельности.

- Успешность профессиональной деятельности на выезде и в тренировочной ситуации в данной выборке выше среднего, это показывает высокую подготовку и профессионализм спасателей.

- У спасателей в данной организации меньше всего удовлетворены потребности в материальном и социальном обеспечении и потребность в благоприятных условиях труда, что не повлияло на успешность.

- Успешность выполнения учебных и тренировочных заданий, приближенных к реальным, может выступать прогностическим фактором профессиональной успешности будущих специалистов.

- Эффективность взаимодействия на выезде (в реальной ситуации ЧС) обеспечивается поведенческим и эмоциональным компонентами социально-психологического климата, а когнитивный фактор оказывает значимое влияние на результативность в тренировочной ситуации.

- Существует некая саморегулятивная автономная система, обеспечивающая успешность профессиональной деятельности по версии спасателей, но эта версия не совпадает с мнением экспертов.

- Когнитивный компонент социально-психологического климата опосредует большинство аспектов профессиональной успешности спасателей.

- Личностная надежность и профессиональная успешность как интегративные качества не имеют однозначной и бесспорной связи. Наблюдаются лишь отдельные связи между компонентами личностной надежности и аспектами профессиональной успешности, что позволяет предположить дифференцированный характер влияния одного на другое, а значит, и прогнозирование в глобальном масштабе нецелесообразно.

Перспективы дальнейших исследований

Поскольку ни волевая саморегуляция, ни мотивационные аспекты не показали влияния на результативность (успешность), мы предполагаем (для будущих исследований), что личностная надежность определяется более высоким уровнем смысловых образований, типа «смысл труда», «морально-нравственные качества»,

«ответственность» и опосредованной ими саморегуляцией. Более точно эти параметры можно сформулировать после изучения механизма формирования самооценки профессиональной успешности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. 3-е изд. М., Саратов: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. URL: <http://www.iprbookshop.ru/88205.html> (дата обращения: 30.08.2020). Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Бондур В.Г. и др. Природные катастрофы и окружающая среда // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2012. № 1. С. 3–160.

Веселова О.Ю., Кузьмина В.М. Привлекательность трудовой деятельности для сотрудников образовательных учреждений // В сб.: Перспективы развития профессионального образования в социально-экономических условиях современной России. Екатеринбург, 2013. С. 35–38.

Губайдулина Л.М., Мастренко А.С., Симонова Н.Н., Султанова Ф.Р. Анализ психологической готовности к труду спасателя как критерий надежности профессиональной деятельности // Материалы VIII Международной конференции молодых ученых Психология — наука будущего. М.: «Институт психологии РАН», 2019. С. 116–120.

Кабанова Т.Н. и др. Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 89–105.

Каландия А.Т. Надежность спортсмена как фактор успешности его спортивной деятельности: автореф. ... канд. психол. н.: 19.00.01. Сочи, 2010.

Карамова Э.И. Особенности проявления инициативности сотрудников правоохранительных органов с учетом стажа профессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. н.: 19.00.01. М., 2008.

Карпинский К.В. Профессиональная деятельность и развитие личности как субъекта жизни // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 25–58. (Труды Института психологии РАН).

Климов Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003.

Кононова М.А. Профилактика синдрома эмоционального выгорания как фактор успешности профессионального становления сотрудников полиции // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы. Воронеж: Издательство: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. С. 493–494.

Крук В.М. Психология надежности специалиста: история и современность // Вестник МГОУ. 2011. № 1. С. 150–158.

Крук В.М., Федотов А.Ю., Трошина Ю.В. Проблема личностной надежности специалиста в отечественной психологии: историографический обзор //

Психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава: состояние. проблемы и пути решения. Сборник материалов Первой международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России. 2018. С. 69–85.

Крук В.М., Семикин Г.И., Федотов А.Ю. Системно-ситуативный анализ психологического феномена надежности профессионала // Человеческий капитал. 2013. № 9 (57). С. 66–74.

Лазебная Е.О., Бессонова Ю.В. Функциональная надежность и успешность профессиональной деятельности лиц опасных профессий: субъектный подход // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 283–302. (Труды Института психологии РАН).

Леонова А.Б. Надежность деятельности персонала современных организаций: диагностика и профилактика факторов риска (пленарный доклад) // V Международная научно-практическая конференция «Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России» 5–7 октября 2018.

Леонова А.Б., Султанова Ф.Р. Мотивационно-ценностные ориентации персонала и привлекательность организационной культуры // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 80–92.

Мильман В.Э. Стресс и личностные факторы регуляции деятельности // Стресс и тревога в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. С. 24–46.

Небылицын В.Д. Надежность работы оператора в сложной системе управления // Инженерная психология / Под ред. А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Д.Ю. Панова. М.: МГУ, 1964. С. 358–367.

Родина О.Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1996. № 3. С. 60–67.

Рыбников В.Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности специалистов экстремального профиля: дис. ... д. психол. н.: 19.00.03. СПб.: СПбГУ, 2000.

Рыбников В.Ю., Дубинский А.А., Булыгина В.Г. Индивидуально-психологические предикторы адаптации и дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности // Экология человека. 2017. № 3. С. 3–9.

Савинков С.Н. Исследование морально-нравственной надежности личности специалиста в психологии // Державинский форум. 2019. Т. 3. № 10. С. 117–123.

Стрельникова Ю.Ю. Мотивационная сфера личности сотрудников профессионального экстремального профиля деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 4. С. 129–134.

Толочек В.А., Винокуров Л.В. Профессиональная пригодность субъекта: ретроспектива и перспектива оценки // Акмеология. 2006. № 1 (17). С. 70–81.

Федотов А.Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур: дис. ... канд. психол. н.: 19.00.03. М., 2020.

Хаертдинова Э.В., Баринова А.А. Взаимосвязь склонности к девиантному поведению и профессиональной успешности у специалистов МЧС России // Прикладная психология и педагогика. 2019. Т. 4. № 2. С. 64–74.

Bell J.L., Williams J.C. (Eds.) (2018) Evaluation and Consolidation of the HEART Human Reliability Assessment Principles. In *Boring R. Advances in Human Error, Reliability, Resilience, and Performance*. AHFE 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 589. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60645-3_1

Bliese, P.D., Maltarich, M.A., Hendricks, J.L., Hofmann, D.A., & Adler, A.B. (2019). Improving the measurement of group-level constructs by optimizing between-group differentiation. *Journal of Applied Psychology*, 104 (2), 293–302. <https://doi.org/10.1037/apl0000349>

Braver, T.S., Krug, M.K., Chiew, K.S., Kool, W., Clement, N.J., Adcock, A., Barch, D.M., Botvinick, M.M., Carver, C.S., Cols, R., Custers, R., Dickinson, A.R., Dweck, C.S., Fishbach, A., Gollwitzer, P.M., Hess, T.M., Isaacowitz, D.M., Mather, M., Murayama, K., Pessoa, L., Samanez-Larkin, G.R., & Somerville, L.H. (2014). Mechanisms of motivation-cognition interaction: Challenges and opportunities. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 14, 443–472.

Cooper, G.E., White, M.D., & Lauber, J.K. (Eds.) (1980). Resource management on the flightdeck. *Proceedings of a NASA/industry workshop (NASA CP-2120)*. Moffett Field, CA: NASA-Ames Research Center.

Flin, R.H. (1997). Crew resource management for teams in the offshore oil industry. *Team Performance Management*, 3 (2), 121–129.

Helmreich, R.L., & Foushee, H.C. (1993). Why crew resource management? Empirical and theoretical bases of human factors training in aviation. In E. Weiner, B. Kanki, & R. Helmreich (Eds.). *Cockpit Resource Management*, 3-45. San Diego, CA: Academic Press.

Kanfer, R., & Ackerman, P. (2004). Aging, Adult Development, and Work Motivation. *The Academy of Management Review*, 29(3), 440–458. Retrieved September 6, 2020, from <http://www.jstor.org/stable/20159053>

Kruglanski, A., Chernikova, M., & Kopetz, C. (2015). Motivation science. In R. Scott & S. Kosslyn (Eds.), *Emerging trends in the social and behavioral sciences*. New York: Wiley.

Morosanova V.I. et al. (2017). Regulatory and personality predictors of the reliability of professional actions. *Psychology in Russia: State of the Art*. T. 10. № 4, 195–207. (in Russ.)

Murayama, K., Matsumoto, M., Izuma, K., Sugiura, A., Ryan, R.M., Deci, E.L., & Matsumoto, K. (2015). How self-determined choice facilitates performance: A key role of the ventromedial prefrontal cortex. *Cerebral Cortex*, 25 (5), 1241–1251.

Scholer, A.A., Miele, D.B., Murayama, K., & Fujita, K. (2018). New Directions in Self-Regulation: The Role of Metamotivational Beliefs. *Current Directions in Psychological Science*, 27 (6), 437–442.

REFERENCES

Bodrov, V.A. (ed) (2019) *Psychology of professional suitability: a textbook for universities*. 3rd ed. Moscow, Saratov: PERSE, IPRMedia. ISBN 978-5-4486-0831-5. URL: <http://www.iprbookshop.ru/88205.html> (date accessed: 08/30/2020). Access mode: for authorization users. (in Russ.)

Bondur V.G. et al. (2012). Natural disasters and the environment. *Problemy okruzhayushchey sredy i prirodnykh resursov (Environmental and natural resource problems)*. No. 1, 3–160. (in Russ.)

Veselova O.Yu., Kuzmina V.M. (2013). Attractiveness of labor activity for employees of educational institutions. In: *Perspektivy razvitiya professional'nogo obrazovaniya v sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh sovremennoy Rossii (Prospects for the development of vocational education in the socio-economic conditions of modern Russia)* (35–38). Yekaterinburg. (in Russ.)

Gubaidulina L.M., Mastrenko A.S., Simonova N.N., Sultanova F.R. (2019). Analysis of the psychological readiness to work of a rescuer as a criterion for the reliability of professional activity. In: *Materialy VIII Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh Psikhologiya — nauka budushchego (Proceedings of the VIII International Conference of Young Scientists Psychology is the Science of the Future)* (116–120). M.: “Institut Psikhologii RAS”. (in Russ.)

Kabanova T.N. et al. (2017). Features of self-regulation among specialists with an extreme profile of professional activity. *Psikhologiya i pravo (Psychology and Law)*, T. 7, No. 1, 89–105. (in Russ.)

Kalandia A.T. (2010). *Nadezhnost' sportsmena kak faktor uspeshnosti yego sportivnoy deyatel'nosti. Avtoref. ... kand. psikhol. nauk (An athlete's reliability as a factor in the success of his sports activity: Ph.D. (Psychology) Thesis)*. Sochi. (in Russ.)

Karamova E.I. (2008). *Osobennosti proyavleniya initsiativnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov s uchetom stazha professional'noy deyatel'nosti: diss. ... kand. psychol. nauk (Features of the manifestation of initiative of law enforcement officers, taking into account the length of service: Ph.D. (Psychology)*. M. (in Russ.)

Karpinsky K.V. (2014). Professional activity and personal development as a subject of life. In: Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. (resp. ed.) *Lichnost' professionala v sovremennom mire (The personality of a professional in the modern world)*. (25–58). M.: Izd-vo “Institut Psikhologii RAS”. (Trudy Instituta psikhologii RAN). (in Russ.)

Klimov E.A. (2003). *Ways to professionalism (Psychological view): a tutorial*. M.: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut: Flinta. (in Russ.)

Kononova M.A. (2018). Prevention of emotional burnout syndrome as a factor in the success of the professional development of police officers. In: *Tekhnika i bezopasnost' ob'yektov ugolovno-issledovatel'skoy sistemy (Technique and safety of objects of the penal system)* (493–494). Voronezh: Izdatel'stvo: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr “Nauchnaya kniga”. (in Russ.)

Kruk V.M. (2011). Psychology of specialist reliability: history and modernity. *Vestnik MGOU (MGOU Bulletin)*, No. 1, 150–158. (in Russ.)

Kruk V.M., Fedotov A.Yu., Troshina Yu.V. (2018). The problem of a specialist's personal reliability in Russian psychology: a historiographic review.

In: *Psikhologicheskaya rabota v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatelnosti lichnogo sostava: sostoyaniye. problemy i puti resheniya. Sbornik materialov Pervoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Psychological work in the system of moral and psychological support of operational and service activities of personnel: state, problems and solutions. Collection of materials of the First International Scientific and Practical Conference)* (69–85). M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii. (in Russ.)

Kruk, V.M., Semikin, G.I., Fedotov A. Yu. (2013). System-situational analysis of the psychological phenomenon of professional reliability. *Chelovecheskiy kapital (Human capital)*, No. 9 (57), 66–74. (in Russ.)

Lazebnaya E.O., Bessonova Yu.V. (2014). Functional reliability and success of professional activities of persons with hazardous professions: a subjective approach. In Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. (editor-in-chief) *Lichnost' professionala v sovremennom mire (The personality of a professional in the modern world)* (283–302). M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN" (Trudy Instituta psikhologii RAN). (in Russ.)

Leonova A.B. (2018). Reliability of the personnel of modern organizations: diagnosis and prevention of risk factors (plenary report). In: *V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Lichnostnyy resurs sub'yekta truda v izmenyayushcheysya Rossii" 5–7 oktyabrya 2018 (V International Scientific and Practical Conference «Personal Resource of the Subject of Labor in Changing Russia» October 5–7, 2018)*. (in Russ.)

Leonova A.B., Sultanova F.R. (2018). Motivational value orientations of personnel and the attractiveness of organizational culture. *Voprosy psikhologii (Psychology issues)*, 4, 80–92. (in Russ.)

Milman V.E. (1983). Stress and personality factors of activity regulation. In *Sat: Stress and Anxiety in Sports* (24–46). M.: Fizkul'tura i sport. (in Russ.)

Nebylitsyn V.D. (1964). Operator reliability in a complex control system. In: A.N. Leontiev, V.P. Zinchenko, D.Yu. Panov (ed.). *Inzhenernaya psikhologiya. (Engineering psychology)*. (360–365). M.: MGU. (in Russ.)

Rodina O.N. (1996). On the concept of "successful work". *Vestnik MGU. Ser. 14, Psikhologiya (Moscow State University Bulletin. Ser. 14, Psychology)*, No. 3, 60–67. (in Russ.)

Rybnikov V.Yu. (2000). *Psikhologicheskoye prognozirovaniye nadezhnosti deyatelnosti spetsialistov ekstremalnogo profilya. Dis. ... d. psikhol. nauk (Psychological forecasting of the reliability of the activities of extreme specialists)* SPb.: SPbSU. (in Russ.)

Rybnikov V.Yu., Dubinsky A.A., Bulygina V.G. (2017). Individual psychological predictors of adaptation and maladjustment of specialists with an extreme profile of activity. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*, (3), 3–9. (in Russ.)

Savinkov S.N. (2019). Study of the moral and ethical reliability of the personality of a specialist in psychology. In: *Derzhavinskiy forum (Derzhavin Forum)*, T. 3. No. 10, 117–123. (in Russ.)

Strelnikova Yu.Yu. (2013). The motivational sphere of the personality of employees of professions with an extreme profile of activity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii (Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia), No 4, 129–134. (in Russ.)

Tolochek V.A., Vinokurov L.V. (2006). Professional suitability of the subject: retrospective and perspective of the assessment. *Akmeologiya (Acmeology)*, No. 1 (17), 70–81. (in Russ.)

Fedotov A. Yu. (2020). Psikhologicheskoye obespecheniye professional'noy nazhzhnosti spetsialista silovyykh struktur: diss. ... kand. psikhol. nauk (Psychological support of professional reliability of a specialist in power structures: Ph.D. (Psychology). Moscow. (in Russ.)

Haertdinova E.V., Barinova A.A. (2019). The relationship between the propensity for deviant behavior and professional success among the specialists of the EMERCOM of Russia. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika (Applied Psychology and Pedagogy)*, T. 4. No. 2, 64–74.

Bell J.L., Williams J.C. (2018) Evaluation and Consolidation of the HEART Human Reliability Assessment Principles. In: *Boring R. (eds) Advances in Human Error, Reliability, Resilience, and Performance*. AHFE 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 589. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60645-3_1

Bliese, P.D., Maltarich, M.A., Hendricks, J.L., Hofmann, D.A., & Adler, A.B. (2019). Improving the measurement of group-level constructs by optimizing between-group differentiation. *Journal of Applied Psychology*, 104(2), 293–302. <https://doi.org/10.1037/apl0000349>

Braver, T.S., Krug, M.K., Chiew, K.S., Kool, W., Clement, N.J., Adcock, A., Barch, D.M., Botvinick, M.M., Carver, C.S., Cols, R., Custers, R., Dickinson, A.R., Dweck, C.S., Fishbach, A., Gollwitzer, P.M., Hess, T.M., Isaacowitz, D.M., Mather, M., Murayama, K., Pessoa, L., Samanez-Larkin, G.R., & Somerville, L.H. (2014). Mechanisms of motivation-cognition interaction: Challenges and opportunities. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 14, 443–472.

Cooper, G.E., White, M.D., & Lauber, J.K. (Eds). (1980). Resource management on the flightdeck. *Proceedings of a NASA/industry workshop (NASA CP-2120)*. Moffett Field, CA: NASA-Ames Research Center.

Flin, R.H. (1997). Crew resource management for teams in the offshore oil industry. *Team Performance Management*, 3 (2), 121–129.

Helmreich, R.L., & Foushee, H.C. (1993). Why crew resource management? Empirical and theoretical bases of human factors training in aviation. In E. Weiner, B. Kanki, & R. Helmreich (Eds.). *Cockpit Resource Management*, 3–45. San Diego, CA: Academic Press.

Kanfer, R., & Ackerman, P. (2004). Aging, Adult Development, and Work Motivation. *The Academy of Management Review*, 29 (3), 440–458. Retrieved September 6, 2020, from <http://www.jstor.org/stable/20159053>

Kruglanski, A., Chernikova, M., & Kopetz, C. (2015). Motivation science. In R. Scott & S. Kosslyn (Eds.), *Emerging trends in the social and behavioral sciences*. New York: Wiley.

Morosanova V.I. et al. (2017). Regulatory and personality predictors of the reliability of professional actions. *Psychology in Russia: State of the Art*. T. 10. №. 4, 195–207. (in Russ)

Murayama, K., Matsumoto, M., Izuma, K., Sugiura, A., Ryan, R.M., Deci, E.L., & Matsumoto, K. (2015). How self-determined choice facilitates performance: A key role of the ventromedial prefrontal cortex. *Cerebral Cortex*, 25 (5), 1241–1251.

Scholer, A.A., Miele, D.B., Murayama, K., & Fujita, K. (2018). New Directions in Self-Regulation: The Role of Metamotivational Beliefs. *Current Directions in Psychological Science*, 27 (6), 437–442.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова Наталья Николаевна — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: n23117@mail.ru

Мастренко Александра Сергеевна — студент САФУ имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия. E-mail: Kidusy@outlook.com

Султанова Фания Ривалевна — специалист по учебно-методической работе МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: faniya2014@gmail.com

Губайдулина Людмила Маратовна — студент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: gubaidulina.mila@yandex.ru

Барабанщикова Валентина Владимировна — доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии труда МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: vvb-msu@bk.ru

ABOUT AUTHORS

Natalia N. Simonova — doctor of Psychology, professor, Leading Researcher of the Laboratory of Work Psychology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: n23117@mail.ru

Alexandra S. Mastrenko — student of Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia. E-mail: Kidusy@outlook.com

Faniya R. Sultanova — specialist in educational and methodical work of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: faniya2014@gmail.com

Lyudmila M. Gubaidulina — student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: gubaidulina.mila@yandex.ru

Valentina V. Barabanshchikova — doctor of Psychology, head of the Laboratory of Work Psychology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: vvb-msu@bk.ru

БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ РУКОПИСЕЙ, ПОДАННЫХ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 14. ПСИХОЛОГИЯ» в 2020 г.

Редакция научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» выражает благодарность всем экспертам-рецензентам, оказавшим помощь в анализе, оценке и отборе публикации поступивших в 2020 г. рукописей:

Авдеева Наталья Николаевна — кандидат психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГППУ);

Айсмонтас Бронюс Броневич — кандидат педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГППУ);

Аксенова Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО Саратовский НИУ имени Н.Г. Чернышевского);

Ахметзянова Анна Ивановна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО КФУ / Институт психологии и образования);

Басилова Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГППУ);

Беребин Михаил Алексеевич — кандидат медицинских наук, профессор (ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный университет);

Бизюк Александр Павлович — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО ПСПбГМУ имени акад. И.П. Павлова);

Божович Елена Дмитриевна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник (ФГБНУ Психологический институт РАО);

Бочавер Александра Алексеевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник (Институт образования НИУ ВШЭ);

Будякова Татьяна Петровна — кандидат психологических наук, доцент, профессор (ФГБОУ ВО Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина);

Бусарова Ольга Ренатовна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ);

Бусыгина Наталья Петровна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ); Баянова Лариса Фаритовна — доктор психологиче-

ских наук, доцент (ФГБОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет);

Бухаленкова Дарья Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Вартанова Ирина Ивановна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Василенко Виктория Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет);

Виндекер Ольга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Уральский федеральный университет);

Водяха Сергей Анатольевич — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»);

Гайдамашко Игорь Вячеславович — доктор психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Московский технологический университет»)

Гижицкий Виктор Владимирович — кандидат психологических наук;

Глозман Жанна Марковна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гордеева Тамара Олеговна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Горьковая Ирина Алексеевна — доктор психологических наук, профессор (Институт психологии ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена);

Греченко Татьяна Николаевна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник (МГБНУ Лаборатория психофизиологии имени В.Б. Швыркова);

Гусев Алексей Николаевич — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Дебольский Михаил Георгиевич — кандидат психологических наук, доцент, (ФГБОУ ВО МГППУ; ФКУ НИИ ФСИН);

Долгих Александра Георгиевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Дубовицкая Татьяна Дмитриевна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»);

Егорова Варвара Андреевна — кандидат педагогических наук, ассистент (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»);

Егорова Марина Алексеевна — кандидат психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГППУ);

Ениколопов Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Ефремова Мария Викторовна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, (Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»));

Жегалло Александр Владимирович — кандидат психологических наук, научный сотрудник, (ФГБНУ Институт психологии РАН);

Заикин Виктор Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель (ФГБОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова);

Зверева Наталья Владимировна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГППУ);

Иванов Михаил Владимирович — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник (ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»);

Кадыров Игорь Максумович — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Коржова Елена Юрьевна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена);

Коровкин Сергей Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова);

Кочетова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ);

Кравченко Юнна Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент (Институт психологии имени Л.С. Выготского, ФГБОУ ВО Российский государственный гуманитарный университет);

Кроткова Ольга Андреевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения нейрореабилитации (ФГБУ «НИИ нейрохирургии имени акад. Н.Н. Бурденко» РАМН);

Кузнецова Алла Спартаковна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Кузьмина Татьяна Ивановна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ);

Кукушкина Ольга Ильинична — доктор педагогических наук, профессор;

Лазуренко Светлана Борисовна — доктор педагогических наук (ФГБУ «Научный центр здоровья детей» Минздрава России);

Лассан Людмила Павловна — кандидат психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена);

Леонов Сергей Владимирович — кандидат психологических наук, доцент (МГУ имени М.В. Ломоносова);

Макушина Ольга Петровна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет);

Малофеев Николай Николаевич — доктор педагогических наук, профессор (ФГБУ Российская академия образования);

Маничев Сергей Алексеевич — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»);

Марцинковская Татьяна Давыдовна — доктор психологических наук, профессор (Институт психологии им. Л.С. Выготского ФГБОУ ВО РГГУ);

Москвин Виктор Анатольевич — доктор психологических наук, профессор (РГУФКСМиТ (ГЦОЛИФК));

Нагибина Наталья Львовна — доктор психологических наук, научный сотрудник (ФГБНУ Институт психологии РАН);

Носкова Ольга Геннадьевна — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Панюкова Светлана Владимировна — доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО МГППУ);

Печникова Леонора Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Прохоров Александр Октябрьнович — доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет);

Радина Надежда Константиновна — доктор политических наук, профессор (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»);

Реан Артур Александрович — доктор психологических наук, Академик Российской академии образования (ФГБУ Российская академия образования);

Рогова Ольга Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО Петрозаводский Государственный Университет);

Рубанова Евгения Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет);

Сергиенко Елена Алексеевна — доктор психологических наук, профессор (ФГБНУ Институт психологии РАН);

Сидоров Константин Рудольфович — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»);

Соловьева Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Степанова Марина Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова);

Труханова Юлия Александровна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова);

Умняшова Ирина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ);

Хазова Светлана Абдурахмановна — доктор психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО Костромской государственной университет);

Шадриков Владимир Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор, профессор (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»);

Шашлова (Колосова) Галина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ВГСПУ» (Волгоград));

Шведовская Анна Александровна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ);

Эльконина Людмила Иосифовна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГППУ);

Якупова Вера Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова).

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 14. ПСИХОЛОГИЯ» в 2020 г.**

	№	С.
<i>Методика и методология современной психологии</i>		
<i>Арестова О.Н., Осипян Г.А., Взорин Г.Д., Малиновская И.В., Маслова М.В.</i> Методика исследования качества жизни в связи с нарушениями зрительной функции.	1	55–76
<i>На факультете психологии</i>		
<i>Липатов С.А.</i> Проблемы концептуализации социальных эмоций и коллективных переживаний в современной социальной психологии: к 70-летнему юбилею Т.Г. Стефаненко.	1	143–160
<i>К юбилею В.А. Емелина.</i>	3	335–336
<i>Психология практике — актуальные вызовы</i>		
<i>Свиридова Т.В., Лазуренко С.Б., Венгер А.Л., Фисенко А.П., Долгих А.Г.</i> Психологическая помощь детям с COVID-19 в «красной зоне» в ситуации болезни близких взрослых	4	4–21
<i>Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю.</i> Принятие моральных решений во время пандемии COVID-19.	4	22–43
<i>Шмелев А.Г.</i> Точность экспертной технологии обнаружения мошенничества на удаленных тестовых экзаменах (прокторинг)	4	44–66
<i>Володарская Е.А., Гасимов А.Ф.</i> Индивидуально-характерологические аспекты психологической культуры студентов дистанционной и очной форм обучения.	4	67–83
<i>Теоретические исследования</i>		
<i>Зиренко М.С., Корнилова Т.В.</i> Интеллект, мотивация и черты Большой пятерки в регуляции решения детерминистской задачи (П. Васона)	1	3–21
<i>Лисова Е.Н.</i> Группа как объект: незрелость или деструкция?	1	22–33
<i>Рикель А.М., Филатова К.В.</i> Сходство аттитюдов и возникновение аттракции: новый взгляд на классическую проблему	1	34–54

<i>Карабанова О.А.</i> Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства	3	4–22
<i>Погожина И.Н., Егорова В.А.</i> Сравнительный анализ моделей детерминации развития психики как основы построения программ психологической помощи детям с особенностями развития	3	23–49
<i>Александрова Ю.Ю., Коробанова Ж.В., Пряжников Н.С., Пряжников Е.Ю., Маркина О.С.</i> Девиантная экономическая идентичность у детей и подростков: постановка проблемы	3	50–68
Теоретические и эмпирические исследования		
<i>Иванников В.А., Гусев А.Н., Барабанов Д.Д., Эйрман Е.В.</i> Осмысленность жизни и ориентация на действие как предикторы самооценок волевых качеств	2	3–25
<i>Ковалёв А.И., Рогачев А.О., Климова О.А., Гасимов А.Ф.</i> Электрофизиологические показатели восприятия иллюзии движения собственного тела в условиях виртуальной реальности	2	26–44
<i>Косенкова Н.М., Мешкова Н.В.</i> Самооценка и виды креативности у подростков: связь и предикторы	2	45–61
<i>Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.</i> Категоричные представления о причинах, проявлениях и последствиях коронавируса: психологическое содержание и связь с поведением	2	62–82
<i>Луценко А.М., Спиваковская А.С.</i> Представления о феномене «семейная боль» у лиц, выросших в алкогольной семье.	2	83–102
<i>Бондаренко Я.А., Меньшикова Г.Я.</i> Исследование роли аналитического и холистического процессов в распознавании лицевых экспрессий	2	103–140
<i>Ржанова И.Е., Алексеева О.С., Фоминых А.Я.</i> Половые различия по показателям когнитивной сферы у детей дошкольного и младшего школьного возраста	2	141–157
<i>Ахметзянова А.И., Хакимуллина Р.Р.</i> Специфика прогнозирования у дошкольников с нарушением слуха	2	158–176
<i>Степанова М.А.</i> Психология трудного детства. К 150-летию со дня рождения В.П. Кащенко (1870–1943).	3	239–261
<i>Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.</i> Социально-психологическая терапевтически-развивающая среда для трудных детей: история и современные возможности проектирования.	3	262–290
<i>Хохлов Н.А., Словенко Е.Д.</i> Нейропсихологические предикторы школьной неуспеваемости	3	291–313

<i>Ахметзянова А.И., Артемьева Т.В., Артищева Л.В.</i> Взаимосвязь прогнозирования и распознавания психических состояний на фоне эмоционального благополучия и коммуникативных способностей детей с нарушениями слуха	3	314–334
<i>Виноградова М.Г., Ермушева А.А.</i> Структура категориальных связей телесных ощущений у пациентов с синдромом импульсивных экскораций	4	187–203
<i>Ковшова О.С., Киреева Т.И.</i> Клинико-психологическое сопровождение детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом	4	204–220
<i>Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В.</i> Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях	4	135–167
<i>Муромцева Т.С., Ковязина М.С.</i> Эквивалентность словесного и слогового вариантов теста дихотического прослушивания	4	168–186
<i>Рикель А.М.</i> Социальные представления о гомосексуальности у разных поколений современных россиян	4	110–134
<i>Симонова Н.Н., Мастренко А.С., Султанова Ф.Р., Губайдулина Л.М., Барабанищкова В.В.</i> Личностная надежность спасателей МЧС и их профессиональная успешность	4	221–250
<i>Толочек В.А.</i> Феномен «Компетенции»: Открытые вопросы	4	84–109
Эмпирические исследования		
<i>Морсанова В.И., Кондратюк Н.Г., Гайдамашко И.В.</i> Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска	1	77–95
<i>Смирнова Я.К.</i> Специфика совместного внимания и модели психического у дошкольников с атипичным развитием	1	96–123
<i>Деева Т.М.</i> Усвоение простых закономерностей в исследованиях имплицитного научения	1	124–142
<i>Коновалова А.М.</i> Факторы, связанные с неуважительным отношением подростков к своим родителям	3	69–87
<i>Уиков Ф.И., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Алмазова О.В.</i> Воспитатели и психологи колоний как «значимые другие» для несовершеннолетних правонарушителей в период отбывания наказания	3	88–119
<i>Поскребышева Н.Н., Бабкина А.Ю.</i> Семейные факторы развития автономии и сепарационных процессов у подростков	3	120–146
<i>Молчанов С.В., Алмазова О.В.</i> Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте	3	147–165

<i>Асланова М.С., Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н., Гаврилова М.Н., Люцко Л.Н., Сухих В.Л.</i> Традиции и инновации в математическом образовании дошкольников в России: соответствуют ли они образовательным критериям?	3	166–193
<i>Фомина Т.Г., Моросанова В.А.</i> Адаптация и валидизация шкал опросника «Многомерная Шкала Школьной Вовлеченности» . .	3	194–213
<i>Твардовская А.А., Габдулхаков В.Ф., Новик Н.Н., Гарифуллина А.М.</i> Влияние физической активности дошкольников на развитие регуляторных функций: теоретический обзор исследований	3	214–238

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» содержит публикации (в форме коротких сообщений, статей, обзоров и др.) по основным направлениям научно-исследовательской и учебно-методической работы ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Журнал открыт для публикации результатов научных исследований ученых МГУ, других научных учреждений и высших учебных заведений.

Отбор поступивших в редколлегию работ для публикации в журнале осуществляется на основе их независимого анонимного научного рецензирования.

2. Материалы принимаются в электронном виде. Текст и таблицы — в формате WORD или RTE, шрифт Times New Roman, 14/12, одинарный интервал. Рисунки — желательно в формате PDF.

Общий объем рукописи, включая текст, список литературы, таблицы и рисунки, не должен превышать 30 тыс. знаков с пробелами. Превышение объема может служить основанием для отказа в публикации.

3. Используемая литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после литературы на русском языке. В тексте ссылка на источник делается путем указания в круглых скобках автора книги или статьи, года издания и, в случае прямого цитирования, страниц/ ы. Например: (Иванов, 2010) или (Петров, 2012, с. 147).

4. К статье прилагаются (отдельным файлом) название статьи на английском языке, резюме объемом не менее 200 и не более 250 слов на русском и английском языках, ключевые слова (не более 2 строк) на русском и английском языках.

Сведения об авторах статьи: 1. Фамилия, имя, отчество; 2. Ученая степень, ученое звание; 3. Место работы; 4. Должность; 5. Контактный телефон; 6. *E-mail*.

Для аспирантов и соискателей степени кандидата психологических наук обязательным является развернутый отзыв научного руководителя (присылается вместе со статьей).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

Редакция знакомится с письмами читателей, но в переписку не вступает. *Плата за публикацию рукописей не взимается.*

Электронный адрес редакции: vestnik_psy@mail.ru

Примеры оформления источников в списке литературы и другую информацию о журнале см. по адресу: <http://msuspsyj.ru/>